

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL OF ECONOMIC SOCIOLOGY = EKONOMICHESKAYA SOTSILOGIYA

Читайте в номере:

Хёрд М. Микроистории технологии: создание мира (фрагмент)

Скалабан И. А., Алексеев Т. Д., Отто З. Н. Пространства и инфраструктура городской конфликтности: на материалах г. Новосибирска

Литвинцев Д. Б. Многоаспектность жилищной прекарности: концептуальные подходы и институциональные ракурсы

Iskakova B., Kosaretsky S., Zair-Bek S., Anchikov K. Education Policy and Urban-Rural Disparities in Schooling in Post-Soviet Countries

Babayeva J. “Publish or Perish” under Financial Strain: The Role of Funding Status in Shaping Russian Doctoral Students’ Perceptions and Experiences of Publication Requirements

**Экономическая
социология**
Т. 27. № 3
Май 2026

Электронный журнал
www.ecsoc.hse.ru
[ojs.hse.ru/index.php/
ecsoc](http://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc)

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 27. No 3.
May 2026

Electronic journal
www.ecsoc.hse.ru
[ojs.hse.ru/index.php/
ecsoc](http://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc)

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str.,
room 530
101000, Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Электронный журнал «Экономическая социология» издаётся с 2000 г. Учредителями являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 2007 г.) и Вадим Валерьевич Радаев (главный редактор).

Цель журнала — утверждать международные стандарты экономико-социологических исследований в России, представлять современные работы российских и зарубежных авторов в области экономической социологии, информировать профессиональное сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых коллег.

Журнал представляет собой специализированное академическое издание. В нём публикуются материалы, отражающие современное состояние экономической социологии и способствующие развитию данной области в её современном понимании. В числе приоритетных тем: теоретические направления экономической социологии, социологические исследования рынков и организаций, социально-экономические стратегии индивидов и домашних хозяйств, неформальная экономика. Также публикуются тексты из смежных дисциплин — неоинституциональной экономической теории, антропологии, экономической психологии и других областей, которые могут представлять интерес для экономсоциологов.

Журнал публикует пять номеров в год: в январе, марте, мае, сентябре и ноябре. Доступ ко всем номерам журнала постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <http://www.ecsoc.hse.ru>. Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).

Журнал входит в список ВАК России, индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), Emerging Sources Citation Index (ESCI) из Web of Science Core Collection и Scopus (3-й квартиль).

Требования к авторам изложены по адресу: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

В журнале применяется двойное анонимное рецензирование статей. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры.

Плата с авторов журнала не взимается. Ускоренные сроки публикации статей не предусмотрены.

Journal of Economic Sociology was established in 2000 as one of the first academic e-journals in Russia. It is funded by HSE University.

Journal of Economic Sociology promotes international standards of research in economic sociology, presenting new research carried out by Russian and international scholars, introducing new books and research projects, and attracting young scholars into the field.

Journal of Economic Sociology is a specialized academic journal representing the mainstreams of thinking and research in international and Russian economic sociology. Journal of Economic Sociology provides a framework for discussion of the following key issues: major theoretical paradigms in economic sociology, sociology of markets and organizations, social and economic strategies of households, informal economy. Journal of Economic Sociology also welcomes research papers written within neighboring disciplines — new institutional economics, anthropology, economic psychology and related fields, which can be of interest for economic sociologists.

Journal of Economic Sociology has a wide Russian speaking audience, living both in Russia and abroad. Its main target group comprises research scholars, university professors, policy-makers, post-graduates, undergraduates and others who are interested in economic sociology.

Journal of Economic Sociology is indexed by Emerging Sources Citation Index (ESCI) from Web of Science™ Core Collection and Scopus (Q3).

Journal of Economic Sociology is a bimonthly journal released in five issues (January, March, May, September, and November). Journal of Economic Sociology provides permanent free access to all issues in PDF. Journal of Economic Sociology applies blind peer-review procedures (two referees for each research paper). All papers are subject to editing, proofreading, and professional design layout.

Guidelines for authors: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

Экономическая
социология
Т. 27. № 3.
Май 2026

Электронный журнал
www.ecsoc.hse.ru
ojs.hse.ru/index.php/ecsoc

ISSN 1726-3247

Журнал выходит
пять раз в год

Учредители:

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- В. В. Радаев

Издаётся с 2000 года

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Редакция

Главный редактор:

Радаев Вадим Валерьевич (НИУ ВШЭ, Россия)

Редактор выпуска:

Соколова Татьяна Виленовна (Россия)

Вёрстка:

Мишина Мария Евгеньевна (Россия)

Корректор:

Андрианова Надежда Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Ответственный
секретарь:

Котельникова Зоя Владиславовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Сотрудники редакции:

Конрой Наталья Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Редакционный совет

Богомолова
Татьяна Юрьевна

НГУ, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Россия)

Веселов
Юрий Васильевич

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Волков
Вадим Викторович

Европейский университет в Санкт-Петербурге (Россия)

Гимпельсон
Владимир Ефимович

НИУ ВШЭ (Россия)

Козырева
Полина Михайловна

НИУ ВШЭ (Россия)

Косалс
Леонид Янович

Университет Торонто (Канада)

Малева
Татьяна Михайловна

Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС (Россия)

Овчарова
Лилия Николаевна

НИУ ВШЭ (Россия)

Радаев
Вадим Валерьевич
(главный редактор)

НИУ ВШЭ (Россия)

Тихонова
Наталья Евгеньевна

НИУ ВШЭ (Россия)

Хахулина
Людмила Александровна

(Россия)

Чепуренко Александр Юльевич

НИУ ВШЭ (Россия)

- HSE University
- Vadim Radaev

Editors

Editor-in-Chief:

Vadim Radaev (HSE University, Russia)

Editor:

Tatyana Sokolova (Russia)

Design and Layout:

Maria Mishina (Russia)

Proofreader:

Nadezda Andrianova (HSE University, Russia)

Managing Editor:

Zoya Kotelnikova (HSE University, Russia)

Editorial Staff:

Natalia Conroy (HSE University, Russia)

Editorial Council

Tatyana Bogomolova

Institute of Economics and Industrial
Engineering of the Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences (Russia)

Alexander Chepurenko

HSE University (Russia)

Vladimir Gimpelson

HSE University (Russia)

Lyudmila Khakhulina

(Russia)

Leonid Kosals

University of Toronto (Canada)

Polina Kozyreva

HSE University (Russia)

Tatyana Maleva

Institute of Social Analysis and Forecasting,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and
Public Administration (Russia)

Lilia Ovcharova

HSE University (Russia)

Vadim Radaev (Editor-in-Chief)

HSE University (Russia)

Natalya Tikhonova

HSE University (Russia)

Yuriy Veselov

Saint Petersburg State University (Russia)

Vadim Volkov

European University at Saint Petersburg
(Russia)

Содержание

Тексты на русском языке

Вступительное слово главного редактора (В. В. Радаев)..... 7

Новые переводы

Микаэль Хёрд

Микроистории технологии: создание мира (фрагмент)..... 12

Расширение границ

И. А. Скалабан, Т. Д. Алексеев, З. Н. Отто

Пространства и инфраструктура городской конфликтности: на материалах г. Новосибирска..... 23

Профессиональные обзоры

Д. Б. Литвинцев

Многоаспектность жилищной прекарности: концептуальные подходы
и институциональные ракурсы..... 54

Новые книги

Е. С. Беляевская

Табель о рангах в цифровую эпоху

Рецензия на книгу: Fourcade M., Healy K. 2024. *The Ordinal Society*.

Cambridge, MA: Harvard University Press. 384 p..... 75

Конференции

Д. Р. Лебедева

Сессия «Нестандартные формы потребления: роль технологий, эмоций и морали»

XXVI Апрельская международная научная конференция имени Е. Г. Ясина, НИУ ВШЭ,

Москва, Россия, 14 апреля 2026 г... 91

Тексты на английском языке

Расширение границ

В. Iskakova, S. Kosaretsky, S. Zair-Bek, K. Anchikov

Education Policy and Urban-Rural Disparities in Schooling in Post-Soviet Countries... 99

Дебютные работы

J. Babayeva

“Publish or Perish” under Financial Strain:

The Role of Funding Status in Shaping Russian Doctoral Students’ Perceptions

and Experiences of Publication Requirements... 129

Contents

Texts in Russian

Editor's Foreword (*Vadim Radaev*) 7

New Translations

Mikael Hård

Microhistories of Technology: Making the World (excerpt) 12

Beyond Borders

Irina Skalaban, Timofey Alekseev, Zoya Otto

Spaces and Infrastructure of Urban Conflictuality: A Case Study of Novosibirsk 23

Professional Reviews

Denis Litvintsev

Multifaceted Nature of Housing Precarity:

Conceptual Approaches and Institutional Perspectives 54

New Books

Elena Beliavskaia

Table of Ranks for the Digital Age

Book Review: Fourcade M., Healy K. (2024) *The Ordinal Society*, Cambridge, MA:

Harvard University Press. 384 p. 75

Conferences

Daria Lebedeva

Non-Standard Forms of Consumption: The Role of Technology, Emotions, and Morality

XXVI April International Academic Conference Named after Evgeny Yasin, HSE University,

Moscow, Russia, April 14, 2026 91

Texts in English

Beyond Borders

Bibigul Iskakova, Sergey Kosaretsky, Sergey Zair-Bek, Konstantin Anchikov

Education Policy and Urban-Rural Disparities in Schooling in Post-Soviet Countries 99

Debut Studies

Jennet Babayeva

“Publish or Perish” under Financial Strain:

The Role of Funding Status in Shaping Russian Doctoral Students' Perceptions

and Experiences of Publication Requirements 129

VR ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

«Авторство в эпоху искусственного интеллекта» — так назывался круглый стол, который был приурочен к празднованию **25-летия электронных журналов «Экономическая социология» и «Социологическое обозрение»** и состоялся 15 апреля 2026 г. в Москве. Он прошёл в Высшей школе экономики в рамках XXVI Апрельской международной научной конференции имени Е. Г. Ясина. Ещё раз поздравляем всех наших авторов и коллег, работавших над многочисленными выпусками двух журналов.

Далее представляем новый номер нашего журнала.

Тексты на русском языке

В рубрике «**Новые переводы**» мы знакомим читателей с фрагментом перевода книги профессора *Микаэля Хёрда* (Технический университет Дармштадта, Германия) «Микроистории технологии: создание мира» (Hård M. 2023. *Microhistories of Technology: Making the World*. Cham: Palgrave Macmillan). В книге представлена многосторонняя глобальная история технологии и материальной культуры, рассматриваемая через призму многообразия. Проясняя материальную культуру обычных людей по всему свету — в Африке, Азии и Латинской Америке, «Микроистории технологии» показывают, как изобретательные люди и группы определяли собственные жизни. Журнал «Экономическая социология» публикует введение к книге «Оттачивание локальных техник в глобальном контексте», в котором автор раскрывает своё понимание технологии и общий замысел исследования. Публикуется с разрешения Издательского дома НИУ ВШЭ.

В рубрике «**Расширение границ**» публикуется статья доктора социологических наук *И. А. Скалабан*, *Т. Д. Алексеева* и кандидата социологических наук *З. Н. Отто* (все из Новосибирского государственного технического университета) «Пространства и инфраструктура городской конфликтности (на материалах г. Новосибирска)». В статье исследуется феномен городской конфликтности на примере Новосибирской агломерации, на материале 2022–2024 гг. Теоретическими основами выступают реляционная теория пространства М. Лёв и теория полей стратегических действий Н. Флигстина и Д. Макадама. Эмпирическую базу составил материал Геоинформационной базы данных конфликтов Новосибирской агломерации ($N = 774$ конфликта), дополненный контент-анализом упоминаний конфликтов в социальных сетях ($N = 3070$ упоминаний). Результаты показали, что предметные пространства городской конфликтности в настоящее время структурируются вокруг двух ядер: иерархические конфликты, связанные с проектами изменений, строительством и землеустройством, и горизонтальные конфликты повседневности, сфокусированные на безопасности, доступности и защите ценностей.

В рубрике «**Профессиональные обзоры**» нас ожидает материал кандидата социологических наук *Д. Б. Литвинцева* (Новосибирский государственный технический университет) «Многоаспектность жилищной прекарности: концептуальные подходы и институциональные ракурсы». Прекарность жилья рассматривается в контексте международных исследований с акцентом на то, что нестабильность условий проживания выходит далеко за рамки просто жилищной обеспеченности и охватывает широкий спектр проблем, таких как правовая уязвимость, угроза выселения, перенаселённость, низкое качество жилья, ограниченный доступ к инфраструктуре и социальным услугам. Показано, что прекарности в разных сферах — жилищной, трудовой, правовой — могут пересекаться, взаимно усиливая

и закрепляя друг друга. Отражена роль практик совместного проживания и «домашней культуры прекарности» в трансформации повседневности миллениалов.

В рубрике «**Новые книги**» публикуется рецензия на книгу *Марион Фуркад* и *Кирана Хили* «Общество рангов» (Fourcade M., Healy K. 2024. *The Ordinal Society*. Cambridge, MA: Harvard University Press). Книга предлагает общую теорию цифрового капитализма. Главная идея авторов состоит в том, что современное общество всё в большей степени организуется через измерение, сортировку и оценочное упорядочивание людей, вещей и действий. Такое упорядочивание становится фундаментальным принципом социальной координации. В рецензии рассматриваются основные понятия книги: платформенная эксфильтрация социальности, понимаемая как извлечение данных из повседневных социальных взаимодействий, эйгенкапитал как новая форма цифрового капитала, а также «ситуация классификации», производящая социальную иерархию, внизу которой оказывается новый депривированный класс — люмпенскоритарият. Рецензия подготовлена кандидатом социологических наук *Еленой Белявской* (ЛЭСИ НИУ ВШЭ).

В рубрике «**Конференции**» рассказывается о сессии «Нестандартные формы потребления: роль технологий, эмоций и морали» на XXVI Апрельской международной научной конференции имени Е. Г. Ясина. Сессия объединила исследователей, занимающихся экономической социологией, психологией и институциональной экономикой, вокруг вопроса о природе потребительского поведения, выходящего за пределы стандартной модели рационального выбора. В пяти докладах были представлены следующие темы: сравнительный анализ форм нестандартного потребления (В. В. Радаев); этическое потребление как инструмент гражданственности (М. А. Шабанова); психологические механизмы ностальгического потребления (Т. А. Нестик); показное потребление через институт потребительского кредитования (А. В. Верников, А. А. Курышева); компульсивное потребление как форма аддикции (О. С. Дейнека). Были выделены три сквозных концептуальных напряжения: вопрос об открытости и границах типологии нестандартного потребления; проблема аналитической разницы между формами при их эмпирическом пересечении; оспаривание самого концепта «нестандартного» в логике множественности форм рациональности в социологии. Обзор подготовлен кандидатом социологических наук *Дарьей Лебедевой* (ЛЭСИ НИУ ВШЭ).

Тексты на английском языке

В рубрике «**Расширение границ**» *Бибигюль Искакова*, кандидат педагогических наук *Сергей Заир-Бек*, *Константин Анчиков* (все из Центра общего и внешкольного образования имени А. А. Пинского, НИУ ВШЭ) и кандидат педагогических наук *Сергей Косарецкий* (Московский государственный университет психологии и образования) представляют своё исследование «Политика в сфере образования и городско-сельские диспаритеты в школьном образовании в постсоветских странах». В статье рассматриваются проблемы территориального неравенства образовательных результатов в семи постсоветских странах — Эстонии, Латвии, Литве, России, Молдове, Грузии и Казахстане. Исследование анализирует, как варьируются результаты учеников в тестах PISA (Programme for International Student Assessment) в городской и сельской местности, а также изучает, способствовали ли национальные образовательные политики, в частности, механизмы финансирования школ и консолидация школьной сети, сокращению или увеличению этих диспаритетов. Дизайн исследования с использованием смешанных методов сочетает многоуровневый регрессионный анализ на данных PISA за 2009 и 2018 гг. с контент-анализом национальных документов, посвящённых постсоветским реформам в образовании. Результаты демонстрируют рост диспаритетов в успеваемости между городскими и сельскими учениками, причём наибольшие разрывы выявлены в Молдове, России и Литве.

Дженнет Бабаева (Институт образования НИУ ВШЭ, Москва) для рубрики «Дебюты» предлагает результаты своего исследования «“Публикуйся или исчезни”: финансовые ограничения и роль статуса (не)финансируемого аспиранта в России для формирования восприятия и опыта относительно требований к публикациям». Данное качественное исследование рассматривает, каким образом статус финансирования опосредует восприятие и опыт аспирантов в отношении обязательных публикационных требований в России, сопоставляя обучающихся с финансированием и без него в исследовательском университете. В качестве эмпирической базы использованы 19 глубинных интервью. Результаты выявляют чёткое различие в опыте, обусловленное наличием или отсутствием финансирования. Аспиранты, получающие финансирование, несмотря на материальную поддержку, описывают сильное психологическое давление и конфликт между углублённой работой над диссертацией и необходимостью соответствовать административным требованиям. В то же время аспиранты без финансирования сталкиваются с фундаментальной борьбой за время и ресурсы, поскольку необходимость внешней занятости существенно ограничивает их возможности заниматься как публикационной активностью, так и написанием диссертации.

VR INTRODUCTORY REMARKS

Dear colleagues,

The Round Table “Authorship in the Era of Artificial Intelligence” took place in Moscow on 15 April 2026 to celebrate the 25th anniversary of the electronic journals *Economic Sociology* and *Sociological Review*. The Round Table was held as part of the XXVI Yasin International Academic Conference on Economic and Social Development at HSE University. Our sincere congratulations to all our contributors and colleagues who worked hard on the journals’ issues.

Now let us introduce of a new journal issue.

Texts in Russian

We publish a translation of part of Professor *Mikael Hård's* book (Institute of History, Technische Universität Darmstadt, Germany), *Microhistories of Technology: Making the World* (Cham: Palgrave Macmillan, 2023). This book demonstrates that the spread of modern technology did not eliminate artisanal tools and production methods; rather, the new often coexisted fruitfully with the old. By shedding light on the material culture of ordinary people across Africa, Asia, and Latin America, *Microhistories of Technology* reveals how inventive individuals and groups shaped their own lives. The *Journal of Economic Sociology* publishes the book's introduction, “Sharpening Local Techniques in a Global Context,” in which the author presents his understanding of technology, outlines the research design, and defines the book's structure.

Dr. *Irina Skalaban*, *Timofey Alekseev*, and Dr. *Zoya Otto* (all affiliated with Novosibirsk State Technical University) present the paper “Spaces and Infrastructure of Urban Conflictuality: A Case Study of Novosibirsk.” The article examines urban conflict using the Novosibirsk agglomeration as a case study for 2022 to 2024. The theoretical foundations are M. Löw’s relational theory of space and N. Fligstein’s and D. McAdam’s theory of strategic action fields. The empirical basis comprises data from the Geo-Information Database of Conflicts of the Novosibirsk Agglomeration ($N = 774$ conflicts), supplemented by a content analysis of 3,070 mentions of conflicts on social media. The results show that the thematic spaces of urban conflict are currently structured around two cores: hierarchical conflicts related to development projects, construction, and land use; and horizontal, everyday conflicts focused on security, accessibility, and the protection of values.

Dr. *Denis Litvintsev* (Department of Management, Novosibirsk State Technical University) presents the findings of his study “Multifaceted Nature of Housing Precarity: Conceptual Approaches and Institutional Perspectives.” Housing precarity is examined in an international context, emphasizing the precarious living conditions extend far beyond housing provision to include legal vulnerability, threat of eviction, overcrowding, poor housing quality, and limited access to infrastructure and social services. The study shows that precarities in different domains—housing, labor, and legal—can intersect, mutually reinforce one another and consolidate. The role of cohabitation practices and the “home culture of precarity” in transforming millennial everyday life is also highlighted.

Dr. *Elena Belyavskaia* (LSES, HSE University) prepared a review of the book Fourcade M., Healy K. (2024) *The Ordinal Society*. Cambridge, MA: Harvard University Press. The book offers a wide-ranging theoretical account of digital capitalism. Its central argument is that contemporary society is increasingly organized through the measurement, sorting, and evaluative ordering of people, objects, and actions, and that this ordering has become a fundamental principle of social coordination. The review discusses the book’s key concepts: the platform exfiltration of sociality, understood as the extraction of data from everyday social interactions;

eigencapital as a new form of digital capital; and the “classification situation,” which produces social hierarchies at the bottom of which stands a newly disadvantaged class—the lumpenscoretariat.

Finally, we summarize the outcomes of the session “Non-Standard Forms of Consumption: The Role of Technology, Emotions, and Morality” held as part of the XXVI April International Academic Conference Named after Evgeny Yasin. The session focused on forms of consumer behaviour that fall outside the conventional rational choice model, bringing together researchers from economic sociology, psychology, and institutional economics. Five presentations were delivered: a comparative analysis of non-standard consumption forms (V. V. Radaev); ethical consumption as an instrument of civic engagement (M. A. Shabanova); psychological mechanisms of nostalgic consumption (T. A. Nestik); conspicuous consumption through the institution of consumer credit (A. V. Vernikov, A. A. Kurysheva); and compulsive buying as a form of addiction (O. S. Deyneka). Three recurring conceptual tensions were identified: the question of the openness and boundaries of the non-standard consumption typology; the problem of analytical distinctions between forms given their empirical overlap; and the contestation of the very concept of “non-standard” in light of the plurality of rationalities in sociology. Overview is delivered by *Daria Lebedeva* (LSES, HSE University).

Texts in English

Bibigul Iskakova, Dr. *Sergey Zair-Bek*, *Konstantin Anchikov* (all from the Pinsky Centre for General and Extracurricular Education, HSE University), and Dr. *Sergey Kosaretsky* (Moscow State University of Psychology and Education) present their study “Education Policy and Urban-Rural Disparities in Schooling in Post-Soviet Countries.” This article examines territorial inequality in educational outcomes across seven post-Soviet countries: Estonia, Latvia, Lithuania, Russia, Moldova, Georgia, and Kazakhstan. The study analyses how students’ PISA test scores vary by urban–rural location, and investigates whether national educational policies, particularly school funding mechanisms and network consolidation, have contributed to reducing or widening these disparities. A mixed-methods design combines a multilevel regression analysis of 2009 and 2018 PISA data with a review content analysis of national policy documents addressing post-Soviet educational reforms. The findings demonstrate indicate a growing performance disparity between urban and rural students, with the largest gaps identified in Moldova, Russia, and Lithuania.

Jennet Babayeva (Institute of Education, HSE University, Moscow) “‘Publish or Perish’ under Financial Strain: The Role of Funding Status in Shaping Russian Doctoral Students’ Perceptions and Experiences of Publication Requirements.” This qualitative study investigates how funding status mediates doctoral students’ perceptions and experiences of mandatory publication requirements in Russia, comparing funded and self-funded students at a selective research-intensive university. Nineteen in-depth interviews are used as a source of data. Findings reveal a clear distinction in experiences shaped by funding status. Funded doctoral students, while materially supported, describe intense psychological pressure and a conflict between deep dissertation work and administrative compliance. In contrast, self-funded doctoral students face a fundamental battle for time and resources, as the need for external employment severely constrains their capacity to engage in both publication and dissertation writing.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Микаэль Хёрд

Микроистории технологии: создание мира (фрагмент)

ХЁРД Микаэль — почётный профессор истории технологий в Техническом университете Дармштадта (Германия). Адрес: 64277, Германия, г. Дармштадт.

Email: hard@ifs.tu-darmstadt.de

Перев. с англ.
Алексея Королёва.

Публикуется с разрешения Издательского дома НИУ ВШЭ.

Источник: Хёрд М. (готовится к изданию). Микроистории технологии: создание мира. М.: Изд. дом ВШЭ; перев. с англ.: Hård M. 2023. *Microhistories of Technology: Making the World*. Cham: Palgrave Macmillan.

В книге «Микроистории технологии: создание мира» представлена многосторонняя глобальная история технологии и материальной культуры, рассматриваемая через призму многообразия. Микроистории, изложенные в этой книге, показывают, что распространение современных технологий не привело к устранению ремесленных инструментов и методов производства. Новое часто плодотворно сосуществовало со старым. Результатом культурных встреч между старым и новым стали бесчисленные инновационные решения, о многих из которых в истории технологии так и не было рассказано. Проясняя материальную культуру обычных людей по всему свету — в Африке, Азии и Латинской Америке, «Микроистории технологии» показывают, как изобретательные люди и группы определяли собственные жизни. Каждая глава в книге показывает, что упорное применение традиционных, самодельных или гибридных технологий помогло людям сохранить автономию в «глобализированном» мире.

Журнал «Экономическая социология» публикует введение из книги «Оттачивание локальных техник в глобальном контексте» («Introduction: Honing Local Techniques in a Globalized World»), в котором профессор М. Хёрд раскрывает своё понимание технологии, пишет о замысле исследования и определяет структуру книги.

Ключевые слова: глобализация; технологии; история; материальная культура; инновации; повседневность.

Введение: Оттачивание локальных техник в глобальном контексте

Однажды утром мы отправились к волшебной горе богатства и счастья. (Согласно даякской легенде, сын бога убил здесь своего брата, а его слёзы и мозг превратились в многочисленные золотые самородки.) <...> Здесь даяки не только намывают речной песок, но также проводят важную работу по добыче [золота] в шахтах и галереях, прокопанных в твёрдых скалах, где и скрываются первичные залежи. Особенно удивителен и интересен тот факт, что туземцы занимаются этим безо всякого китайского или европейского управляющего. Мы осмотрели золотые шахты Гунунг-Мас, вероятно единственные в таком роде во всём Малайском архипелаге [Helbig 1938: 387]¹ <...>.

¹ Все переводы с немецкого на английский выполнены автором данной книги.

С немалым умением туземцы идут вглубь по золотым жилам, раскалывают скалу (и следует отметить мимоходом, что они используют деревянные молотки и зубила немецкого производства и работают при свете немецких фонарей «Летучая мышь»); на поверхность туземцы поднимают породу в корзинах на своих спинах или при помощи самодельных лебёдок; дробят её, просеивают и промывают; плавят золото в небольших глиняных посудах и льют из него слитки; превращают отдельные кусочки в искусные украшения или в востребованные золотые зубы; остальное продают малайским покупателям. Кто мог бы ожидать наличия столь развитого бизнеса у «диких» даяков — самых бесславных из охотников за человеческими головами!

Карл Гельбиг²

В 1937 г. немецкий географ и исследователь Карл Гельбиг пересёк пешком остров Борнео. Посещение Гунунг-Мас было одним из наиболее примечательных эпизодов на его непростом пути. Выйдя из деревни Тева, где Гельбиг и его группа провели ночь, они пошли по заброшенной и заросшей дороге через джунгли к Гунунг-Мас — «Золотой горе» на местном даякском языке. Вид горы вызвал у Гельбига смешанные чувства. С одной стороны, ему понравились трудолюбие и предприимчивость, которые он и его спутники обнаружили среди тропического дождевого леса: по его оценкам, на шахтах и в обработке золотой руды там было занято около тысячи даяков и китайцев. С другой — Гельбиг посетовал на то, что более ранние попытки добычи золота, предпринятые европейскими компаниями, оказались неудачными. Он писал о том, что ему жалко старых паровых двигателей и «массивных шестерней», которые заросли высокой травой. Свою фотокамеру он использовал для фиксации контраста между современным трудолюбием и индустриальными руинами, оставшимися от прошлого [Helbig 1938: 387].

Эта зарисовка из колонии, Голландской Ост-Индии, нынешней Индонезии, демонстрирует расизм и свойственные подобному мировоззрению предубеждения. Несмотря на то что Гельбиг был готов признать усердие даяков, цитата из его дневника отражает стандартные для того времени европейские нарративы. Два понятия весьма распространены в европейских исторических источниках — «нецивилизованный народ» и «неразвитые страны». Эти понятия позволяли классифицировать различные части света в соответствии с расистской логикой развития [Moon 2007]. Если следовать такому предубеждённому подходу, европейцы и североамериканцы должны стоять на вершине пирамиды развития; за ними следуют китайцы и индийцы, а также другие представители цивилизаций, ранее называвшихся развитыми. Внизу пирамиды находятся, как называл их Гельбиг, «примитивные» и другие «дикие» народы [Helbig 1938: 388].

Цитата из Гельбига иллюстрирует также, какую роль инструменты и машины играли на этой воображаемой эволюционной расистской лестнице [Adas 1989]. Гельбиг придерживался представления о том, что западная технология — это зенит исторического развития. Такая идея была не лишена иронии: в действительности, дождевой лес поглотил железнодорожные пути и мосты, построенные голландской компанией в начале XX века. Исчезло и «тяжёлое оборудование», установленное этой фирмой, как и возведённые ею «большие промышленные заводы» [Helbig 1938: 387]. Замечание о том, что даякшахтёры использовали немецкие инструменты, не опровергает дихотомию, подразумевающую разделение между «старым ручным трудом» и «современными машинам», которую держит в голове Гельбиг [Helbig 1982: 364, 366].

² См.: Helbig Karl. 1937/1938. Неопубликованный отчёт о путешествии: Roemer- und Pelizaeus-Museum Hildesheim GmbH, Hildesheim, Germany: File No. K. 09: 9.4: “Fotos v. K. Helbig, Java, Borneo, Sumatra (I+II)”, p. 19. Доктор Май Лин Тжоа-Бонац любезно предоставил мне опубликованные и архивные материалы Карла Гельбига, в том числе подборку фотографий, дополняющую исторические источники об обработке золота в колониальной Голландской Ост-Индии (нынешняя Индонезия); см. также: [Tjoa-Bonatz, Hård 2021].

Хотя Гельбиг разделял евроцентристский колониалистский нарратив, он ценил «простые методы», которыми умело пользовались «тёмные» даяки [Helbig 1982: 366]. Как показывает его обширное собрание фотографий, Гельбиг был, видимо, по-настоящему впечатлён инструментами, использовавшимися местными золотоискателями: деревянные чаны (*dulang-dulang*), бамбуковые лестницы, железные ступки и глиняные горшки. Кроме того, Гельбиг был убеждён в том, что любой европейский мастер-шахтёр удивился бы тому, насколько эффективно рабочие могли все эти орудия применять. Что же касается производства изделий из золота, Гельбиг был очарован прекрасными украшениями, которые даякские ювелиры могли создавать своими «весьма примитивными инструментами» [Helbig 1982: 366, 437].

С современной постколониальной точки зрения очевидно, что евроцентристское эволюционное мышление совмещалось у Гельбига с подлинным восхищением достижениями даяков. В своей основополагающей книге «Ориентализм» Эдвард Саид проводит критический анализ склонности европейских комментаторов, в том числе филологов, археологов и историков, романтизировать далёкие культуры [Said 1978]. К сожалению, очарованность Востоком не означает, что западные комментаторы считают восточные культуры равными Западу или достигшими того же уровня развития. Напротив, как отмечает Саид, «увлечённость» Другим невозможно отделить от вопросов «власти, господства» [Said 1978: 5, 51]. В этой книге, следуя постмодернистскому направлению исследований, я попытаюсь проинтерпретировать прошлые идеологии и практики в рамках критического и антиимпериалистического концептуального аппарата [Sardar 1998].

Сосуществование и культура

Тексты и фотографии Гельбига служат отправной точкой для микроисторий, которые я представляю в этой книге. Ориенталистские комментарии Гельбига стали для меня мотивом развить описание и объяснение того, как инструменты и машины используются в разных уголках мира. Описание даякских золотоискателей у Гельбига показывает, что «простые» инструменты могут быть целесообразнее и уместнее, чем передовые механические технологии, а некоторые фотографии напоминают нам о том, что современные технологии неустойчивы и недолговечны [Helbig 1982: 365]. Националистическое замечание Гельбига о даяках, использующих немецкие изделия посреди джунглей, иллюстрирует тот факт, что современные и примитивные, как он их называл, технологии могут сосуществовать друг с другом.

На мой подход более всего повлияли постколониальное мышление и работы по постколониальной истории [Ashcroft, Griffiths, Tiffin 2006; Majumdar 2010], что предполагает критику и деконструкцию оппозиций «развитые — неразвитые» части света, «центр — периферия», «Запад — всё остальное», «Запад — Восток», «передовые — примитивные» культуры. Хотя многие источники, на которых данная книга основана, отражают эволюционный взгляд на человеческие общества и их технологии, микроистории в ней не воспроизводят эти колониальные парадигмы. Вместо того чтобы подчёркивать воздействие западной науки и технологии в различных странах, я представляю истории туземного развития и кросс-культурных встреч, а также анализирую процессы гибридизации и сопротивления [Bhabha 1994].

Восемь следующих глав призваны оспорить сюжеты, стандартные для глобальной истории технологий. В этих главах раскрывается сложный характер технологических перемен и применения технологий. Первостепенной оказывается мысль о том, что изобретения не просто возникают в определённой среде, а потом постепенно и равномерно распространяются по всему земному шару. Распространённое представление о переносе технологий является односторонним и поверхностным, не точно и неадекватно описывает отношения между различными нациями или континентами. Если в одном регионе люди охотно осваивают определённые инновации, в другом, напротив, их отвергают. История учит

тому, что от технологий, некогда популярных, позже могут отказаться [Perrin 1979]. Я постараюсь показать в нескольких главах, что использование новых технологических решений и давно устоявшихся часто даёт синергетический эффект [Edgerton 2006]. Соответственно, я не буду акцентировать важность новых технологических решений, циркулирующих глобально; мне интересен анализ локальных технологических ландшафтов и материальных культур [Bray 2016].

Главы книги организованы в достаточно свободном хронологическом порядке. В первых двух главах рассматривается XIX век как период преимущественно колониальный и прослеживаются определённые траектории развития в доколониальные времена. Главы 5 и 6 сосредоточены на межвоенном периоде и двух первых десятилетиях после Второй мировой войны. В главах 7–9 идёт речь о более позднем послевоенном периоде. В этих главах рассматриваются постколониальные структуры, а также переменны, которые ими отражаются. В заключительной главе я касаюсь стандартных форм периодизации и их предположительной пользы для понимания глобальной истории технологии.

В отличие от подавляющего большинства работ по истории технологии, эта книга представляет собой исследование мира за пределами Европы и Северной Америки. Предлагая сюжеты из жизни Азии, Африки и Латинской Америки, я надеюсь пролить свет на богатую и разнообразную технологическую историю этих континентов. Эти сюжеты должны также отобразить открытия, недавно сделанные историками глобального мира, и связать локальные события с региональными и глобальными процессами [Ghobrial 2019a]. Например, в главе 4, излагая глобальную историю выращивания сахарного тростника и производства сахара, я показываю, что история Северной Индии существенно отличается от более известных историй Бразилии, Кубы и Явы. Краткое описание Гунунг-Мас у Гельбига поучительно в том отношении, что оно иллюстрирует недолговечность западного влияния и присутствия. Кроме того, оно показывает, что китайские золотоискатели и торговцы столетиями вели дела на Калимантане (Борнео) — в той части острова, которая принадлежит современной Индонезии. Этот регион был составной частью трансасиатской сети торговли золотом задолго до того, как туда прибыли первые голландцы [Posewitz 1883].

Новый смысл термина «технология»

Стандартные определения слова «технология» бросают вызов любому историческому исследованию этой темы [Schatzberg 2018]. Сегодня «технология» прямо ассоциируется со смартфонами, компьютерами и другими цифровыми и высокотехнологичными решениями. В этой книге рассматривается всякая форма технологии, начиная с решений, пренебрежительно именуемых низкотехнологичными, и заканчивая высокотехнологичными, которые часто восхваляются. Это означает, что металлический пестик и ступка, использовавшиеся даяками для размалывания фрагментов скальных пород, приобретают тот же статус, что и паровые дробилки, установленные на Золотой горе голландской компанией *Mijnbouw Maatschappij Kahajan*. История обязывает нас применять слово «технология» к любым артефакту, системе, знанию или умению, которые необходимы для ее использования.

Burong soho была одной из многих технологий, использованных золотоискателями на Калимантане. По словам геолога Теодора Позевица, *burong soho* — это «особая птица», которая при поиске залежей золота использовалась в качестве своего рода «волшебной лозы» [Posewitz 1883: 183]. Когда золотоискатели приближались к месту, богатому золотом, птица «начала петь». Ещё одной применяемой технологией была «колдовская корзина», как её несколько презрительно назвал Хуго Хаффнер, которая помещалась у входа в недавно открытую шахту, чтобы «попросить у духов благословения»³.

³ См.: Haffner Hugo. 1937. *Unsere Dajak auf dem Goldfeld bei Tewah*. Рукопись. Basel Mission Archives/Mission 21, Basel, Switzerland: File No. B-11.04.

Технологии, которые Позевиц и Хаффнер называют «особой птицей» и «колдовской корзиной», были частью инструментария даякских золотоискателей, наряду с бамбуковыми лестницами и глиняными горшками. Копатели использовали лопаты для прокладывания шахт, ломы для разбивания скалы на мелкие куски, каменные молотки и наковальни для распыления этих кусков [Posewitz 1889: 264–265]. Местные жители имели длительный опыт применения *dulang-dulang* (деревянные чаны) для намывания золота [Dewall 1855]. Тогда как китайские копатели, которые в XVIII веке прибыли в большом количестве на Борнео, создали техническую систему, состоящую из раскопок, плотин, гидроколёс и промывочных каналов, чтобы эксплуатировать залежи, находящиеся близко к поверхности земли [Jackson 1970]. Золотоискатели, которые приехали из Европы, принесли с собой, в свою очередь, керосиновые лампы, паровые двигатели и локомотивы. Когда Гельбиг посетил Гунунг-Мас, многие из этих технологий, хотя и не все, сосуществовали друг с другом. Вместе эти инструменты и практики составляли технологический ландшафт добычи золота на Борнео.

Уверен, что объекты, названные европейцами «особой птицей» и «колдовской корзиной», были составными частями даякской материальной культуры. Важно, что эта культура была динамичной и шахтёры постепенно стали использовать в своей работе те же немецкие молотки, зубила и лампы «летучая мышь». Несмотря на то что даяки освоили все эти новые приспособления, они сохранили и свою веру в «традиционную», как её назвал Гельбиг, легенду о том, как золото вообще оказалось на Борнео. Наличие этих сосуществующих друг с другом технологий и верований не позволяет провести чёткую разделительную линию между материальными и нематериальными аспектами даякской культуры.

В этой книге я предполагаю, что мы можем лучше понять технологию, если определить её в категориях материальной культуры [El Nariy et al. 2021]. По мнению Анн Герритсен и Джорджо Риелло, изучающих раннее Новое время, история материальной культуры сосредоточена на объектах «повседневных практик, которые оформляли жизнь в прошлом» [Gerritsen, Riello 2015: 4]. Хотя в этой книге описываются материальные культуры отдельных регионов Африки, Азии и Латинской Америки, я рекомендую применять понятие «материальная культура» и к любому иному региону, включая Европу и Северную Америку. Изучение технологии через историю материальной культуры означает, что регионы — как сильно, так и слабо индустриализированные — нужно исследовать одними и теми же методами, не предвзято.

Микроистории — это тоже универсальный метод. Начиная с 1960-х гг., когда микроистория первоначально сформировалась в качестве отдельного научного направления и историографического подхода, она почти всегда использовалась только историками Европы [Schulze 1994]. В отличие от таких традиционных тем, как короли, церкви и войны, историки, работавшие в русле микроистории, выработали интерес к мировоззрениям и повседневной жизни обычных людей: *la vie privée* по-французски и *Alltagsgeschichte* по-немецки [Ghobrial 2019b]. Образцом для развития микроистории, то есть *microistoria*, как этот подход назывался тогда по-итальянски, стал проведённый Карло Гинзбургом анализ идей и убеждений одного североитальянского мельника XVI века [Ginzburg 1980]. Микроистория с тех пор в значительной степени ассоциировалась с культурным подходом. Например, немецкий историк Ханс Медик применял культурно-исторические методы в своём впечатляющем труде о небольших льюткаческих сообществах юго-западной Германии [Medick 1996].

Книгу «Микроистории технологии» можно рассматривать как эксперимент по применению микроисторического и культурологического подходов к Азии, Африке и Латинской Америке. В методологическом плане эта книга опирается на замечание Х. Медика о том, что специалисты по микроистории раскрывают «не самые яркие события и действия, рассказывая малые истории из повседневной жизни» и сосредоточиваясь на «объектах материальной культуры» [Medick 1996: 21]. Однако, как показывает сам Медик, подобный подход не исключает исследования связей между локальными процессами и

теми, что происходят на национальном или даже международном уровне. Книга Медика говорит о том, что, несмотря на значительные структурные перемены, произошедшим в XVIII — начале XX века, ткачи льна из Лайхингена в немецком Вюртемберге уверенно обеспечивали клиентов во Франции и Италии высококачественной продукцией. В этой книге не рассматривается полуторавековая история того или иного сообщества, в ней представлены истории о применении технологии в повседневных условиях в разных сообществах — с середины XIX по конец XX века.

Герои и источники

Часто материальные объекты переживают людей. Но при этом мы не можем представить культуры без человека. Герои этой книги — повара из Перу и электрики из Танзании, западноафриканские торговцы орехами колы и индийские сельские рабочие. Учитывая то, что в письменных исторических источниках не всегда приводятся имена различных акторов, некоторые герои микроисторий остались безымянными. Но я по возможности старался восполнить архивные источники интервью; по этическим причинам идентичности респондентов тоже должны были остаться анонимными.

Большинство микроисторий, изложенных в этой книге, опираются на источники, в том числе устные, представленные диссертантами и исследователями-постдокторантами, с которыми я сотрудничал. Их исследовательский опыт охватывает Азию, Африку, Южную Америку и Европу. Как сказано в благодарностях в начале книги, коллеги пользовались как опубликованными, так и неопубликованными источниками, обнаруженными в библиотеках и архивах по всему земному шару. В некоторых случаях исследователи сами провели личные интервью. Я собрал материал из восточноафриканских, западноевропейских и индийских архивов и библиотек. Эта книга основывается на уникальной коллекции первоисточников, которые позволяют читателю заглянуть в повседневные практики, узнать об орудиях и машинах, применявшихся обычными людьми разных культур.

Во всех этих случаях основное внимание уделяется тому, как люди жили своей «обычной», а не привилегированной жизнью. Вдохновляясь *microstoria* Гинзбурга и *Alltagsgeschichte* Медика, я утверждаю, что историки технологии могут очень многое узнать из того, как именно обычные инструменты использовались в повседневных условиях. На передний план выходят люди, которые строили себе дома из кирпича-сырца; отмывали и сворачивали свои гигиенические прокладки; зарабатывали на жизнь, варя пиво и производя сахар для своих сообществ. В этих нарративах встречается немало инженеров, учёных и архитекторов, но им мы отвели второстепенные роли. Истории, представленные в этой книге, не разворачиваются в высокотехнологичных лабораториях или современных городских районах, они складываются на миссионерских станциях, в тропических лесах и на кухнях рабочих.

Каждый, кто пытается написать историю обычных людей и повседневной жизни, так или иначе сталкивается с ограниченностью архивов как хранилищ исследовательского материала. Национальные архивы обычно хранят официальные документы, созданные государственными институтами; в архивах редко хранятся записи обычных людей, а потому так сложно написать то, что Э. П. Томпсон в своей основополагающей истории английского рабочего класса назвал «историей снизу» [Thompson 1963]. Исследователи, работающие с архивным материалом в бывших колониях, сталкиваются ещё с одной серьёзной проблемой: очень редко историки колониальных периодов обнаруживают первоисточники, созданные представителями местного населения. Основная масса источников была произведена колониальными правителями, и в этих материалах идеи и деятельность местного населения отражены опосредованно. Книга была написана с учётом этих ограничений. Кроме интервью, я использую письменные документы и изображения, в частности, различные рассказы о путешествиях и дневники, материалы журналов и газет. Некоторые из них являются частью личных архивов, а также архивов различных неправительственных организаций.

Каждая история в этой книге основана на тщательном отборе источников. Вместе эти микроистории показывают, насколько по-разному люди осваивали, разрабатывали и использовали технологию в разных культурных условиях. Эти микроистории означают проблематизацию представления о том, что стандартная глобальная история технологии является однонаправленной и линейной, то есть нарративом о растущем единообразии и гомогенности. И, как уже было сказано выше, хотя «глобализация» и «механизация» были важными понятиями, ни то, ни другое не отображает в полной мере все сложности истории. Когда я писал все эти микроистории, я следовал двойному совету антрополога Ульфа Ханнерца, который говорил о том, что «глобализацию надо спустить на землю», а «локальное надо поднять на поверхность» [Hannerz 1996: 19, 28]. Люди, описанные в этой книге, не изолированы от внешнего мира, но в то же время их жизни не определяются этим миром.

Кроме того, главы этой книги являются важным теоретическим вкладом в понимание характера технологии, отношений между материальностью и культурой, а также весомо дополняют глобальную историю технологии. Например, в главе 4 я использую микроисторию производства сахара в Северной Индии для обоснования того, что нам нужно заново определить хорошо известное понятие «целесообразная технология». В главе 7 я указываю, что такие понятия, как «трусоба» и «неформальное поселение», применяемые для описания бедных районов Найроби, лучше заменить на «гибкое поселение». В главе 8 я рассматриваю вопрос о том, в какой мере понятие «американизация», столь часто используемое историками для описания Европы после Второй мировой войны, полезно для описания распространения потребительских товаров в Южной Корее.

Эта книга не является обобщающим трудом с универсальными амбициями. Микроисторический подход применён именно для того, чтобы представить образцовые примеры глобальной истории технологии, начиная с середины XIX века. Некоторые истории демонстрируют инновационный потенциал людей, тогда как другие — полезность гибридных, транскультурных решений. По сути, все эти истории призваны расширить географический горизонт историка; также они должны показать, как небольшие миры локальных акторов связываются с другими частями земного шара.

Литература

- Adas M. 1989. *Machines as the Measure of Men: Science, Technology, and Ideologies of Western Dominance*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Ashcroft B., Gareth G., Tiffin H. (eds) 2006. *The Post-Colonial Studies Reader*. 2nd edn. London; New York: Routledge.
- Bhabha H. K. 1994. *The Location of Culture*. London: Routledge.
- Bray F. 2016. Flows and Matrices, Landscapes and Cultures. *ICON: Journal of the International Committee for the History of Technology*. 22: 8–19.
- Dewall H. von. 1855. Aanteekeningen omtrent de noordoostkust van Borneo. *Tijdschrift voor indische Taal-, Land- en Volkenkunde*. 4: 423–458.
- Edgerton D. 2006. *The Shock of the Old: Technology and Global History since 1900*. London: Profile Books.
- El Hariry S. et al. 2021. Toward a Global History of Material Culture. *Technikgeschichte*. 88 (2): 178–182.
- Gerritsen A., Riello G. 2015. Introduction: Writing Material Culture History. In: Gerritsen A., Riello G. (eds) *Writing Material Culture History*. London; New York: Bloomsbury Academic; 1–13.

- Ghobrial J.-P. (ed.) 2019a. *Global History and Microhistory. Past & Present*. Supplement 14 (special issue).
- Ghobrial J.-P. A. 2019b. Introduction: Seeing the World like a Microhistorian. *Past & Present*. Supplement 14 (special issue): 1–22.
- Ginzburg C. 1980 [1976]. *The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-century Miller*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press. См. также: Гинзбург К. 2000. *Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в.* М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).
- Hannerz U. 1996. *Transnational Connections: Culture, People, Places*. London: Routledge.
- Helbig K. 1938. Gold bei den Dajaks. *Ostasiatische Rundschau*. 19 (15/16): 386–390.
- Helbig K. 1982. *Eine Durchquerung der Insel Borneo (Kalimantan): Nach den Tagebüchern aus dem Jahre 1937*. Vol. 2. Berlin: Dietrich Reimer.
- Jackson J. C. 1970. *Chinese in the West Borneo Goldfields: A Study in Cultural Geography*. Hull: University of Hull Publications.
- Majumdar R. 2010. *Writing Postcolonial History*. London: Bloomsbury.
- Medick H. 1996. *Weben und Überleben in Laichingen 1650–1900: Lokalgeschichte als Allgemeine Geschichte*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Moon S. 2007. *Technology and Ethical Idealism: A History of Development in the Netherlands East Indies*. Leiden: CNWS Publications.
- Perrin N. 1979. *Giving Up the Gun: Japan's Reversion to the Sword, 1543–1879*. Boston, MA: David R. Godine.
- Posewitz T. 1883. Das Goldvorkommen in Borneo. *Mittheilungen aus dem Jahrbuche der kön. ungarischen geologischen Anstalt*. 6: 175–190.
- Posewitz T. 1889. *Borneo: Entdeckungsreisen und Untersuchungen. Gegenwärtiger Stand der geologischen Kenntnisse. Verbreitung der nutzbaren Mineralien*. Berlin: R. Friedländer & Sohn.
- Said E. W. 1978. *Orientalism*. New York: Pantheon Books. См. также: Саид Э. 2021. *Ориентализм. Западные концепции Востока*. М.: Музей современного искусства «Гараж».
- Sardar Z. 1998. *Postmodernism and the Other: The New Imperialism of Western Culture*. London: Pluto Press.
- Schatzberg E. 2018. *Technology: Critical History of a Concept*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Schulze W. (ed.) 1994. *Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie: Eine Diskussion*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Thompson E. P. 1963. *The Making of the English Working Class*. London: Gollancz.
- Tjoa-Bonatz M. L., Hård M. 2021. Creole Objects and Techniques: Gold Mining, Gold Panning and Gold Working in Colonial Indonesia. *Baessler-Archiv*. 67: 67–94.

NEW TRANSLATIONS

Mikael Hård

Microhistories of Technology: Making the World (excerpt)

HÅRD, Mikael — Dr.,
Professor emeritus, Professor
of History of Technology,
Institute of History,
Technische Universität
Darmstadt. Address:
Darmstadt, Germany, 64277.

Email: hard@ifs.tu-darmstadt.de

Abstract

Microhistories of Technology: Making the World presents a multifaceted global history of technology and material culture, viewed through the lens of diversity. The microhistories presented in this book demonstrate that the spread of modern technology did not lead to the elimination of artisanal tools and production methods. Rather, the new often fruitfully coexisted with the old. The cultural encounters between the old and the new resulted in countless innovative solutions, many of which have remained unreported in the history of technology. By shedding light on the material culture of ordinary people across the globe—in Africa, Asia, and Latin America—*Microhistories*

of Technology reveals how inventive individuals and groups shaped their own lives. Each chapter demonstrates how the persistent application of traditional, homemade, or hybrid technologies helped people maintain autonomy in a “globalized” world.

The *Journal of Economic Sociology* publishes the introduction to the book “Sharpening Local Techniques in a Global Context,” in which Professor M. Heard reveals his understanding of the technology, discusses the research design, and defines the structure of the book.

Keywords: globalization; technology; history; materiality; culture; innovations.

References

- Adas M. (1989) *Machines as the Measure of Men: Science, Technology, and Ideologies of Western Dominance*, Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Ashcroft B., Gareth G., Tiffin H. (eds) (2006) *The Post-Colonial Studies Reader*, 2nd edn., London: Routledge.
- Bhabha H. K. (1994) *The Location of Culture*, London: Routledge.
- Bray F. (2016) Flows and Matrices, Landscapes and Cultures. *ICON: Journal of the International Committee for the History of Technology*, vol. 22, pp. 8–19.
- Dewall H. von. (1855) Aanteekeningen omtrent de noordoostkust van Borneo. *Tijdschrift voor indische Taal-, Land- en Volkenkunde*, vol. 4, pp. 423–458.
- Edgerton D. (2006) *The Shock of the Old: Technology and Global History since 1900*, London: Profile Books.
- El Hariry S., Hård M., Lee Y., Petrova M., Yazici D. (2021) Toward a Global History of Material Culture. *Technikgeschichte*, vol. 88, no 2, pp. 178–182.

- Gerritsen A., Riello G. (2015) Introduction: Writing Material Culture History. In idem (eds) *Writing Material Culture History* (eds. A. Gerritsen, G. Riello), London; New York: Bloomsbury Academic, pp. 1–13.
- Ghobrial J.-P. (ed.) (2019a) Global History and Microhistory. *Past & Present*, Supplement 14 (Special Issue).
- Ghobrial J.-P. A. (2019b) Introduction: Seeing the World like a Microhistorian. *Past & Present*, Supplement 14 (Special Issue), pp. 1–22.
- Ginzburg C. (1980 [1976]) *The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-century Miller*, Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Hannerz U. (1996) *Transnational Connections: Culture, People, Places*, London: Routledge.
- Helbig K. (1938) Gold bei den Dajaks. *Ostasiatische Rundschau*, vol. 19, no 15/16, pp. 386–390.
- Helbig K. (1982) *Eine Durchquerung der Insel Borneo (Kalimantan): Nach den Tagebüchern aus dem Jahre 1937*, vol. 2, Berlin: Dietrich Reimer.
- Jackson J. C. (1970) *Chinese in the West Borneo Goldfields: A study in Cultural Geography*, Hull: University of Hull Publications.
- Majumdar R. (2010) *Writing Postcolonial History*, London: Bloomsbury.
- Medick H. (1996) *Weben und Überleben in Laichingen 1650–1900: Lokalgeschichte als Allgemeine Geschichte*, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Moon S. (2007) *Technology and Ethical Idealism: A History of Development in the Netherlands East Indies*, Leiden: CNWS Publications.
- Perrin N. (1979) *Giving Up the Gun: Japan's Reversion to the Sword, 1543–1879*, Boston, MA: David R. Godine.
- Posewitz T. (1883) Das Goldvorkommen in Borneo. *Mittheilungen aus dem Jahrbuche der kön. ungarischen geologischen Anstalt*, no 6, pp. 175–190.
- Posewitz T. (1889) *Borneo: Entdeckungsreisen und Untersuchungen. Gegenwärtiger Stand der geologischen Kenntnisse. Verbreitung der nutzbaren Mineralien*, Berlin: R. Friedländer & Sohn.
- Said E. (1978) *Orientalism*, New York: Pantheon.
- Sardar Z. (1998) *Postmodernism and the Other: The New Imperialism of Western Culture*, London: Pluto Press.
- Schatzberg E. (2018) *Technology: Critical History of a Concept*, Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Schulze W. (ed.) (1994) *Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie: Eine Diskussion*, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Thompson E. P. (1963) *The Making of the English Working Class*, London: Gollancz.

Tjoa-Bonatz M. L., Hård M. (2021) Creole Objects and Techniques: Gold Mining, Gold Panning and Gold Working in Colonial Indonesia. *Baessler-Archiv*, vol. 67, pp. 67–94.

Received: December 29, 2025

Citation: Hård M. (2026) Mikroistorii tekhnologii: sozdanie mira (phragment) [Microhistories of Technology: Making the World (excerpt)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 27, no 3, pp. 12–22. doi: [10.17323/1726-3247-2026-3-12-22](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2026-3-12-22) (in Russian).

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

И. А. Скалабан, Т. Д. Алексеев, З. Н. Отто

Пространства и инфраструктура городской конфликтности: на материалах г. Новосибирска¹

СКАЛАБАН Ирина Анатольевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и социальной антропологии, научный руководитель лаборатории городских исследований Института социальных технологий, Новосибирский государственный технический университет. Адрес: 630073, Россия, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20.

Email: skalaban@corp.nstu.ru

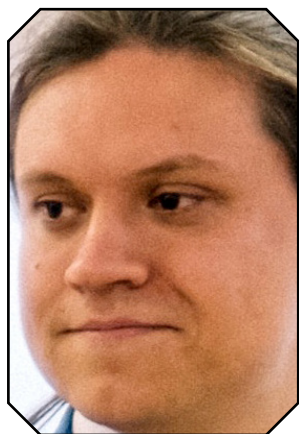
В статье исследуется феномен городской конфликтности на примере Новосибирской агломерации 2022–2024 гг. Наблюдаемые в последние годы субъектная и предметная множественность, устойчивость и связанность части городских конфликтов свидетельствуют не только о росте их сложности, но и об изменении характера городской конфликтности, усилении её влияния на социальное и экономическое пространство, инфраструктуру и инвестиционную привлекательность территорий. Цель исследования — выявить механизмы поддержания конфликтности через анализ связанности конфликтных повесток и акторов. В основе исследования — реляционная теория пространства М. Лёв и теория полей стратегических действий Н. Флигстина и Д. Макадама. Эмпирическую базу составил материал Геоинформационной базы данных конфликтов Новосибирской агломерации (N = 774 конфликта), дополненный анализом упоминаний конфликтов в социальных сетях (N = 3070 упоминаний). Применены двухшаговый кластерный анализ и контент-анализ. Результаты показали, что предметные пространства городской конфликтности в настоящее время структурируются вокруг двух ядер — иерархических конфликтов, связанных с проектами изменений, строительством и землеустройством, и горизонтальных конфликтов повседневности, сфокусированных на безопасности, доступности и защите ценностей. Инфраструктуры конфликтования, в том числе квалифицированные акторы, устойчивые сетевые конфликтные сообщества и обслуживающие их медийные каналы играют существенную роль в поддержании и масштабировании конфликтов и конфликтности как в отдельных полях стратегических действий, так и в публичном пространстве города в целом. Результаты применимы в урбанистике, управлении городскими конфликтами и разработке механизмов согласования интересов в городской среде.

Ключевые слова: городская конфликтность; конфликтные повестки; сложный городской конфликт; инфраструктура конфликтов; пространственный анализ; управление конфликтами.

Введение

Нарастающая множественность конфликтов, их предметное разнообразие в городской среде оказывают влияние на режимы взаимодействия субъектов,

¹ Исследование выполнено за счёт гранта № 24-28-01352 Российского научного фонда; см. подробнее: Карточка проекта фундаментальных и поисковых научных исследований, поддержанного Российским научным фондом. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://rscf.ru/project/24-28-01352/> (дата обращения: 2 мая 2026).

АЛЕКСЕЕВ Тимофей Дмитриевич — старший преподаватель кафедры общей социологии, Новосибирский государственный университет. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1. Научный сотрудник лаборатории городских исследований Института социальных технологий, Новосибирский государственный технический университет. Адрес: 630073, Россия, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20.

Email: veretur@gmail.com

роли и практики общественного участия, которые сегодня нельзя игнорировать при принятии политических и экономических решений. Возникая в зонах хронических городских проблем и изменений, вокруг символически значимых объектов, такие конфликты приобретают связанность и устойчивость, что неизбежно усиливает их сложность [Скалабан, Сергеева, Лобанов 2022; Скалабан, Лобанов 2025].

Сложные устойчивые конфликты в сочетании с множественными точечными способствуют упрочению конфликтности как неотъемлемого свойства и состояния современной городской среды [Kilani, Dhaher 2024]. Будучи детерминированной экономическими, социальными и политическими процессами города и региона, конфликтность по своим свойствам и содержанию отлична от свойств автономных конфликтов [Нагайцев 2015]. Она не распределяется в пространстве равномерно, но концентрируется в средах, где конкуренция пользователей города за доступ к ресурсам, общим благам и смыслам и контроль над ними особенно высоки. Длительное сохранение конфликтности обеспечивает устойчивость составляющих её связей, способствует профессионализации обслуживающих её ролей по организации, инициированию, сопровождению, посредничеству в ситуации конфронтации, тем самым конструируя в городе уникальную конфликтную инфраструктуру. Важный катализатор усиления конфликтности — стремительная цифровизация городских отношений, доступ к социальным сетям. Эти процессы позволяют каждому гражданину выступать одновременно в качестве автора и адресата, что размывает границы между частной и публичной сферами [Хабермас 2023], затрудняет идентификацию и прогнозирование собственно городского конфликта и конфликтности.

Городская конфликтность как явление не часто становится объектом изучения. Исследователи чаще сегментируют её анализ по типам конфликтов [Torre et al 2014; Кончечков 2018; Kühne, Bellini 2019; Скалабан 2023a; Сергеева 2024], территориям [Кольба, Орфаниди 2023], субъектам [Желнина, Тыканова 2019; Соколов, Абрамовский 2022; Ларичев, Солдатова, Таболин 2023]. Контекстуально конфликтность становится объектом рефлексии при исследованиях городской политики управления конфликтами [Желнина 2021; Белоусов, Давыдов 2021], институционального контроля за их динамикой, свойствами конфликтов как преобразующего город ресурса [Gualini, Mourato, Allegra 2015]. К этому понятию обращаются в контексте анализа городских арен и полей [Желнина, Семенов, Тыканова 2022; Семенов 2024], при пространственном анализе конфликтных процессов [Knoblauch, Sommer, Pfetsch 2026]. Важное условие изучения конфликтности — наличие эмпирического материала, способного целостно отобразить предметное и акторное многообразие городских конфликтов, что противоречит сложившейся в исследовательской среде традиции их выборочного кейс-анализа.

В своём исследовании мы не претендуем на всеобъемлющее описание конфликтности как явления, но пробуем ответить на вопрос, как множественные повестки публичных конфликтов разных сфер городских отношений, связываясь и распределяясь в пространстве города, формируют его

ОТТО Зоя

Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социально-массовых коммуникаций, научный сотрудник лаборатории городских исследований Института социальных технологий, Новосибирский государственный технический университет.
Адрес: 630073, Россия, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20.

Email: z.sergeeva@corp.nstu.ru

конфликтное поле. Мы исходим из гипотезы, что конфликтность города, её устойчивость и подвижность во многом определяются нарастанием множественности и связанности локальных городских конфликтов, протекающих на ограниченных территориях, и общегородских конфликтов, их повесток. Это и определило цель статьи — изучить связи между предметными полями городских конфликтов, описать инфраструктуры конфликтования, адекватные современному полю городской конфликтности.

Конфликтность городской среды: теоретический анализ

Категория «конфликтность» мультидисциплинарна, многозначна и контекстуальна [Каспаров, Плотников, Сетов 2018]. Её смыслы существенно дифференцируются в зависимости от той научной дисциплины, объектом изучения которой это явление становится. Конфликтность интерпретируется как *свойство субъекта, состояние среды, распространённость* явления в латентной и открытой формах. Первый вариант распространён преимущественно в психологии, менеджменте (конфликтность как свойство личности, малой группы, организации) [Дмитриева, Антилогова, Титаренко 2020], второй и третий варианты интерпретации — в социологии, где конфликтность определяется через количественные и качественные характеристики среды, как комплекс конфликтов социального, экономического, этнонационального свойства [Никовская 2020], «фундаментальное для общества состояние» [Грязнова, Афанасьев 2018: 28], в котором конфликты «теснейшим образом сопряжены, взаимосвязаны» [Нагайцев 2015: 118)].

Интерпретируемая как процесс (нарастание конфликтности) и (или) устойчивое состояние и распространённость (конфликтность в сфере этнорелигиозных отношений), конфликтность содержит множественные атрибуты (когнитивные искажения, групповые стереотипы, эмоциональные реакции, паттерны поведения, элементы драматургии), способные влиять на изменение свойств среды. Процессуально конфликтность в условиях города может быть определена как фаза напряжённости, на которой противоречия не только объективно накапливаются, но открыто проявляются через манифестируемые проблемы (повестки) и совокупность одновременно и (или) последовательно происходящих конфликтов. Устойчивость конфликтности поддерживается не только множественностью эпизодов, но и деятельностью их акторов, связями между ними.

Важная черта конфликтности — пространственное распределение (локализация). Сообразуясь с реляционной теорией пространства Мартины Лёв, конфликтность — это одновременно символическая или материальная *среда* (распределение объектов оспаривания и субъектов относительно друг друга) и *результат* социальных действий, связь разрозненных элементов в осмысленное «пространство» конфликта или конфликтов между собой. Она же может быть производной множества перекрывающихся, конкурирующих пространств — «систем отношений между живыми существами и общественными благами» [Löw 2016: ix], создаваемых разными группами в одном физическом месте. Это задаёт контур внутреннего социального порядка конфликтности — пространства (поля), структурируемого инсти-

тутами, конвенциями, дискурсами [Löw 2016: vii], но определяемого как «спорные места и связи», места конфликтных встреч между различными социальными, экономическими субъектами [Baran, Stoltenberg 2024]. Накладываясь в диапазоне микро- и макроуровней городских отношений, конфликты образуют общее пространство города, внутри которого и поддерживается конфликтность. Его границы задаются борьбой за территориальный контроль и порядок в городе. Они могут охватывать все типы городских конфликтов [Knoblauch, Sommer, Pfetsch 2026 10]. В этом пространстве вырабатываются как механизмы конфликтования, так и социальные и институциональные механизмы и инструменты их сдерживания [Baran, Pfetsch 2025].

Важнейшую роль в конструировании конфликтных пространств играют городские противоречия, манифестируемые акторами через конфликтные повестки. Однако подход к идентификации конфликтности через анализ бинарных противоречий и повесток автономных конфликтов слишком узок, чтобы объяснить связанные конфликтные процессы. Перспективно обращение к социальным порядкам мезоуровня, где конфликтные повестки приобретают общественную значимость и публичность, формируя связи между конфликтами.

Потенциалом для осмысления механизмов пространственного распределения конфликтности и её идентификации акторами городских отношений, на наш взгляд, обладает теория полей Н. Флигстина и Д. Макадама. В соответствии с ней стратегические коллективные действия осуществляются в поле (то есть в конструируемых социальных порядках мезоуровня), к которому акторы привязаны и где они взаимодействуют друг с другом на основе разделяемых (хотя и не консенсусных) пониманий о предназначении правил [Флигстин, Макадам 2022: 49]. В таких полях доминирующие игроки и претенденты с разным объёмом экономических ресурсов в силу своих интересов, понимания или переопределения правил и распределения власти борются за более выгодное положение в структурах власти [Флигстин, Макадам 2022] в том или ином пространстве городских отношений: строительство или содержание жилья, соседские сети, символические поля медиа- и культурные индустрии. Действуя в том числе через конфликты, они стремятся достичь разнообразных целей, защиты или усиления рыночных позиций, контроля за распределением ресурсов, сохранением культурных и общественных ценностей. Конфликт — это шанс актора запустить процесс изменения своего положения в поле или повлиять на близкие, а иногда и дальние поля стратегических действий, поскольку изменения в одном поле могут воздействовать на положение акторов в других полях.

Сложные конфликты больше влияют на расклад сил, структуру и правила в поле, делают режимы конфликтования настолько устойчивыми, что возникают инфраструктуры, обслуживающие их протекание. Как отметили А. А. Желнина и Е. В. Тыканова, такие инфраструктуры являются «оборудованием» для интерактивных и динамических процессов согласования интересов и развития города, позволяют игрокам коммуницировать и принимать решения о судьбе города [Желнина, Тыканова 2019: 168]. Комплекс устойчивых элементов позволяет конфликту реализоваться в режиме, оптимальном для преодоления проблемы. Инфраструктуру конфликта могут составлять социальные или законодательные нормы; роли; квалифицированные акторы; сети устойчивых связей участников и сети мобилизации. Из них складываются акционные, медийные и бюрократические практики конфликтования и конфликто-регулирования, то есть всё то, что позволяет игрокам не только осуществлять по понятным им сценариям конфликты, но и понимать смыслы действий стратегических акторов иных разворачивающихся в поле конфликтов, пользоваться формирующейся инфраструктурой или тиражировать её в другие поля.

Мы считаем, что конфликтные инфраструктуры формируются в полях стратегических действий преимущественно в ходе сложных городских конфликтов, протекающих с участием многих акторов и длительно [Скалабан, Лобанов 2025]. В силу связанности полей между собой эти инфраструктуры по форме и задействованным механизмам достаточно универсальны, чтобы быть востребованными

и использоваться в близких полях или стать структурной основой для городского конфликтного поля как такового. Мы исходим из того, что при смене акционных механизмов конфликтования сетевыми, медийными и бюрократическими (множественные обращения или жалобы в органы власти, в органы надзора разного уровня, публичное информирование, сетевое взаимодействие акторов, близких по предмету конфликта и проч.) пространство конфликтности становится более связанным и устойчивым. Этому способствует и то, что конфликтные инфраструктуры частично пересекаются с гражданскими [Скалабан, Лобанов 2025: 166] и задействуют рыночные и властные инфраструктуры, которые позволяют пользователям удовлетворять свои интересы, одновременно оказывая влияние на городские режимы и городские изменения.

Конфигурация связанности повесток городских конфликтов как каркас городской конфликтности: методология анализа

Объект исследования — множественность и связанность конфликтных повесток. Их конфигурация задаёт и одновременно отражает формирующиеся каркасы конфликтных полей, характер их инфраструктуры и пространственное распределение. Отдельный интерес представляют особенности распределения повесток между типами участников конфликтов и смещение конфликтной повестки за территориальные или предметные границы отдельных конфликтов. Такие изменения могут трансформировать соотношение между «ядром» и «периферией» конфликтности в городской среде. Например, конфликт, возникший как конкуренция за доступ к медицинским или образовательным услугам в новом спальном микрорайоне, благодаря участию мигрантов маркируется как этнический, и его повестка резонирует в сетях и сообществах разных территорий. Повестка может дополняться или видоизменяться под влиянием собственных проблем в новом сообществе, например, безопасности и правопорядка в микрорайоне, процессов этнизации территории. В этом случае перенос, расширение повесток и формирование общего пространства конфликтности осуществляются за счёт общего языка или актуального проблемного поля, обеспечивающего связанность проблемных полей и повесток конфликтов.

«Конфликтная повестка» — редко используемый термин вне коммуникативной переговорной практики. Часто при его применении ставится знак равенства между повесткой и предметом конфликта. Однако повестка не только локализует предметную область конфликта, но и привязывает его к контексту, содержит не только проблему, но и её интерпретацию, то есть позицию актора по проблеме, тем самым объединяя объективное и субъективное прочтение проблемы. Общая повестка конфликта определяется перечнем актуальных и связанных между собой, с точки зрения участников, проблем. В слабо организованных и эмоциональных конфликтах чёткие формулировки проблемы могут отсутствовать, проявляясь отчасти в лозунгах, требованиях или высказываниях акторов, перевод которых в повестку требует от интерпретатора экспертной позиции. Если актором является группа или сообщество либо манифестирующий повестку актор ориентируется на группу(-ы) интересов, то повестка, формулируемая группой или с ориентацией на группу, представляет собой конвенцию в отношении проблемы. Будучи основой согласованных действий, она конструируется на перспективу, но может трансформироваться под влиянием обстоятельств в ходе конфликта.

Повестки как индикаторы связанности городских конфликтов довольно слабы и условны. Они проигрывают в валидности иным индикаторам связанности: участие одних и тех же акторов в конфликтах разных полей и сфер; соприсутствие во времени или в пространстве; кооперация участников; сети акторов и сообществ. Действительно, как связаны недовольство проектом строительства Восточного обхода («Строительство Восточного обхода Новосибирска, пуск транзитного транспорта через Советский район», № 9)² и конфликт жителей Краснообска с подростками-байкерами («Жителей Краснооб-

² Номер после названия кейса конфликта указывает на его место в каталоге конфликтов Геоинформационной базы данных конфликтов Новосибирской агломерации.

ска беспокоят подростки-байкеры», № 319)? Не более чем семантически: в обоих случаях горожане жалуются на шум (потенциальный или актуальный). При этом проблемы, которые собираются вместе через ассоциации, устойчивые и воспроизводимые в конфликтах города формулировки, высказываются в связи с догадками или вслед за внутренней логикой повествования, являясь важным индикатором связанности социальных или символических конфликтов. Связанность повесток свидетельствует о том, что имеется общее информационное поле, где какие-то проблемы воспринимаются как разделяемые, родственные и предположительно существуют какие-то группы родства конфликтов на основании смысловой связанности повесток.

Однако необходимо учитывать, что значимая часть повесток появляется совместно по техническим обстоятельствам, в силу последовательности и связанности видов деятельности, способных стать триггерами конфликтов. Например, в 40% случаев конфликтов 2022–2024 гг. проблематизация повестки «статус земельного участка» сопровождалась и проблематизацией повестки «проекты строительства» — эти повестки родственны. Вместе с тем наблюдается много случаев, когда актуализируемые в отдельно взятом конфликте повестки по-настоящему разнородны. Так, в конфликте «Жители микрорайона “Европейский берег” против продления троллейбусного маршрута» (№ 306) заявленные его участниками множественные повестки материального и символического характера могут быть сгруппированы следующим образом: безопасность; несогласие с общей стратегией развития города или с ее ключевым компонентом; защита ценностей, угроза локальной идентичности; угроза личной и общественной собственности; качество дорог. В конфликте «Строительство общежития для мигрантов на Пригородной» (№ 438) жители заявили проблемы: безопасность; нежелательное соседство; нагрузка на инфраструктуру; уплотнительная застройка (комплекс негативных факторов, таких как нехватка инсоляции; изменение вида из окна и облика места).

Число повесток свыше одной широко распространено в публичных конфликтах. В новосибирской агломерации в 2022–2024 гг. хотя бы две повестки обозначаются в 83% конфликтов, хотя бы три — в 42% случаев. Подвыборка конфликтов, в которых обозначаются три повестки и более, особенно интересна для нас, поскольку отражает сложную связанность между ними. В противовес простой парной связи, которая может быть чистой импликацией, появление трёх и более повесток в одном конфликте отражает — и мы приняли это в качестве рабочей гипотезы — ассоциативную связь между содержательно разными типами повесток, открывает возможности вовлечения в конфликт разных акторов как претендентов для присутствия в поле стратегического действия, создаёт потенциал для увеличения его сложности и связанности с другими конфликтами, формирования конфликтных полей.

Возможность содержательно охарактеризовать эти связи или разбить наблюдения на группы, объединённые вокруг качественно отличающихся центров, определённых разными повестками, — это возможность описать смысловые ядра городской конфликтности в целом. За этим стоит теоретическая модель М. Лёв, в которой конфликтность можно рассматривать как автономную среду, не сводимую к эмпирической сумме конфликтов и зависящую от эффектов взаимодействия и связанности. Конфликтность может принимать разные конфигурации, она пластична и подвижна, но статические наброски её качественных характеристик тоже имеют смысл, потому что отражают смысловую структуру конфликтов, а именно главные различия, в которых эти конфликты кодируются.

Повестки, будучи объективно поднимаемыми в ходе конфликта проблемными сюжетами, связаны со сферами протекания конфликтов, понимаемыми как внешне различимые проблемные области. Однако, в отличие от сфер, они дают представление о субъективном понимании конфликта его участниками. Повестки идентифицируются исходя из того, какие проблематизации или подозрения содержатся в высказываниях участников конфликта и заинтересованных лиц, попавших в новости и социальные медиа. Например, в 2024 г. продолжение получил конфликт вокруг застройки устья реки Ельцовка-2

(№ 623). Сфера этого конфликта — строительство; объективным фактом, послужившим его триггером, стало начало строительных работ по возведению жилого комплекса у берега реки. Повестки конфликта более множественны: жители сетовали на недостаточность социальной инфраструктуры района, на несоблюдение строителями техники безопасности и на нехватку зелёных зон. Строительство, то есть сфера конфликта, в данном случае играет по отношению к актуализируемым повесткам роль предлога-катализатора для манифестации всей совокупности тревожащих жителей проблем. Само строительство при этом может оставаться ключевой проблемой, поддерживаемой дополнительными триггерами для местного сообщества.

Множественность повесток зависит от того, насколько подробно участники раскрывают тему. Ещё один пример — иск мэрии о сносе незаконных построек у границ крупнейшего в регионе оптового плодоовощного рынка «Хилокский» («Мэрия Новосибирска против незаконных ларьков и кафе около Хилокского рынка», № 354). Публичная аргументация спикера, высказывающегося от лица мэрии, имела формально-юридический характер, в то время как представители собственника и владельцы помещений под снос публично свои позиции не обозначили. В подобных случаях сфера и повестка зачастую совпадают: сфера строительства и повестка «проекты изменения на территории».

Следует заметить, что анализ конфликтных повесток — не единственный способ осмыслить конфликтное пространство города. Для этого используется и семантический сетевой анализ [Baran, Stoltenberg 2024], включая, например, анализ совместного использования хештегов для определения оспариваемого места [Jackson, Bailey, Welles 2020]; контент-анализ упоминаний влиятельных акторов [Shea, Jiang, Leung 2022]. Шире распространены методы ивент- и кейс-анализа конфликтов [Тыканова 2021; Скалабан 2023b; Knoblauch, Sommer, Pfetsch 2026]. Системный сбор данных с начала 2000-х гг. осуществляется преимущественно в странах Латинской Америки обсерваториями, или центрами мониторинга, городских конфликтов, при поддержке агентства ООН-Хабитат [Скалабан 2023b: 291]. Однако он ориентирован преимущественно на протестные события акционного типа, что сужает объект исследования. Общая проблема сбора данных о конфликтах заключается в том, что отбор и каталогизация сопряжены с принятием ряда допущений. Однако объёмные каталоги конфликтных событий позволяют отслеживать динамику предметного поля конфликтов и проводить его сравнительный анализ.

Эмпирическая база и методы исследования

В нашем случае объектом эмпирического анализа стали конфликты 2022–2024 гг., отобранные из массива Геоинформационной базы данных конфликтов Новосибирской агломерации³ (далее — база данных, или ГБД). Ядро агломерации образуют города Новосибирск, Бердск, Искитим, Обь, рабочий посёлок Краснообск и наукоград Кольцово ($N = 2084,4$ тыс. человек). Новосибирск ($N = 1637,3$ тыс.) — крупнейшее муниципальное образование РФ; не имеет чёткой экономической специализации, поэтому городские конфликты генерируются проектами разных экономических и социальных сфер. Во многом их возникновение стимулируется хроническим конфликтом городских и региональных политических и экономических элит (см. подробнее: [Бедерсон, Шевцова 2021]). База данных разработана и ведётся Лабораторией городских исследований Института социальных технологий Новосибирского государственного технического университета с 2021 г. Наполнение базы осуществляется через геокодирование медийно зафиксированных случаев городских конфликтов более чем по 30 параметрам [Скалабан 2023b]. «Ручной» отбор медиаданных по ключевым словам из информационной автоматизированной системы мониторинга СКАН-Интерфакс в 2024 г. был заменён разработанным сотрудниками и студентами университета программным инструментом с искусственным интеллектом (ИИ),

³ См. подробнее: *Конфликты NSK*. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://conflictsnsk.ru/> (дата обращения: 3 мая 2026).

WEB-интерфейсом, внутренней базой данных для автоматизации сбора, хранения, обработки (классификация по локации, сфере протекания и времени возникновения конфликта) и передачи данных, отобранных из пяти крупнейших региональных информационных порталов. Для выделения конфликтных событий программа была обучена их идентификации на основе 10 тыс. новостных статей; из них в 5000 имелись признаки городского конфликта. В доработанной версии программы распознавание конфликтов искусственным интеллектом варьируется от 30 до 70% от импортируемого в базу данных контента, поэтому материал проходит дополнительный отбор и контроль редактора и размечается специальным образом. Дополнительный выборочный контроль медиа подтверждает адекватность отобранных данных складывающейся картине городской конфликтности. По каждому выявленному конфликту и (или) событию кодировщиками дополнительно аккумулируются данные из медиаресурсов и пабликов социальных сетей и структурируются более чем по 30 параметрам (см. приложение). На момент подготовки статьи база содержала кейсы по 774 конфликтам, включая медиаданные о 3750 акторах конфликтов, 95 сообществах с 2011 г. (избирательно — с 2004 г.). Однако для анализа конфликтных повесток нами отобраны кейсы только трёх лет ($N = 461$), так как по ним вводились текущие данные, а не реконструируемые постфактум, что увеличило долю конфликтов последних лет в общем объёме данных и создало некоторые ограничения в их сопоставлении с предыдущими годами. Наряду с выборкой конфликтов за 2022–2024 гг. использовалась подвыборка многоповесточных (три и более) конфликтов для анализа связанности и сложности ($N = 195$). Конфигурация базы позволяет фиксировать конфликт на основании множественных данных, что отчасти понижает интерпретативное влияние позиции СМИ.

Дополнительно с помощью сервиса статистики и аналитики контента сообществ социальных сетей «Popsters» (Popsters.ru) был проведён контент-анализ открытых городских и локальных тематических пабликов социальной сети «ВКонтакте» и Telegram-каналов⁴, где шло обсуждение или осуществлялась активность по 127 отобранным конфликтам 2022–2024 гг., по следующим сферам: строительство; культура и общественные ценности; межэтнические и религиозные отношения. Анализу подверглись 3070 упоминаний конфликтов в социальных сетях. Основное внимание уделено коэффициенту *ER* (Engagement Rate — уровень вовлечённости аудитории в проблему). Рассчитывается по формуле:

$$ER = (\text{лайки} + \text{комментарии}) / \text{охват поста} \times 100\%.$$

Таким образом, список показателей, участвующих в представленном анализе, включает: повестки конфликта; участвующие персоны; организации и сообщества; уровень вовлечённости для постов о конфликте в Telegram* и VK.

Конфликтные повестки как группа переменных

В ходе работы с базой данных кодировщики постепенно строили открытую типологию конфликтных повесток описательного типа. Это позволяло, описывая конфликтное пространство города, пополнять и корректировать список повесток, точнее обозначать предметные границы публичных конфликтов. Результат такой кодировки мы называем органическим кодификатором. Не все повестки из такой стихийной типологии сопоставимы по линии «конкретизация и (или) абстрактность» используемых категорий; категорий конфликтных повесток оказалось 58, что является немалым количеством.

Неизбежно некоторые повестки из этого списка представляют собой частные случаи других его элементов: безопасность и контроль за нелегитимным насилием; доступность и наличие дорог; другие подобные сочетания. Они отделены друг от друга постольку, поскольку в дискурсивном отношении наличие уточнений имеет значение: проблематизация безопасности вообще не равна проблематиза-

⁴ С февраля 2026 г. в России наблюдается масштабная блокировка Роскомнадзором мессенджера Telegram, фактически ограничивающая доступ к нему на 90–100%. Далее название этого приложения помечено астериском (*).

ции уличного насилия, хотя это последнее объективно представляет угрозу личной безопасности. Исходный список был укрупнён по смыслу так, чтобы схожие повестки объединились общими кодами. В результате количество категорий удалось сократить с 58 до 14 (см. табл. 1).

Общая логика анализа данных была следующей: вывод простых распределений повесток; проверка динамики по годам; анализ простых таблиц сопряжённости для идентификации попарно связанных повесток; выявление кластеров на подвыборке многоповесточных (3+) конфликтов; интерпретация кластеров для дальнейшего использования как группирующей переменной.

Таблица 1

Распределение конфликтных повесток в Новосибирской агломерации по укрупнённому кодификатору (N = 195). 2022–2024 гг., доля в %

Повестки в городских конфликтах	Все годы	Годы		
		2022	2023	2024
Нежелательное соседство, этническая и социальная плотность среды	32	38	30	27
Личная и средовая безопасность, предупреждение угроз	31	28	31	33
Проекты изменений как проблема и угрозы	29	33	26	29
Защита прав и ценностей	28	27	25	32
Доступность среды, инфраструктуры и услуг	26	18	32	25
Смена статуса территорий, строительство, землеустройство	21	22	19	23
Городская политика, администрирование, коррупция институциональное доверие и участие	21	22	21	20
Общественные пространства и эстетика городской среды	20	22	21	16
ЖКХ и городские службы: управление и эксплуатация	20	19	22	18
Дороги и общественный транспорт	19	18	17	21
Социальная инфраструктура и услуги, здравоохранения образования, спорта, социального обслуживания	14	9	16	16
Сохранение объектов культуры, символически значимых объектов	13	12	13	15
Экология, угрозы, сохранение природной среды	12	15	11	11
Экономическая деятельность и конкуренция ⁵	2	4	1	1
Число наблюдений (кейсов конфликтов)	461	139	174	148

Источник: Геоинформационная база данных конфликтов Новосибирской агломерации (ГБД). Конфликты NSK. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://conflictsnsk.ru/> (дата обращения: 3 мая 2026).

Количество повесток по органическому кодификатору (см. табл. 2) коррелирует с количеством по укрупнённому на уровне $r = 0,83$. Для конфликтов с одной или двумя повестками количества повесток близки и по первому, и по второму кодификаторам: 70% конфликтов, в которых только одна повестка по первому классификатору, содержат только одну по второму. Также 70% конфликтов с двумя повестками по первому кодификатору охарактеризованы одной или двумя повестками по второму.

Структура распространённости повесток относительно стабильна: за 2022–2024 гг. можно отметить только тенденцию к сокращению проблематизации нежелательного соседства с 38 до 27% (см. табл. 1). В этом отношении допустим анализ структуры как единой для всех периодов.

⁵ Низкий процент манифестируемых конфликтов экономической деятельности и конкуренции обусловлен или непубличностью их проблематизации, или их «скрытым» манифестированием, оформленным публично через иные общественно значимые повестки.

Таблица 2

Шесть основных групп повесток (встречаемость более 10%) в Новосибирской агломерации по органическому кодификатору (N = 195). 2022–2024 гг., доля в %

Повестка	Все годы	Годы		
		2022	2023	2024
Личная и средовая безопасность	22	21	24	20
Проекты строительства или изменений на территории	16	17	13	18
Нежелательное соседство	15	18	14	14
Доступность среды, инфраструктуры и услуг	14	9	18	14
Защита ценностей, угроза идентичности	13	9	13	18
Защита прав	11	13	9	11
Число наблюдений	461	139	174	148

Источник: Геоинформационная база данных конфликтов Новосибирской агломерации (ГБД). *Конфликты NSK*. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://conflictsnsk.ru/> (дата обращения: 3 мая 2026).

Связи между наиболее распространёнными повестками (более 10% органических повесток, z-тест для ячеек на уровне доверия 95%) формируются преимущественно внутри полей стратегических действий или между близкими полями. Повестку землеустройства (смена или сохранение статуса участка, его выделение, продажа или аренда) содержат 23% конфликтных повесток, вызванных проектами строительства или изменений на территории; уплотнительной застройки —18%; вырубки деревьев —16%. Последняя из перечисленных повесток способна одновременно выступать триггерной при инициировании преобразований в ходе и строительства, и благоустройства.

В пакете с повесткой «доступность среды, инфраструктуры и услуг» продвигаются или последовательно манифестируются частности, связанные с проблемами социальной инфраструктуры в «спальниках»: наличие школ, детских садов и мест в них (17%), поликлиник (12%), организация общественного транспорта (14%). Их значимость для новых осваиваемых девелоперами территорий прогнозируема. Однако в настоящее время в Новосибирске она существенно усугубилась провалом реализации концессий строительства школ, поликлиник и текущим реформированием системы общественного транспорта, что в высшей степени чувствительно для горожан. Ещё одна повестка, манифестируемая как ракурс проблем развития территорий, — «защита прав» жителей, проживающих в зонах изменений. В 16% она соседствует с угрозой личной и общественной собственности, в 14% — с отсутствием институционального доверия, в 10% — с доступностью и услугами образования.

Несколько сложнее выглядят связи между повестками, которым в урбанистическом дискурсе анализа городских конфликтов внимание уделяется реже. К таким повесткам относятся разные аспекты физической, средовой безопасности горожан, соседства, защиты значимых для тех или иных групп символических ценностей и групповой идентичности. Так, 25% кейсов с повестками, вызванными фрустрацией безопасности на локальном уровне, указывают на нежелательное соседство. Их диапазон достаточно широк и заслуживает дифференцированного анализа по сферам. Конфликты варьируются от сопротивления строительству, открытию учреждений системы исправительных учреждений, пивных магазинов, развлекательных заведений, до размещения для организованного проживания мигрантов или этнизации территорий. Не случайно повестки, вызванные проблемами безопасности, в подавляющем большинстве локальны и привязаны к месту проживания горожан. Так, 21% случаев проблематизация нежелательного соседства связаны с требованиями контроля над нелегитимным насилием, 14% — с шумом.

Два «ядра» городской конфликтности: проблемные проекты против соседства и ценностей

Исходя из ранее заявленного тезиса о потенциале сложности, изначально заложенном в множественности проблем и акторов, мы отобрали конфликты, в которых было отмечено три повестки и более — 42% от выборочной совокупности ($N = 461$). На этой подвыборке был применён двухэтапный кластерный анализ⁶.

Выделены два кластера, один из которых охватывает 52% подвыборки, а второй — 48%. Мера силуэта составила 0,22, что свидетельствует о наличии обнаружимых, но нечётких кластеров. Двукластерное решение также оказалось устойчивым к изменению критерия кластеризации и потолка итераций. Два обнаруженных кластера можно содержательно охарактеризовать исходя из асимметрии распределения повесток между ними (рис. 1).

Кластерный анализ конфликтов со множественными повестками, в котором повестки используются в качестве исходных переменных, может соответствовать подходу М. Лёв, в котором городская конфликтность проблематизируется как подвижная среда, пространство эмпирически наблюдаемых спорных мест и связей. Этот метод призван описать структуру поля связанности конфликтных повесток и отражает конфликтность и её распределение в пространстве города не через априорные категории, а через органические тенденции, позволяя показать структуру конфликтности с учётом её субъективной и подвижной природы: повестки отражаются в низовых дискурсивных практиках, возможна фиксация контингентных, пространственно и исторически специфичных различий.

Источник: Геоинформационная база данных конфликтов Новосибирской агломерации (ГБД). *Конфликты NSK*. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://conflictsnsk.ru/> (дата обращения: 3 мая 2026).

Рис 1. Доли характерных для кластеров повесток (на основании z-тестов) ($N = 195$)

⁶ Кластеры формировались на укрупнённой группе переменных-повесток (всего 14 дихотомических переменных). Поскольку процедура проводилась на небольшой подвыборке в 195 наблюдений, в качестве критерия кластеризации был выбран информационный критерий Акаике (Akaike Information Criterion), реализованный в пакете Statistical Package for Social Sciences 26 наравне с критерием Шварца (Bayesian Information Criterion) как более чувствительный ко множественности профилей. Число кластеров определялось автоматически.

Первое «ядро»: земля и проблемные проекты

Кластер 1 характеризуется *иерархическим* вектором конфликта. В нём доминирующее положение занимают повестки, в которых проблематизируются проекты изменений (99% против 2% во втором кластере) и смена статуса территорий (67% против 5% во втором). Повестки, относящиеся к этим группам, акцентируются на переменных, способных повлиять на качество или устоявшийся образ жизни жителей: снос или строительство новых объектов в привычном, или, в терминах А. Лефевра, «присвоенном жителями», пространстве; смена юридического статуса территорий, режимов пользования; кадровые перестановки в органах власти и иные действия, предполагающие объективирующее вмешательство в жизнь горожан. Подтекст подобных повесток всегда или почти всегда таков, что существует полномочный орган или лицо, навязывающее упомянутые изменения. В этом смысле кластер «иерархичен»: он имеет дело с конфликтом, направленным против внешних субъектов, наделённых властными полномочиями и (или) значительными экономическими ресурсами.

Ещё одна группа повесток: экологические угрозы и сохранение природной среды. Эти повестки обнаруживаются только в первом кластере, в каждом третьем конфликте (36%). Смысловая связь с предыдущими группами повесток в этом случае чуть менее очевидна. Однако экологические риски и угрозы — одно из воспринимаемых последствий реализуемых проектов в условиях низкого доверия к структурам, их инициирующим или санкционирующим. Актуализация с позиций горожан и интенсивная манифестация экологических повесток наблюдаются при высоком уровне угроз и фрустрации витальных потребностей горожан (например, строительство объектов хранения и переработки мусора вблизи мест проживания в пригородных зонах); при угрозах уничтожения или увеличения антропонагрузки на зелёные зоны, привлекательные для застройки. Например, в 2023–2024 гг. горожане, проживающие рядом с Инюшенским бором, инициировали конфликты с экологической повесткой в ситуациях угрозы превращения лесного массива в парковое пространство (№ 575), продления улицы на территорию бора (№ 625), уменьшения его площади (№ 704). Недовольство ненадлежащим, с точки зрения горожан, уходом за зелёными насаждениями, в частности, вырубка аварийных деревьев или качество их обрезки, проявилось в семи публичных конфликтах. Эти проблемы также, как правило, требуют вмешательства полномочных субъектов и централизации усилий, то есть того, что задаёт «вертикальность» конфликтов в этом кластере.

Второе «ядро»: соседство и ценности

Кластер 2 имеет дело с *горизонтальным* конфликтом. В этом кластере почти отсутствуют три основные темы повесток из первого кластера (проекты изменений как проблема и угрозы; смена статуса территории, строительство, землеустройство; экология, угрозы, сохранение природной среды). Однако преобладают повестки безопасности (53%), доступности (48%) и защиты прав и ценностей (42%). Группа повесток личной и средовой безопасности часто связана с прямой угрозой насилия, сиюминутными конфликтами наподобие уличных драк с публичным резонансом. Конфликты вокруг доступности тоже относятся к повседневности: перекрытие привычных путей, прекращение оказания привычных услуг. Даже когда сюжет доступности касается социальной сферы, куда вовлечены и институциональные акторы, эти повестки характеризуют конфликты с более симметричным потенциалом взаимного влияния участвующих сторон. В этом случае нет инвестирования значительных ресурсов и более результативно срабатывают механизмы давления в виде медийного резонанса и жалоб структурам федерального уровня. Показательно, что если органы исполнительной власти муниципального уровня более вовлечены в конфликты кластера 1 (53% конфликтов с их участием против 38% во втором кластере), то структуры надзора и следствия федерального уровня чаще присутствуют во втором (13% — первый кластер, 20% — второй) (см. рис. 2). В этом отношении, если конфликты первого кластера регулируются, скорее, нормативно, то конфликты из второго кластера имеют тенденцию переходить в моральную плоскость, и мы чаще сталкиваемся с межгрупповыми противоречиями, спо-

рами вокруг символических ценностей. По этой причине в кластере 2 широко распространена группа повесток о защите ценностей, прав и идентичности, в которых преобладают культурные контroversы.

Симптоматично, что группа дорожных повесток, включающих и качество, и сеть дорог, и регулярность движения общественного транспорта, преобладает во втором кластере (30% против 14% в первом). Дороги и стоянки — это общественное благо, которое используется в городе наиболее широко и не дискриминирует своих пользователей по благосостоянию. Строительство дорог и утверждение маршрутов автотранспорта имеют характер скорее социального долга, чем коммерческого проекта. Автомобилисты, краеугольный камень городского электорального здания, эмоциональны и требовательны в обсуждении дорожных вопросов. В свете этого дорожные повестки реже попадают в иерархический кластер, чем в горизонтальный.

Структура, задаваемая ядрами: экономическое против эмоционального

Возвращаясь к тому, что связанность повесток позволяет реконструировать смысловой каркас конфликтности, мы предлагаем следующую интерпретацию полученных ядер: главное различие, которое производится в общегородской конфликтности, это различие между двумя реляционными пространствами — экономическим полем и эмоциональным миром, между дальними относительно друг друга полями стратегических действий.

С одной стороны, мы сталкиваемся с конфликтами вокруг интересов акторов разных уровней. Эти конфликты имеют заметный классовый и вертикальный характер, и их участниками являются исполнительная власть и горожане, застройщики и иные пользователи пространства, законодатели и граждане. В них мы имеем дело с отрефлексированными интересами групп пользователей города, который зачастую не только может быть материально измерен в принципе, но и измерен заранее: представитель мэрии имеет в виду порядки осваиваемых средств, застройщик работает исходя из оценки нормы прибыли, владелец жилья представляет себе его рыночную стоимость, концессионер — минимальные необходимые вложения. Поскольку первый кластер строится вокруг раздела и контроля за значимыми материальными ресурсами, широко используются бюрократические механизмы регулирования конфликтов. Публичность здесь — это дополнительный инструмент для менее ресурсной стороны конфликта, способ сбалансировать классовую асимметрию между интересами капитала и интересами горожан, ресурс «претендента» в поле стратегического действия, стремящегося занять более устойчивую позицию, или доминирующего игрока, пытающегося удержать более выгодное положение. Вообще, если в таком поле нет актора в очевидно слабой позиции, в интересах всех сторон может быть сугубо правовое протекание конфликта и ограничение публичности. Конфликтам по первому типу придаёт экономический характер также то, что это конфликты между разными логиками присвоения, каждая из которых обладает своей устойчивой легитимностью. Присвоение через повседневное пользование или ввод пространства в жизненный мир во всём его своеобразии — такие же формы последовательного рационального присвоения, как и более характерные для привилегированных акторов утверждение генплана и функциональное перезонирование.

С другой стороны, мы видим более разнородное ядро, в котором интерес уступает место аффекту, а материальное — символическому. Если первый кластер репрезентирует зависимость городской конфликтности от сформированного интереса, то второй — одновременную зависимость её от подвижного, сиюминутного аффекта. Кластеризация показывает, как городская конфликтность строится из двух потенциалов, которые отделены друг от друга семантически, но находятся в постоянном взаимодействии. Противопоставленность объективных интересов актуализируется в конфликтах за счёт аффективной энергии. Одновременно с этим неспецифическое возмущение и обострённая моральная чувствительность существуют постольку, поскольку у них есть базис в виде укоренённого конфликта интересов.

Наконец, существуют группы повесток, для которых между кластерами нет значимых различий, они в обоих кластерах представлены широко: это нежелательное соседство, этническая и социальная плотность среды (51% в первом кластере, 45% — во втором). Например, кейсы повесток «нежелательное соседство» могут кодироваться и как соседство с шумной стройкой, и как соседство с жильём беспокойных трудовых мигрантов. Повестка «этническая и социальная плотность среды» может проблематизироваться в техническом ключе как недостаток инфраструктуры, что более соответствует первому кластеру, или как межгрупповое напряжение и потенциальная опасность, вызванная проблемами идентификации «свой–чужой» и «безопасность». Не случайно группа повесток «контроль над нелегитимным насилием» в 28% случаев пересекается с повестками, вызванными защитой ценностей и угрозой групповой идентичности горожан религиозного, этнического, гражданского, политического, территориального характера. Похожая группа повесток — городская политика, администрирование, коррупция, институциональное доверие и участие (43% в первом кластере, 32% — во втором). В обоих кластерах крупная доля конфликтов имеет политико-управленческий характер, то есть вмешательство органов власти (и проблематизация такого вмешательства) не зависит от того, имеет ли конфликт экономический или эмоциональный характер.

В свете сказанного наиболее уместным представляется мягкий подход к интерпретации кластеров. Во-первых, к нему располагает техника процедуры, которая относит к тому или иному кластеру все наблюдения и не оставляет даже спорные случаи вне классификации. Например, на рисунке 1 видно, что первый кластер гораздо контрастнее, то есть некоторые группы повесток есть исключительно или почти исключительно в нём. Второй кластер может быть разложен на осмысленные облака. Отказ от этой процедуры обусловлен решением сделать набросок полюсов, ключевых противоположностей. Некорректно утверждать, что все конфликты чётко делятся на экономические и аффективные. Во-вторых, к мягкому подходу располагает избранная нами теоретическая рамка. Вслед за М. Лёв мы рассматриваем конфликтность как подвижный феномен, сильно зависящий от субъективного мира горожанина, и в этом плане полученный результат — это скорее контингентный исторический срез, чем культурный инвариант.

Повестки в конфликте: виды и пакетирование

Принадлежность части повесток обоим кластерам представляет отдельный интерес и может быть объяснена также логикой их объединения в группы (пакеты повесток) в ходе конфликта. Качественный анализ кейсов позволил выделить три типа повесток:

- *фокусированные на предмете* конфликта — реакция на конкретный триггер и проблему(-ы), вызвавшую оспаривание объекта. Этот тип повесток определяет основное содержание конфликтов. Если они не дополняются иными видами повесток, в такие конфликты, как правило, вовлечено ограниченное число участников. Однако именно этот тип повесток чаще дифференцируется по кластерам;
- *манифестные* повестки формулируются обобщённо и позволяют вписать основной предмет конфликта в более широкий проблемный контекст: загрязнение воздуха, запах и пыль в районе или городе (5%); системная нехватка социальной и коммунальной инфраструктуры (3%); тарифы ЖКХ (1%); цена на проезд (< 1%). Как самостоятельный этот тип повесток редко манифестируется. Он либо «заземляется», конкретизируется фокусированной повесткой («Общественники против неприятного запаха в районе Толмачёво», 2020, № 483), либо используется в политической и экономической конкуренции («Новосибирцы против повышения тарифов ЖКХ и повышения цены на проезд в общественном транспорте», декабрь 2023, № 293. Организаторы — Новосибирское региональное отделение политической партии «Российский объединённый трудовой фронт»);

- *катализаторы* дают дополнительное обоснование необходимости конфликтных действий. Формулируются такие повестки, как защита ценностей, угроза идентичности (13%); защита прав групп, индивидов (11%); отсутствие реакции властей на ситуацию (6%); отсутствие доверия к легитимности действий органов власти (4%); подозрение в действиях коррупционного характера (2%). Без повесток других типов они не манифестируются, имеет поддерживающий характер, поскольку являются «проверено» триггерными в отношении реакции горожан, смещают фокус на ответственность органов власти за хронические проблемы, требующие системных управленческих решений.

Именно манифестные повестки и повестки-катализаторы чаще попадают в оба кластера, поскольку, являясь в одном «пакете» с фокусированными на предмете повестками, усиливают их звучание, делают привлекательной поддержку конфликта для более широких групп горожан. Кроме того, использование акторами всех трёх типов повесток открывает большие возможности мобилизации в конфликты, формирует субъективное ощущение перманентного присутствия проблем и конфронтации в городской повестке в разных сферах и на разных территориях, объективации конфликтности как свойства городской среды.

Актеры конфликтов: персонализация и сетевизация участия

Общность части повесток внутри и между полями стратегических действий неизбежно актуализирует связи между актерами конфликтов, рождает новые коллаборации. Внимание исследователей к актерам конфликтов традиционно сосредоточено либо на изучении внутригрупповых процессов конфликтных групп (как вариант — на изучении распределения выгод от участия [Олсон 1995]), либо на стратегиях действий гражданских акторов, в частности, местных общественных движений [Dahlberg-Grundberg, Örestig 2017; Желнина, Тыканова 2019], на пространственной организации активизма [Napereñ, Uitermark, Nicholls 2023], его роли в поддержании или расширении активности в конфликтах офлайн и онлайн [Гладарев 2011; Baran, Stoltenberg 2024].

Анализ связей акторов, объединённых общими повестками конфликтов, позволил выделить две альтернативные тенденции: *персонализацию (индивидуализацию)* и *сетевизацию* участия в конфликтах, которые неизбежно влекут за собой формирование более дифференцированной инфраструктуры участия. Особенно значимы возможности социальных сетей как пространства конфликтов. Цифровые платформы общения используются для взаимодействия конфликтных групп разных территорий по предметно близким повесткам. Формирование доступной и устойчивой инфраструктуры коммуникаций открывает возможности расширения пространства конфликтности или его масштабирования. Взаимодействие через социальные сети наблюдается сегодня в конфликтах, вызванных строительством мусорных полигонов или реализацией проектов КРТ (комплексного развития территорий), даже на межрегиональном уровне. Ресурсы сетей сегодня задействуются через две основные стратегии:

- информирование о проблеме в открытых городских сетях и тематических пабликах. Это позволяет новым актерам «примерять» на себя повестки и включаться в их манифестирование для маркирования локальной и одновременно общегородской проблемы. Именно так последние годы «собираются» в общегородские повестки локально заявляемые проблемы пыли, запаха, качества уборки снега, целесообразности применения противогололёдного материала «Бионорд». Используемые инфраструктуры и собственно драматургия конструирования проблемы как общегородской достаточно универсальны: регулярный «шум» городских сетей сопровождается тематическим медиаконтентом, манифестированием проблем как конфликтных в отдельных локациях. Например, проблема запаха: 13 конфликтных эпизодов в 2017–2025 гг.; инициированные жителями общегородские петиции; обозначение проблемы как негативно влияющей на имидж города референтным лидером мнений федерального уровня;

- вовлечение в повестку новых акторов через формирование связей между конфликтными сообществами и группами, кооперация акторов, вовлечённых в близкие проблемы. В подвыборке конфликтных сообществ, чья активность была медийно зафиксирована в исследуемый период ($N = 24$), преобладают скорее сообщества городского масштаба (16 сообществ), чем локальные (8 сообществ). Высокая степень устойчивости сообществ подтверждается тем, что 11 из 24 сообществ возникли в 2011–2015 гг.; шесть — в 2018–2021 гг.; семь возникли в 2022 г., причём три из этих семи — как местное ответвление крупных общероссийских сетевых структур, что нехарактерно для предыдущих периодов. Из выделенной совокупности 20 сообществ разной степени формализации участвовали более чем в одном конфликте, включая четыре локальных, и лишь четыре сообщества были вовлечены только в один конфликт.

Все исследуемые конфликтные сообщества в соответствии с транслируемыми повестками равномерно распределились по двум выделенным ранее кластерам (кластер 1: 14 сообществ; кластер 2: 15 сообществ), и только четыре сообщества проявили активность в темах обоих кластеров. Исключительно в первом кластере присутствуют девять сообществ. Это инициативные локальные группы, противостоящие инфраструктурным проектам или иницирующие проекты создания новых парковых зон, решения проблем жителей, проживающих в аварийном жилье на экологически проблемных и депрессивных территориях или имеющих риск стать таковыми; экспертные группы архитекторов и краеведов, инициативно выступающих за сохранение символически значимых архитектурных объектов и против строительства объектов, негативно влияющих на облик города. Только ко второму кластеру относятся 10 сообществ. Среди них больше организационно оформленных объединений, в том числе подразделений общероссийских движений. Исключая одно локальное сообщество, все остальные действуют в масштабах города и ориентированы на продвижение и защиту символических ценностей. Например, Новосибирский координационный совет в защиту общественной нравственности, культуры и традиционных семейных ценностей (12 упоминаний участия в городских конфликтах, первое упоминание: 2014 г.); выделившаяся из него Сибирская правозащитная группа «Радетель» (семь упоминаний участия; первое: 2023 г.); Новосибирское общественное движение гражданского содействия.

Среди сообществ, активных в 2022–2024 гг., относительно равномерно представлено соотношение «старых» (до 2015 г. — 11) и «новых» сообществ (с 2022 г. — семь), что свидетельствует о длительном формировании гражданских инфраструктур, способных создать основу для коммуникации и координации деятельности в обоих ядрах городских конфликтов, определённой адаптации к изменению характера вызовов. Последние годы ряд «старых» сообществ демонстрируют способность «пересобираться под проект». Сохраняя идеологию и ценности, сообщества включаются в новые конфликты, становятся базой для формирования новых сообществ или сами трансформируются из ранее мультифункциональных (например, территориальных) в конфликтные. Так, гибридное сообщество Хилокского микрорайона, онлайн-коммуникативной основой которого является страница «ВКонтакте», инициировало конфликт по противостоянию Хилокскому рынку как источнику маргинализации территории и в 2022 г. изменило название на «Хилокский жилмассив: welcome to ГЕТТО!». При поддержке конкурирующей с местным бизнесом коммерческой группы оно смогло привлечь внимание органов власти всех уровней к проблемам территории и запустить процессы её изменений.

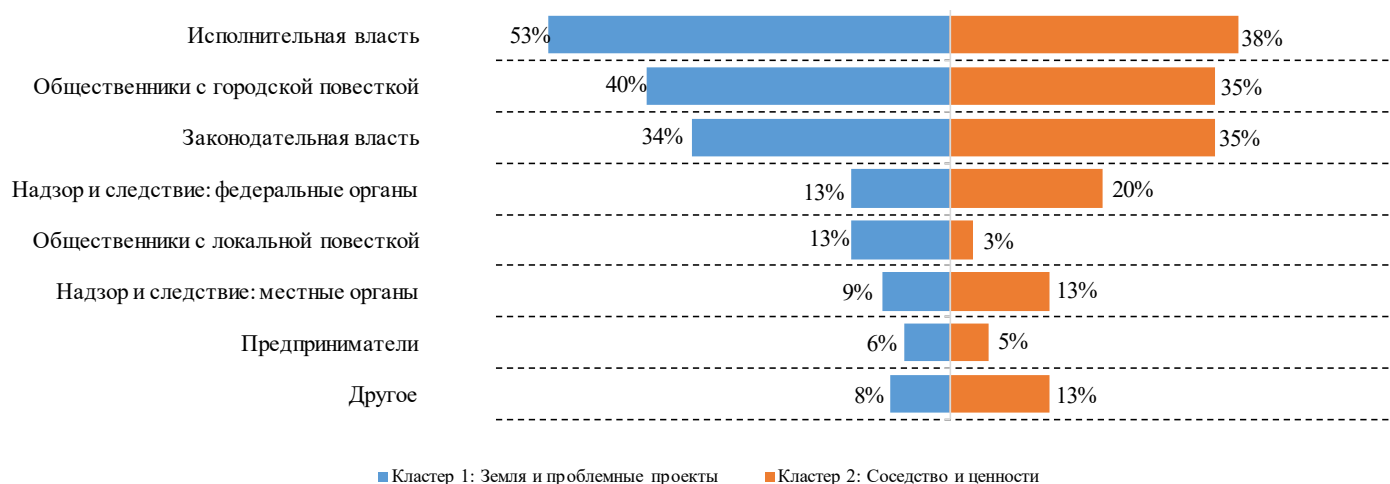
Большая роль в конструировании связей и устойчивых структур принадлежит сообществам, сформировавшимся как оборонительные [Скалабан, Сергеева, Лобанов 2022], что обусловлено способностью сообществ поддерживать сети контактов. Таким сообществам свойственны большее число устойчивых горизонтальных связей между собой с запросом на экспертные функции (скорее, кластер 1), совместное социальное давление для привлечения внимания к повесткам (скорее, кластер 2). Среди сообществ кластера 2 в последние годы приобретают активность деперсонифицированные сообщества с националистической риторикой, претендующие на роль посредников и групп поддержки местных жителей

в ходе конфликтов с мигрантами. Присутствие пяти из таких сообществ с 2022 г. публично зафиксировано в 15 конфликтах, причём в двух участвовали более одного сообщества.

Особенность сетевизации последних лет — сообщества, ориентированные не столько на совместные акционные действия, сколько на взаимное информирование, консультирование и координацию в использовании доступных бюрократических механизмов отстаивания интересов. Создаваемые и трансформируемые таким образом гражданские инфраструктуры формируют «зоны подключения» не столько к акторам, сколько к проблеме, сохраняя определённое дистанцирование и самостоятельность действий.

В отличие от сообществ, нередко заявляющих позицию деперсонифицированно, от имени группы горожан и достаточно строго дифференцированных по ядрам городских конфликтов, публичные персоны чаще вовлечены в конфликты обоих кластеров (см. рис. 2), особенно если это чиновники муниципального и регионального уровней с предписанной ролевой позицией. Заявление позиции в конфликте публичной персоной, даже если она представляет структуру или организацию, несёт определённый риск идентификации проблемы и её последствий именно с ней.

Максимальное число публичных конфликтов проходит с участием персон, представляющих муниципальные и региональные органы власти; таких конфликтов 39; медианное значение — 5. Для региона, где 59% населения проживают в областном центре, вовлечённость региональных органов власти и мэрии в проблемы города является естественной. Ещё выше значения вовлечённости у руководителей органов надзора и правопорядка федерального уровня: максимальное число участия одной персоны — 41; медианное значение участия — 34. Вместе с тем наблюдается асимметрия в широте включённости в конфликты разных кластеров между местными органами власти и федеральными государственными органами. Если первые более вовлечены в повестки «вертикальных» ресурсных конфликтов кластера 1, то вторые — в конфликты соседства, культуры и ценностей. Это не только контроль за удержанием внутривластных федеральных трендов на территориях, но и реакция на многочисленные жалобы жителей, широко использующих бюрократические механизмы федерального уровня для регулирования конфликтов и как способ давления на органы власти нижних уровней.

Источник: Геоинформационная база данных конфликтов Новосибирской агломерации (ГБД). Конфликты NSK. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://conflictsnsk.ru/> (дата обращения: 3 мая 2026).

Рис 2. Доли персон по типам представляемых организаций или групп в кластерах (N = 195)

Для акторов-горожан участие в конфликте — это во многом гражданский выбор. Среди публичных персон, заявивших о себе как активные защитники общественных интересов, есть энергичные об-

ественники, профессионалы-эксперты, руководители некоммерческих структур и объединений. Максимальное число участия одного общественника в конфликтах составляет 21 случай; медианное значение для одного актора группы — 6. В целом публичная активность общественников, многократно участвующих в конфликтах, наблюдается примерно в половине исследуемых случаев. Они могут быть охарактеризованы, в терминологии Н. Флигстина и Д. Макадама, как укоренённые в конкретных стратегических полях квалифицированные социальные акторы [Флигстин, Макадам 2022]. Запрос на «профессионального» общественника особенно часто возникает в сложном городском конфликте. Исход конфликта такого типа может изменить иерархию доступа к городским ресурсам (к примеру — в строительстве или дорожном хозяйстве), стабильность городских или региональных властных структур. Защищая права и интересы определённой социальной группы, задавая повестку, в том числе и через инициирование конфликтов, выступая посредниками между акторами в ситуациях конфликта, общественники продвигают изменения, но, как и другие квалифицированные акторы поля, поддерживают социальный порядок. Высокая доля и частота участия общественников также свидетельствуют о профессионализации гражданского участия в городских конфликтных повестках, тенденции, отмечаемой исследователями с неомарксистскими позициями как тренд и в западных странах [Mazeaud, Nonjon 2019].

Обращает на себя внимание тот факт, что если доля сообществ, вовлечённых в разной пропорции в конфликты двух разных кластеров, составляет 17% (четыре сообщества), то доля вовлечённых общественников ещё выше и составляет 33% (восемь человек). Это наводит на мысль, что общественники, «устанавливая связи между группами, апеллируя к общим интересам и идентичностям» [Флигстин, Макадам 2022: 65], перенося из одного поля в другое нормы и стратегии конфликтования, содействуя улучшению позиций гражданских акторов в неустановившихся полях стратегических действий, вносят большой вклад в формирование общего конфликтного пространства и инфраструктуры. Именно эти тенденции наблюдаются сегодня в ходе конструирования нового поля стратегических действий в сфере жилищного строительства, где при поддержке профессиональных общественников местные сообщества стремятся влиять на формирование правил реновации и поддерживать свою субъектность в перспективных для КРТ зонах, тем самым повышая свой статус в иерархии формирующегося поля. Устойчивость присутствия и исполняемые роли свидетельствуют о профессионализации ряда функций отдельных общественников в городских конфликтах, превращая их в институциональных предпринимателей.

Присутствие представителей экономических групп в городских конфликтах скорее просматривается по раскладу интересов, чем публично обозначается в повестках, а их персонификация случается существенно реже, чем у представителей органов власти, общественности и имеет вынужденный характер. Открытое участие персон из бизнес-структур чаще встречается в сложных, ресурсоёмких конфликтах вокруг городской инфраструктуры, в сфере ЖКХ. Однако это не мешает бизнесу выступать одним из бенефициаров городских конфликтов.

Цифровое пространство и медийная инфраструктура городской конфликтности

Сетевая и медийная инфраструктура играет ключевую роль в формировании конфликтной инфраструктуры и пространства города в цифровую эпоху. Чем шире информированность о проблеме, резонансность конфликта, тем выше его публичный капитал (*publicity capital*), который построен на известности и репутации субъекта и может быть инвестирован участниками в стратегии давления или благоприятного завершения конфликта.

Основными генераторами информации о конфликтах и продуцируемыми ими повестках стали социальные медиа — городские, локальные, тематические группы, паблики и чаты оборонительных сообществ, сформировавшихся вокруг того или иного конфликта в VK и Telegram*, что позволяет рассма-

тривать их как одно из полей стратегических действий современного города. Происходит наделение информации ценностью, усиление эмоционального воздействия на аудиторию, запускается сетевая мобилизация, осуществляется общественное давление. Производимый в социальных сетях контент агрегируется региональными СМИ. В случае высокого уровня вовлечённости (коэффициент *ER*) конфликты горожан имеют перспективу стать федеральной новостью, особенно если они созвучны общим трендам. В исследуемый период подобные стратегии продвижения свойственны часто конфликтным повесткам, концентрирующимся вокруг второго ядра городских конфликтов — безопасность и защита прав, — содержательно или дискурсивно связанных с ростом антимигрантских настроений и риторикой защиты культурных ценностей.

Формирование и продвижение конфликтной повестки осуществляются с помощью многообразной медийной инфраструктуры, которую можно разделить на три группы:

- сайты, страницы и каналы федеральных информагентств, федеральные и региональные СМИ, обладающие юридическим правом на распространение информации, высоким потенциалом давления и контроля за динамикой конфликта;
- крупные тематические сообщества в соцсетях, страницы и каналы лидеров общественного мнения, не имеющие официальной регистрации, но обладающие высоким охватом аудитории, сопоставимым с традиционными СМИ (более 3000 подписчиков);
- частные страницы и малые группы (менее 3000 подписчиков), способные выступать «точками манифестации проблемы», первичными источниками информации о конфликте для более масштабных каналов.

Критерием эффективности продвижения повестки становится резонанс — ресурс, содействующий успешному для актора исходу конфликта. Анализ медиаконтента 210 конфликтов за 2022–2024 гг. и 2137 упоминаний о них в социальных сетях позволил выделить несколько векторов использования медийной инфраструктуры в городских конфликтах:

- *вертикальный вектор* — это соотнесение местной, городской конфликтной повестки с федеральной новостной повесткой, которая формируется через информационную повестку правительства и первых лиц, что существенно увеличивает количество реакций по близким к ним городским темам со стороны жителей. После террористического акта в «Крокус Сити Холле» (март 2023) и усиления антимигрантской риторики на федеральном уровне удельный вес локальных и городских конфликтов с этнически маркированной повесткой увеличился с 8 до 17%. В настоящее время он сокращается, возвращаясь к привычным значениям. При обратной стратегии повестки формируются исходя из ожидаемой вовлечённости через включение в конфликт федеральных надзорных органов, структур власти, лидеров мнений федерального уровня. Из 20 конфликтов с высокой вовлечённостью (*ER* выше 5) в семи случаях использовался механизм обращения в Генеральную прокуратуру РФ, Следственный комитет РФ, к Уполномоченному по правам человека. Однако высокий резонанс лишь в трети случаев приводит к формально-правовой реакции надзорных органов («Аварийный дом на Лермонтова в Бердске», *ER* = 8,66; «Низкое качество дорожного строительства и ремонта 2022», *ER* = 8,42; «Конкурс на право строительства мусорных полигонов», *ER* = 7,84). Усилить повестку может и поиск федеральными СМИ однотипных городских конфликтных кейсов для подтверждения конфликтной повестки как явления федерального уровня, что позволяет локальному или городскому конфликту использовать ресурсы медийной инфраструктуры страны. Так возникают основания для выхода конфликтности за пределы города и региона;

— *горизонтальный вектор* — это консолидация локальных акторов, носителей предметно близких конфликтных повесток. Происходит через формирование общего информационного поля, координацию совместных действий в отношении фокусированной проблемы, значимой для горожан (например, тарифы ЖКХ, регулярные коммунальные аварии) или отдельных групп (например, жителей, попавших под программы КРТ), в условиях роста напряжённости (проблема «накипела»). В этих случаях каналы, чаты локальных сообществ, вовлечённых в конфликты, играют дополнительную роль, предоставляя вовлечённым в похожие конфликты жителям не только информационную, но и методическую поддержку, подсказывая, как правильно составить обращение, претензию, собрать подписи, куда перспективно направлять заявления, где найти правила благоустройства, СанПиНы, генеральные планы застройки.

Мультиканальность, важное свойство сетевой и медиаинфраструктуры городских конфликтов, позволяет избирать и соответствующую ей стратегию, комбинируя публикации в личных аккаунтах жителей с тиражированием материалов тематических и территориальных сообществ в социальных сетях, продвижением повестки через аккаунты лидеров общественного мнения. Существующая цифровая и медийная инфраструктура города, публичных персон допускает использование широкого набора форм репрезентации информационного контента о конфликте (до 5–6 вариантов для одного актора). Это позволяет формировать конфликтную повестку даже одному актору, используя в качестве ресурса личную страницу, сетевые тематические или локальные сообщества жителей, страницу депутата, городское, локальное или собственное СМИ. Такое разнообразие медиаканалов создаёт эффект полифонии: у аудитории создаётся впечатление, что с ней одновременно говорят гражданские структуры, медиа и лидеры общественного мнения. Чаще всего мультиканальная стратегия применяется в сложных конфликтах с высокой материальной или символической ценой, большим числом заинтересованных и акторов. Квалифицированные акторы (представители власти, бизнеса, «профессиональные общественники», лидеры оборонительных сообществ) обладают доступом к дифференцированной структуре публичного информирования или административным контролем над медиаресурсами, что открывает возможности влиять на контент социальных сетей, поддерживать интерес и активное обсуждение проблемных повесток, тем самым вовлекая в конфликт горожан.

Чтобы понять, какие конфликтные повестки вызывают наибольший резонанс среди горожан, мы, используя коэффициент ER , дифференцировали конфликты 2022–2024 гг. по уровню вовлечённости аудитории следующим образом: (1) низкий уровень вовлечённости ($ER: 0–1$); (2) средний уровень вовлечённости ($ER: 1–5$); (3) высокий уровень вовлечённости (ER выше 5).

В первую группу попали преимущественно городские проблемы, во вторую — локальные, а в третью — групповые, сформированные вокруг конкретной проблемы или события, по интересу, либо частные сообщества. Большинство конфликтов с множественными повестками (74% конфликта: 58%) показали низкий уровень вовлечённости ($ER < 1$). Их разнообразие больше, чем в других группах. Наиболее высокий уровень вовлечённости формируется в условиях массовости аудитории ($ER \geq 5$). Его показывают конфликты с группой повесток «ЖКХ и городские службы: управление и эксплуатация». Индекс вовлечённости (ER) в этих случаях может быть выше 75, а последствия таких конфликтов ощущает на себе большинство горожан («Пыль в городе или Пылесибирск» 2022, № 133, $ER = 30,73$; «Некачественная уборка снега: 2022–2023», 2023, № 252, $ER = 75,85$; «Новосибирцы против повышения тарифов ЖКХ и повышения цены на проезд в общественном транспорте», 2023, № 293, $ER = 64,47$). В группе, где ER находится в диапазоне 1–5, преобладают повестки групп «нежелательное соседство», «этническая и социальная плотность среды» («Жители дома на Планировочной против гаражей», 2023, № 355, $ER = 4,02$; «Строительство общежития для мигрантов на Пригородной», 2023, № 438, $ER = 1,03$). Среди конфликтов с низкой вовлечённостью аудитории лидируют повестки группы «Защита прав и ценностей (в том числе символических)», а также территориально локализованные конфлик-

ты, в том числе группы повесток «Проекты как проблема и угрозы» («КРТ Провобережье: микрорайон Карьер Мочище», 2023, № 682, $ER = 0,59$; «Новосибирский координационный совет против “Ночи первокурсника”», 2024, № 707, $ER = 0,94$).

При соотнесении конфликтов по уровню вовлечённости с описанными выше типами повесток обнаруживается, что в конфликтах с повестками, фокусированными на проблеме, без проявленной поддержки повесток двух других типов, уровень вовлечённости зависит от числа непосредственно затронутых повесткой жителей. Это конфликты, возникающие в ходе изменений на территориях, например, точечной застройки (ER от 1 и ниже), которые мобилизуют лишь жителей конкретных домов или микрорайонов. Более высокие показатели имеют «гиперлокальные», но очень острые проблемы: «Вспышка лишая в ЖК “Матрёшкин двор”», 2022, № 181, $ER = 5,54$; «Глубокая яма перед подъездом на Ударной», 2022, № 203, $ER = 9,52$.

Конфликты с манифестными повестками показывают более высокий ER («Новосибирцы против повышения тарифов ЖКХ...», 2023, № 293, $ER = 11,24$; «Конфликты отопительного сезона, 2022», 2022, № 204, $ER = 6,94$; «Мусорная забастовка: 2022», 2022, № 345, $ER = 61,32$). Эти темы не требуют глубокого погружения в локальный контекст и часто выходят на федеральный уровень. Прямолинейность тем, широта вовлечённых игроков, то есть признаки сложного конфликта, вызывают мгновенную и массовую реакцию СМИ.

Наиболее многочисленна (более 70%) доля конфликтов с включёнными в общий репертуар повестками-катализаторами. Высокие показатели ER в этом случае — следствие накопившегося, зачастую продолжительного по времени, недовольства горожан городской политикой и качеством городской среды. Например, это можно сказать о ряде конфликтов, где использовались повестки-катализаторы: «Общественники против установки мэрией пешеходных заборов», 2022, № 171, $ER = 19,34$; «Некачественная уборка снега» 2023, № 252, $ER = 10,87$; «Низкое качество дорожного строительства и ремонта», 2022, № 247, $ER = 8,42$. Высокий ER является индикатором не столько интереса к конкретной проблеме, сколько глубинной фрустрации и низкого институционального доверия к местным и региональным органам власти. Главный ресурс источника информации о конфликте — внимание и доверие аудитории. Высокий ER — это не просто мера интереса, но показатель успешной мобилизации против действий доминирующих акторов (власти), свидетельство системного кризиса доверия. По этой причине обращение в надзорные органы федерального уровня становится стратегией отказа от взаимодействия с местными органами власти, которые, в понимании горожан, дискредитированы бездействием.

Таким образом, медийная инфраструктура может быть определена как органическая часть конфликтной инфраструктуры. Она фиксирует миграцию тем между её различными экосистемами для управления конфликтом и конструированием пространства конфликтов. При этом именно коэффициент вовлечённости (ER), отражающий эмоциональную реакцию аудитории, а не просто количество упоминаний, является значимым показателем для анализа уровня социальной напряжённости и конфликтности городской среды онлайн, но его использование требует дальнейшего изучения и подтверждения адекватности коэффициента репрезентации общественных настроений офлайн.

Заключение

Множественность повесток в конфликте, связанность предметных полей, относительная универсальность складывающейся инфраструктуры конфликтования дают основания предполагать формирование в публичной сфере современного крупного города общего конфликтного поля. Это поле структурируется не столько по предметным сферам, сколько вокруг двух логик социального действия, образующих её смысловые ядра. Первое ядро — это *конфликт интересов*, рациональный и иерархический. Он

разворачивается в полях стратегических действий, связанных с распределением материальных ресурсов. Его субъекты — застройщики, власти, собственники — оперируют в логике расчёта, а основным инструментом служат бюрократические процедуры. Второе ядро — *конфликт аффектов*, горизонтальный и импульсивный. Он сфокусирован на повседневной безопасности, ценностях, идентичности и качестве среды. Доминирует не расчёт, а эмоциональная реакция на нарушение привычного порядка. Именно это ядро демонстрирует высокую зависимость от сиюминутного возмущения, питающегося дефицитом институционального доверия.

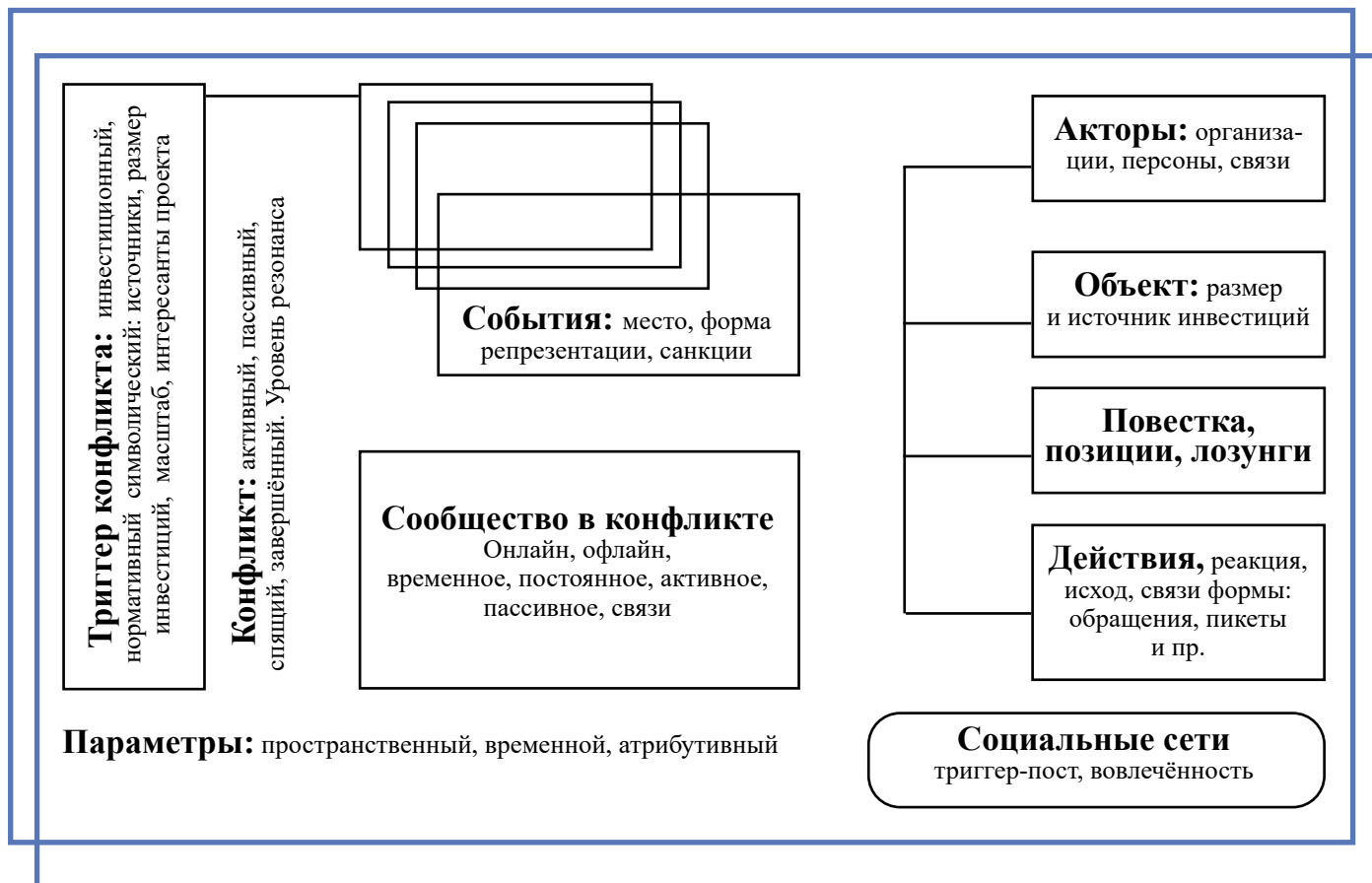
Хотя ядра различимы, отдельно взятые повестки и даже их сочетания не детерминируют принадлежность конфликта к тому или иному типу, но фиксируют пространства конфликтности, пусть и с размытыми границами. Ни медийная, ни акторная инфраструктуры конфликтования не дифференцированы жёстко в соответствии с обнаруженными ядрами. Имеющиеся между ними пересечения и связи строятся на общности конфликтных повесток, активном формировании сетевых взаимосвязей, устойчивом пуле квалифицированных акторов, способных выступать агентами-модераторами в конфликтах обоих ядер, что допускает перетекание конфликтности из одной предметной сферы городских отношений в другую.

Необходимо учитывать, что диалектичность связи между ядрами, выраженная в возможностях перекодирования (например, конфликта интересов вокруг факта застройки в аффективное недовольство безопасностью процесса), не всегда адекватно отражается в медийном пространстве. Медиаметрия показывает, что инфраструктуры именно цифровой публичности направлены в одну сторону — на усиление аффективного ядра. Понятные и эмоционально заряженные посты легко набирают высокий *ER*, создавая иллюзию общегородского консенсуса, а более фундаментальные, но сложные для репрезентации конфликты интересов (например, вокруг комплексного развития территорий) остаются в зоне низкой публичной вовлечённости и сбалансированного публичного обсуждения. Часто медийная инфраструктура не столько отражает, сколько искажает каркас городской конфликтности, но очевидно влияет на него через редукцию информационного и эмоционального фона, внося вклад в формирование пространства городской конфликтности. Точками роста, узлами, поддерживающими и стимулирующими формирование конфликтного поля города, становятся сложные городские конфликты с присущей им многоповесточностью и многоакторностью, пластичной, относительной устойчивостью обслуживающих их конфликтных инфраструктур и пространств актуализации. Это создаёт основание для дальнейшего формирования различных порядков конфликтования в полях стратегических действий.

У нас нет оснований утверждать, что данные ядра конфликтности сохранятся в перспективе. Быстрый отклик, мобилизация в проблему и конфликты, связанные с городской средой, наблюдаемая в последние годы, напрямую связаны с институционализацией цифровой сетевой инфраструктуры как каналов информирования, способствующих формированию новых городских идентичностей — собственников жилья, местных сообществ как заказчиков и пользователей общественных благ на локальных территориях. В современном городе их конфликтная компетентность продолжает расти, что должно оказать влияние и на новые свойства складывающегося конфликтного поля.

Приложение

Структура Геоинформационной базы данных конфликтов Новосибирской агломерации

Источник: Геоинформационная база данных конфликтов Новосибирской агломерации (ГБД). *Конфликты NSK*. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://conflictsnsk.ru/> (дата обращения: 3 мая 2026).

Рис. П.1. Укрупнённая схема структуры Геоинформационной базы данных конфликтов Новосибирской агломерации

Литература

Бедерсон В., Шевцова И. 2021. Застройщики, партия власти и немного конкуренции в российских миллионниках: типология городских режимов в 2010-е гг. *Журнал исследований социальной политики*. 19 (2): 285–300. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-285-300> (дата обращения: 11 мая 2026).

Белоусов А. Б., Давыдов Д. А. 2021. От права на город к праву на пространство. Динамика муниципальных конфликтов на примере Свердловской области. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 6: 362–385. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2052> (дата обращения: 6 мая 2026).

Бурдье П. 2007. *Социология социального пространства*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.

- Гладарев Б. 2011. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города. В кн.: Хархордин О. В. (науч. ред.) *От общественного к публичному*. СПб.: Изд-во ЕУСПб; 70–304.
- Грязнова Е. В., Афанасьев С. В. 2018. К вопросу о роли глобального управления в условиях роста социальной конфликтности. *Конфликтология / Nota Bene*. 4: 26–31. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://doi.org/10.7256/2454-0617.2018.4.28229> (дата обращения: 6 мая 2026). doi: 10.7256/2454-0617.2018.4.28229
- Дмитриева Н. В., Антилогова Л. Н., Титаренко Т. А. 2020. Невроз и конфликтность личности. *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 25 (2 [81]): 150–154. doi: 10.24411/1999-6241-2020-12004
- Желнина А. А. 2021. Инвентаризация городского пространства и эмоциональный менеджмент городских инициатив. В кн.: Лапина-Кратасюк Е., Запорожец О., Возьянов А. (ред.) *Сети города. Люди. Технологии. Власть*. М.: Новое литературное обозрение; 230–256.
- Желнина А. А., Семенов А. В., Тыканова Е. В. 2022. Методология изучения городских конфликтов: уровни масштабирования. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 5: 49–71. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2214> (дата обращения: 6 мая 2026).
- Желнина А. А., Тыканова Е. В. 2019. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 22 (1): 162–192. Электронный ресурс [режим доступа]: https://jourssa.ru/files/volumes/2019_1/Zheltnina_Tykanova_2019_1.pdf (дата обращения: 6 мая 2026). doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8
- Каспаров А. Р., Плотников В. В., Сетов Р. Ю. 2018. Конфликтность как предмет исследования в современных социологических теориях. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 4 (229): 151–158.
- Кольба А. И., Орфаниди Э. В. 2023. Институционализация городских сообществ крупных региональных центров РФ в системе политического управления конфликтами: пределы возможностей. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 25 (3): 601–613. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-601-613> (дата обращения: 6 мая 2026).
- Кончевков С. М. 2018. Модель структуры градостроительных конфликтов. *Архитектура и современные информационные технологии*. 3 (44): 244–261. Электронный ресурс [режим доступа]: https://marhi.ru/AMIT/2018/3kvart18/14_konchekov/index.php (дата обращения: 6 мая 2026).
- Ларичев А. А., Солдатова Л. В., Таболин В. В. 2023. Локальные сообщества как средство разрешения городских конфликтов. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 27 (4): 902–918. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-902-918> (дата обращения: 6 мая 2026).
- Нагайцев В. В. 2015. Конфликтность населения в регионе. В кн.: Колесникова О. Н., Попов Е. А. (отв. ред.) *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*. 7. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета; 117–121.

- Никовская Л. И. 2020. Социальные основания политической конфликтности. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 5 (46): 31–42. doi: [10.24153/2079-5912-2020-11-5-31-42](https://doi.org/10.24153/2079-5912-2020-11-5-31-42)
- Олсон М. 1995. *Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп*. М.: Фонд экономической инициативы.
- Семенов А. 2024. Процессуальность городских конфликтов: анализ последовательностей оспаривания проектов трансформации городского пространства в России. *Социологическое обозрение*. 23 (2): 120–146. doi: [10.17323/1728-192x-2024-2-120-146](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-120-146)
- Сергеева З. Н. 2024. Резонанс сложного городского этнически маркированного конфликта в социальных медиа. *Научный результат. Социология и управление*. 10 (2): 21–34. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-2-0-3> (дата обращения: 6 мая 2026). doi: [10.18413/2408-9338-2024-10-2-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-2-0-3)
- Скалабан И. А. (отв. ред.) 2023а. *Городские пространства и сообщества в ракурсе изменений и конфликтов*: монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ.
- Скалабан И. А. 2023б. Картирование и базы данных как инструменты агрегации и анализа информации о городских конфликтах и конфликтных сообществах Новосибирской городской агломерации. В кн.: Скалабан И. А. (отв. ред.) *Городские пространства и сообщества в ракурсе изменений и конфликтов*. Новосибирск: Изд-во НГТУ; 290–296.
- Скалабан И. А., Лобанов Ю. С. 2025. Сложный городской конфликт: концептуальные основания анализа и эмпирическое описание. *Социологическое обозрение*. 24(1): 242–268. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://sociologica.hse.ru/article/view/33337> (дата обращения 11 мая 2026). doi: [10.17323/1728-192x-2025-1-242-268](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2025-1-242-268)
- Скалабан И. А., Сергеева З. Н., Лобанов Ю. С. 2022. Защищающиеся. Оборонительные функции сообществ в городских конфликтах (на материалах г. Новосибирска). *Мир России*. 31 (4): 33–56. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56> (дата обращения: 6 мая 2026).
- Соколов А. В., Абрамовский И. С. 2022. Городские конфликты: стратегии борьбы акторов конфликта. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 7 (1): 20–28. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://vestnik-pses.kemsu.ru/en/storage/viewWindow/88380> (дата обращения: 6 мая 2026).
- Тыканова Е. В. (отв. ред.) 2021. *Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России*. СПб.: ФНИСЦ РАН.
- Флигстин Н., Макадам Д. 2022. *Теория полей*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Хабермас Ю. 2023. *Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика*. М.: Новое литературное обозрение.
- Baran Z., Pfetsch B. 2026. Containing or Acting on Conflict through Space: A Heuristic of Conflict — Space Interplay. In: Knoblauch H., Sommer V., Pfetsch B. (eds) *Spatial Conflicts and Conflictual Spaces: The Dynamics of Refiguration*. Abingdon, UK: Routledge; 25–40.

- Baran Z., Stoltenberg D. (2024). Dynamics of Scale Shift: Contentious Places and Hybrid Activism on Social Media. *New Media & Society*. 27 (9): 5088–5109. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://journals.sagepub.com/doi/epub/10.1177/14614448241247314> (дата обращения 11 мая 2026).
- Chojnacki S., Engels B. 2016. Overcoming the Material/Social Divide: Conflict Studies from the Perspective of Spatial Theory. In: Björkdahl A., Buckley-Zistel S. (eds) *Spatializing Peace and Conflict. Rethinking Peace and Conflict Studies*. London: Palgrave Macmillan; 25–40.
- Dahlberg-Grundberg M., Örestig J. 2017. Extending the Local: Activist Types and Forms of Social Media Use in the Case of an Anti-Mining Struggle. *Social Movement Studies*. 16 (3): 309–322.
- Gualini E., Mourato J. M., Allegra M. (eds) 2015. *Conflict in the City: Contested Urban Spaces and Local Democracy*. Berlin: Jovis.
- Haperen S. van, Uitermark J., Nicholls W. 2023. The Swarm versus the Grassroots: Places and Networks of Supporters and Opponents of Black Lives Matter on Twitter. *Social Movement Studies*. 22 (2): 171–189.
- Jackson S. J., Bailey M., Welles B. F. 2020. *#Hashtagactivism: Networks of Race and Gender Justice*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Kilani B. H., Dhaher N. 2024. Conflicts and Tensions in Urban Public Spaces: The Impact of Event Management. *HAL*. Preprint. Available at: <https://hal.science/hal-04763142v1/document> (accessed 7 May 2026).
- Knoblauch H., Sommer V., Pfetsch B. (eds) 2026. *Spatial Conflicts and Conflictual Spaces: The Dynamics of Refiguration*. Abingdon, UK: Routledge.
- Kühne O., Bellini A. 2019. Landscape Conflicts and the Making of Contemporary European Societies: A Dialogue with Olaf Kühne. *Cambio Rivista sulle Trasformazioni Sociali*. 9 (18): 113–120. doi: [10.13128/cambio-8424](https://doi.org/10.13128/cambio-8424)
- Leonardi L. 2023. Social Conflicts and Citizenship in the Context of Societal Complexity. *Società Mutamento Politica*. 14 (28): 33–39.
- Löw M. 2016. *The Sociology of Space: Materiality, Social Structures, and Action*. London: Palgrave Macmillan.
- Mazeaud A., Nonjon M. 2019. The Participatory Turn in Local Policies: A Product of the Market? *Governance*. 33 (2): 407–424.
- Romero Renau L. del. (ed.) 2015. *Conflicts in the City: Reflections on Urban Unrest*. New York: Nova Science Publishers.
- Shea C. S., Jiang Y., Leung W. L. 2022. David vs. Goliath: Transnational Grassroots Outreach and Empirical Evidence from the #HongKongProtests Twitter Network. *Review of Communication*. 22 (3): 193–212.
- Torre A. et al. 2014. Identifying and Measuring Land-Use and Proximity Conflicts: Methods and Identification. *SpringerPlus*. 3 (1): 85. Available at: <https://doi.org/10.1186/2193-1801-3-85> (accessed 7 May 2026).

BEYOND BORDERS

Irina Skalaban, Timofey Alekseev, Zoya Otto

Spaces and Infrastructure of Urban Conflictuality: A Case Study of Novosibirsk

SKALABAN, Irina — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Social Work and Social Anthropology, Academic Supervisor of the Laboratory for Urban Studies, Institute of Social Technologies, Novosibirsk State Technical University. Address: 20 K. Marx Ave., 630073, Novosibirsk, Russian Federation.

Email: skalaban@corp.nstu.ru

ALEKSEEV, Timofey — Senior Lecturer, Department of General Sociology, Novosibirsk State University. Address: 1 Pirogova str., 630090, Novosibirsk, Russian Federation. Research Fellow, Laboratory for Urban Studies, Institute of Social Technologies, Novosibirsk State Technical University. Address: 20 K. Marx Ave., 630073, Novosibirsk, Russian Federation.

Email: veretur@gmail.com

OTTO, Zoya — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Social Mass Communications, Research Fellow, Laboratory for Urban Studies, Institute of Social Technologies, Novosibirsk State Technical University. Address: 20 K. Marx Ave., 630073, Novosibirsk, Russian Federation.

Email: z.sergeeva@corp.nstu.ru

Abstract

The article examines urban conflict using the Novosibirsk agglomeration as a case study for 2022 to 2024. The observed multiplicity of actors and issues, together with the persistence and interconnectedness of some urban conflicts in recent years, indicate not only a rise in complexity but also a change in the nature of urban conflict and a greater impact on social and economic spaces, infrastructure, and the investment attractiveness of territories. The study aims to identify mechanisms that sustain conflictuality by analyzing the interconnectedness of conflicting agendas and actors. The theoretical foundations are M. Löw's relational theory of space and N. Fligstein's and D. McAdam's theory of strategic action fields. The empirical basis comprises data from the Geo-Information Database of Conflicts of the Novosibirsk Agglomeration ($N = 774$ conflicts), supplemented by a content analysis of 3,070 mentions of conflicts on social media. Two-step cluster analysis and content analysis were used as methods. The results show that the thematic spaces of urban conflict are currently structured around two cores: hierarchical conflicts related to development projects, construction, and land use; and horizontal, everyday conflicts focused on security, accessibility, and the protection of values. Infrastructures of conflict—including skilled actors, stable networked conflict communities, and the media channels that serve them—play a significant role in sustaining and scaling conflicts, and in maintaining conflictuality both within individual strategic action fields and in the city's public space as a whole. The findings are relevant to urban studies, the management of urban conflicts, and the development of mechanisms for reconciling interests in the urban environment.

Keywords: urban conflictuality; conflict agendas; complex urban conflict; conflict infrastructure; spatial analysis; network mobilization; conflict management.

Acknowledgements

The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01352.

References

- Baran Z., Pfetsch B. (2026) Containing or Acting on Conflict through Space: A Heuristic of Conflict — Space Interplay. *Spatial Conflicts and Conflictual Spaces: The Dynamics of Refiguration* (eds. H. Knoblauch, V. Sommer, B. Pfetsch), Abingdon, UK: Routledge, pp. 25–40.
- Baran Z., Stoltenberg D. (2024) Dynamics of Scale Shift: Contentious Places and Hybrid Activism on Social Media. *New Media & Society*, vol. 27, no 9, pp. 5088–5109.
- Bederson V., Shevcova I. (2021) Zastroyshhiki, partiya vlasti i nemnogo konkurentsii v rossiyskikh millionnikakh: tipologiya gorodskikh rezhimov v 2010-e gg. [Developers, the Party of Power and a Bit of Competition in Russian's Million-Plus Cities: A Typology of Urban Regimes in the 2010s]. *The Journal of Social Policy Studies = Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*, vol. 19, no 2, pp. 285–300. Available at: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-285-300> (accessed 11 May 2026) (in Russian).
- Belousov A. B., Davydov D. A. (2021) Ot prava na gorod k pravu na prostranstvo. Dinamika munitsipal'nykh konfliktov na primere Sverdlovskoy oblasti [From the right to the city to the right to space. The dynamics of municipal conflicts in the Sverdlovsk region]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskies i Sotsial'nye Peremeny*, no 6, pp. 362–385. Available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2052> (accessed 7 May 2026) (in Russian).
- Bourdieu P. (2007) *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva* [Sociology of Social Space], Moscow: Institut Eksperimentalnoy Sotsiologii; St. Petersburg: Aletheia (in Russian).
- Chojnacki S., Engels B. (2016) Overcoming the Material/Social Divide: Conflict Studies from the Perspective of Spatial Theory. *Spatializing Peace and Conflict. Rethinking Peace and Conflict Studies* (eds. A. Björkdahl, S. Buckley-Zistel S.), London: Palgrave Macmillan, pp. 25–40.
- Dahlberg-Grundberg M., Örestig J. (2017) Extending the Local: Activist Types and Forms of Social Media Use in the Case of an Anti-Mining Struggle. *Social Movement Studies*, vol. 16, no 3, pp. 309–322.
- Dmitrieva N. V., Antilogoza L. N., Titanenko T. A. (2020). Nevroz i konfliktnost lichnosti [Neurosis and Personal Proneness to Conflict]. *Psychopedagogy in Law Enforcement = Psihopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*, vol. 25, no 2 (81), pp. 150–154. doi: 10.24411/1999-6241-2020-12004 (in Russian).
- Fligstein N., MacAdam D. (2022) *Teoriya poley* [A Theory of Fields], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Gladarev B. (2011) Istoriko-kulturnoe nasledie Peterburga: rozhdenie obshchestvennosti iz dukha goroda [The Historical and Cultural Heritage of St. Petersburg: The Birth of the Public from the Spirit of the City]. *Ot obshchestvennogo k publicnomu* (ed. O. V. Harhordin), St. Petersburg: EUSP Press, pp. 70–304 (in Russian).
- Gryaznova E. V., Afanas'ev S. V. (2018) K voprosu o roli globalnogo upravleniya v usloviyakh rosta sotsialnoy konfliktnosti [On the Role of Global Governance in the Context of Growing Social Conflict]. *Conflict Studies / Nota Bene = Konfliktologiya / Nota Bene*, no 4, pp. 26–31. Available at: <https://doi.org/10.7256/2454-0617.2018.4.28229> (accessed 7 May 2026). doi: 10.7256/2454-0617.2018.4.28229 (in Russian).

- Gualini E., Mourato J. M., Allegra M. (eds). (2015) *Conflict in the City: Contested Urban Spaces and Local Democracy*, Berlin: Jovis.
- Habermas J. (2023). *Novaya strukturnaya transphormatsiya publichnoy sphony i deliberativnaya politika* [Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik], Moscow: NLO Books (in Russian).
- Haperen S. van, Uitermark J., Nicholls W. (2023) The Swarm versus the Grassroots: Places and Networks of Supporters and Opponents of Black Lives Matter on Twitter. *Social Movement Studies*, vol. 22, no 2, pp. 171–189.
- Jackson S. J., Bailey M., Welles B. F. (2020) *#Hashtagactivism: Networks of Race and Gender Justice*, Cambridge, MA: MIT Press.
- Kasparov A. R., Plotnikov V. V., Setov R. Yu. (2018) Konfliktnost kak predmet issledovaniya v sovremennykh sotsiologicheskikh teoriyakh [Conflictness as an Object of Research in Contemporary Sociological theories]. *The Bulletin of the Adyge State University, the series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology = Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filozofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*, no 4, pp. 151–158 (in Russian).
- Kilani B. H., Dhaher N. (2024) Conflicts and Tensions in Urban Public Spaces: The Impact of Event Management. *HAL*. Preprint. Available at: <https://hal.science/hal-04763142v1/document> (accessed 7 May 2026).
- Kolba A. I., Orfanidi E. V. (2023) Institutsionalizatsiya gorodskikh soobshchestv krupnykh regionalnykh tsentrov RF v sisteme politicheskogo upravleniya konfliktami: predely vozmozhnostey [The Institutionalization of Urban Communities of Major Regional Centers of the Russian Federation in the System of Political Conflict Management: Limits of Possibilities]. *RUDN Journal of Political Science = Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, vol. 25, no 3, pp. 601–613. Available at: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-601-613> (accessed 7 May 2026) (in Russian).
- Konchekov S. M. (2018) Model struktury gradostroitelnykh konfliktov [Model of the structure of urban planning conflicts]. *Architecture and Modern Information Technologies = Arhitektura i sovremennye informacionnye tehnologii*, no 3 (44), pp. 244–261. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2018/3kvart18/14_konchekov/index.php (accessed 7 May 2026) (in Russian).
- Knoblauch H., Sommer V., Pfetsch B. (eds) (2026) *Spatial Conflicts and Conflictual Spaces: The Dynamics of Refiguration*. Abingdon, UK: Routledge.
- Kühne O., Bellini A. (2019) Landscape Conflicts and the Making of Contemporary European Societies: A Dialogue with Olaf Kühne. *Cambio Rivista Sulle Trasformazioni Sociali*, vol. 9, no 18, pp. 113–120. Available at: <https://doi.org/10.13128/cambio-8424> (accessed 7 May 2026). doi: 10.13128/cambio-8424
- Larichev A. A., Soldatova L. V., Tabolin V. V. (2023) Lokalnye soobshchestva kak sredstvo razresheniya gorodskikh konfliktov [Local Communities as a Tool for Urban Conflict Resolution]. *RUDN Journal of Law = Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki*, vol. 27, no 4, pp. 902–918. Available at: <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-902-918> (accessed 7 May 2026) (in Russian).
- Leonardi L. (2023) Social Conflicts and Citizenship in the Context of Societal Complexity. *Società Mutamento Politica*, vol. 14, no 28, pp. 33–39.

- Löw M. (2016) *The Sociology of Space: Materiality, Social Structures, and Action*, London: Palgrave Macmillan.
- Mazeaud A., Nonjon M. (2019) The Participatory Turn in Local Policies: A Product of the Market. *Governance*, vol. 33, no 2, pp. 407–424.
- Nagaytsev V. V. (2015) Konfliktnost naseleniya v regione [Conflict Potential of the Population in the Region]. *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo* [Sociology in the Modern World: Science, Education, and Creativity] (ed. E. A. Popov), iss. 7, Barnaul: Publishing House of Altai State University, pp. 117–121 (in Russian).
- Nikovskaya L. I. (2020) Sotsialnye osnovaniya politicheskoy konfliktnosti [Social Foundations of Political Conflict]. *The Kazan SociallyHumanitarian Bulletin = Kazanskiy sotsial'no-gumanitarnyy vestnik*, vol. 5, pp. 31–42. doi: [10.24153/2079-5912-2020-11-5-31-42](https://doi.org/10.24153/2079-5912-2020-11-5-31-42) (in Russian).
- Olson M. (1995) *Logika kollektivnykh deystviy: obshchestvennye blaga i teoriya grupp* [The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups], Moscow: Economic Initiative Foundation (in Russian).
- Romero Renau L. del (ed.) (2015) *Conflicts in the City: Reflections on Urban Unrest*, New York: Nova Science Publishers.
- Semenov A. (2024) Protsessualnost gorodskikh konfliktov: analiz posledovatel'nostey osparivaniya proektov transformativnoy gorodskoy prostranstva v Rossii [The Processuality of Urban Conflicts: A sequence Analysis of Contesting Urban Transformation Projects in Russia]. *Russian Sociological Review = Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 23, no 2, pp. 120–146. doi: [10.17323/1728-192x-2024-2-](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-) (in Russian).
- Sergeeva Z. N. (2024) Rezonans slozhnogo gorodskogo etnicheskogo markirovannogo konfliktov v sotsialnykh media [Resonance of a complex urban ethnically marked conflict in social media]. *Research result. Sociology and Management = Nauchnyy rezultat. Sotsiologiya i upravlenie*, vol. 10, no 2, pp. 21–34. Available at: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-2-0-3> (accessed 11 May 2026) (in Russian).
- Shea C. S., Jiang Y., Leung W. L. (2022) David vs. Goliath: Transnational Grassroots Outreach and Empirical Evidence from the #HongKongProtests Twitter Network. *Review of Communication*, vol. 22, no 3, pp. 193–212.
- Skalaban I. A. (ed.) (2023a) *Gorodskie prostranstva i soobshchestva v rakurse izmeneniy i konfliktov: monografiya* [Urban Spaces and Communities in the Perspective of Change and Conflict: Monograph], Novosibirsk: NSTU Press (in Russian).
- Skalaban I. A. (2023b) Kartirovanie i bazy dannykh kak instrumenty agregatsii i analiza informatsii o gorodskikh konfliktakh i konfliktnykh soobshchestvakh Novosibirskoy gorodskoy aglomeratsii [Mapping and Databases as Tools for Aggregating and Analyzing Information about Urban Conflicts and Conflict Communities in the Novosibirsk Urban Agglomeration]. *Gorodskie prostranstva i soobshchestva v rakurse izmeneniy i konfliktov* [Urban Spaces and Communities in the Perspective of Change and Conflict: Monograph] (ed. I. A. Skalaban) Novosibirsk: NSTU Press, pp. 290–296 (in Russian).
- Skalaban I. A., Lobanov Yu. S. (2025) Slozhnyy gorodskoy konflikt: kontseptualnye osnovaniya analiza i empiricheskoe opisanie [Complex Urban Conflict: Conceptual Foundations and Modern Practices]. *Russian*

Sociological Review = Sotsiologicheskoe obozrenie, vol. 24, no 1, pp. 242–268. Available at: <https://sociologica.hse.ru/article/view/33337> (accessed 11 May 2026). doi.org/10.17323/1728-192x-2025-1-242-268 (in Russian).

Skalaban I. A., Sergeeva Z. N., Lobanov Yu. S. (2022) Zashchishchayushchiesya. Oboronitelnye funktsii soobshchestv v gorodskikh konfliktakh (na materialakh g. Novosibirsk) [The Defendants. The Defensive Functions of Communities in Urban Conflict (Based on a Case Study in Novosibirsk)]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 31, no 4, pp. 33–56. Available at: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56> (accessed 11 May 2026) (in Russian).

Sokolov A. V., Abramovskiy I. S. (2022) Gorodskie konflikti: strategii borby aktorov konflikta [Urban Conflict Actors and Their Strategies]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences = Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, vol. 7, no 1, pp. 20–28. Available at: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-1-20-28> (accessed 11 May 2026) (in Russian).

Torre A., Melot R., Magsi H., Bossuet L., Cadoret A., Caron A., Darly S., Jeanneaux P., Kirat T., Pham H. V., Kolokouris O. (2014) Identifying and Measuring Land-Use and Proximity Conflicts: Methods and Identification. *SpringerPlus*, vol. 3, no 1, art. 85. Available at: <https://doi.org/10.1186/2193-1801-3-85> (accessed 7 May 2026).

Tykavova E. V. (ed.). (2021) *Goroda raskhodyashchikhsya ulits: traektorii razvitiya gorodskikh konfliktov v Rossii: monografiya* [Cities of Diverging Streets: Trajectories of Urban Conflict Development in Russia: Monograph], St. Petersburg: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS) (in Russian).

Zhel'nina A. A. (2021) Inventarizatsiya gorodskogo prostranstva i emotsionalnyy menedzhment gorodskikh initsiativ [Inventory of Urban Space and Emotional Management of Urban Initiatives]. *Seti goroda: Lyudi. Tekhnologii. Vlasti* (eds. E. Lapina-Kratasyuk, O. Zaporozhec, A. Voz'yanov), Moscow: NLO Books, pp. 220–241 (in Russian).

Zhel'nina A. A., Semenov A. V., Tykavova E. V. (2022) Metodologiya izucheniya gorodskikh konfliktov: urovni masshtabirovaniya [The Methodology for Studying Urban Conflicts: Levels of Scaling]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny*, no 5, pp. 49–71. Available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2214> (accessed 6 May 2026) (in Russian).

Zhel'nina A. A., Tykavova E. V. (2019) Phormalnye i nephormalnye grazhdanskie inphrastruktury: sovremennye issledovaniya gorodskogo lokalnogo aktivizma v Rossii [Formal and Informal Civic Infrastructures: Contemporary Studies of Urban Local Activism in Russia]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology = Zhurnal Sotsiologii i Sotsial'noy Antropologii*, vol. 22, no 1, pp. 162–192. Available at: <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8> (accessed 6 May 2026) (in Russian).

Received: September 24, 2025

Citation: Skalaban I., Alekseev T., Otto Z. (2026) Prostranstva i inphrastruktura gorodskoy konfliktnosti: na materialakh g. Novosibirsk [Spaces and Infrastructure of Urban Conflictuality: A Case Study of Novosibirsk]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya stsiologiya*, vol. 27, no 3, pp. 23–53. doi: 10.17323/1726-3247-2026-3-23-53 (in Russian).

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

Д. Б. Литвинцев

Многоаспектность жилищной прекарности: концептуальные подходы и институциональные ракурсы

ЛИТВИНЦЕВ Денис Борисович — кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента Новосибирского государственного технического университета. Адрес: 630073, Россия, г. Новосибирск, проспект Карла Маркса, д. 20.

Email: denlitv@inbox.ru

Жилищная прекарность — это состояние нестабильности и уязвимости в жилищной сфере, которое может обнаруживаться в самых разных формах и затрагивать людей вне зависимости от уровня дохода или социального статуса. Она включает ситуации, в которых жильё не является безопасным, качественным и доступным в долгосрочной перспективе, что необходимо для полноценной жизни. Статья посвящена анализу жилищной прекарности как многомерного социально-экономического феномена, влияющего на различные аспекты жизни населения. Прекарность жилья рассматривается в контексте международных исследований с акцентом на то, что нестабильность условий проживания выходит далеко за рамки просто жилищной обеспеченности и охватывает широкий спектр проблем, таких как правовая уязвимость, угроза выселения, перенаселённость, низкое качество жилья, ограниченный доступ к инфраструктуре и социальным услугам. В статье обсуждаются различные классификации и концепции («прекарная собственность», «рекурсивная прекарность», «скрытая бездомность» и др.), формы и измерения жилищной прекарности (время, пространство и т. п.). Показано, что прекарности в разных сферах — жилищной, трудовой, правовой — могут пересекаться, взаимно усиливая и закрепляя друг друга. Отражена роль практик совместного проживания и «домашней культуры прекарности» в трансформации повседневности миллениалов. Отдельное внимание уделено социально-демографическим группам, наиболее уязвимым к жилищной прекарности, и жилищным стратегиям, применяемым для смягчения её последствий. Сделан вывод, что для обеспечения жилищной безопасности и снижения уровня социальной уязвимости необходим комплексный подход, сочетающий меры жилищной, социальной и экономической политики.

Ключевые слова: жилищная социология; жилищная прекарность; прекарное жильё; прекарная собственность; пересечение прекарностей; скрытая бездомность.

Введение

В последние десятилетия тема жилищной прекарности вышла далеко за рамки узкопрофессиональных исследований и стала важным элементом общественных и политических дискуссий. Усложнение доступа к адекватному жилью, нестабильность условий проживания и рост социального неравенства по всему миру сделали проблему не только экономической, но и социальной, культурной, а также правовой. Понимание жилищной прекар-

ности требует междисциплинарного подхода, учитывающего как структурные экономические изменения, так и субъективный опыт людей.

Жильё всё чаще рассматривается не только как место проживания, но и как ключевой элемент накопления капитала в современном обществе. Домохозяйства становятся активными участниками этих процессов, приспособлявая жизненные стратегии и межпоколенческие отношения к логике роста стоимости недвижимости. Однако доступ к таким стратегиям распределён неравномерно: для одних жильё становится источником финансовой стабильности и социального статуса, для других — зоной нарастающей уязвимости. Различия в возможностях владения и использования жилья усиливают имущественное неравенство, закрепляют социальную стратификацию и формируют разные формы жилищной прекарности, которая проявляется как в трудностях приобретения собственного жилья, так и в рисках его утраты, а также в зависимости благосостояния семьи от колебаний на рынке недвижимости [Ronald, Arundel 2022].

Жилищная прекарность обычно определяется как ситуация, при которой люди проживают в неподходящем, небезопасном, недоступном по цене или нестабильном — временном, аварийном и т. п. — жильё либо вообще не имеют его, находясь на улице или в приютах. Признание права на жильё в странах Евросоюза не гарантировало реализацию этого права: жилищная прекарность остаётся широко распространённой, особенно среди уязвимых групп населения. Несмотря на улучшение качества жилья в ряде стран, его доступность для малообеспеченных граждан ухудшается, а риски особенно высоки для арендаторов, молодёжи, безработных, одиноких и мигрантов. Финансализация рынка жилья и сокращение государственной поддержки усиливают прекарнизацию, способствуют росту неформальных поселений и бездомности. Доступ отдельных социальных групп к адекватному жилью может быть существенно ограничен и зависит от правового статуса, усугубляясь дискриминацией и неформальностью проживания. В условиях неэффективной жилищной политики обеспечение права на жильё всё чаще ложится на гражданское общество и местные инициативы [Münch, Siede 2022].

Жилищная прекарность также выражается в растущей незащищённости и нестабильности дома на фоне социальных и правовых изменений в разных странах. Она формируется под влиянием классовых, расовых и гендерных неравенств и охватывает множество аспектов жилища как дома — от субъективного восприятия и повседневного опыта до правового статуса. В современном обществе, по мнению исследователей, зачастую доминирует институциональная логика мобильности капитала, где интересы кредиторов фактически девальвируют юридический статус дома как частного пространства. В условиях глобальной прекарнизации жилище лишается своей традиционной защитной функции: из «крепости» оно превращается в волатильный актив, обременённый правовыми рисками и институциональной уязвимостью [Carr, Edgeworth, Hunter 2018].

Настоящая статья представляет собой обзор зарубежных, зачастую комплиментарных подходов к осмыслению жилищной прекарности как сложного социального явления. Отбор литературы осуществлялся по принципу тематического соответствия и соответствия релевантным ключевым словам. Информационную базу составили преимущественно научные статьи в ведущих профильных журналах и монографии (2013–2026 гг.), входящие в международные базы данных и системы цитирования. Отбранные работы обеспечивают широкий географический охват, включая кейсы из Европы, Северной Америки, Азии, Австралии и Новой Зеландии. В обзор не включены результаты измерений жилищной прекарности в разных странах (включая Россию), исследовательские отчёты и онлайн-публикации, посвящённые исключительно количественным оценкам¹.

Актуальность такой систематизации продиктована необходимостью восполнения лакуны в отечественном дискурсе, где данная проблема зачастую рассматривается фрагментарно. Логика исследования построена

¹ Их подробный анализ представлен в публикациях автора за 2024–2025 гг.; см., например: [Litvintsev 2025].

на последовательном переходе от макроструктурных факторов к микроуровню повседневности, жилищным практикам и далее к комплексным оценкам феномена. В первом разделе статьи анализируется архитектура «двойной прекарности», раскрывающая механизмы перехода от нестабильной занятости к уязвимости жилищного положения. Второй раздел посвящён практикам проживания, формирующим специфическую «домашнюю культуру прекарности» как ответ субъекта на нестабильность среды. Далее рассматривается континуум жилищных состояний — от рисков владения до скрытой бездомности. В завершение фокус смещается на внутреннюю многомерность и институциональную множественность феномена.

Архитектура двойной прекарности: от нестабильной занятости к прекарности места

В современной литературе жилищная прекарность зачастую концептуализируется не как изолированное явление, а как интегральная часть «двусторонней прекарности» (*double-edged precarity*), возникающей на пересечении нестабильности рынков труда и жилья. Теоретическая рамка этого феномена базируется на понятии «пересборка прекарности» (*reassembling precarity*). Трудовая уязвимость (нетипичная занятость, отсутствие социальных гарантий) и жилищная неустойчивость (высокая стоимость аренды, отсутствие прав собственности) образуют единый механизм воспроизводства социальной незащищённости [González-Domingo, Russo, Gosálbez 2023]. В данной трактовке жилищная прекарность — это не просто результат низких доходов, но и системное следствие того, как устроено общество. Любые экономические потрясения мгновенно лишают индивидов возможности поддерживать стабильность жилищных условий.

Развитие идеи «двойной прекарности» (*double precarity*) в работе Р. Бентли, Э. Бейкер и З. Эйткен позволяет глубже интерпретировать механизм взаимоусиления рисков. Нестабильная занятость выступает предиктором возникновения трудностей, связанных с решением жилищного вопроса. При этом само жилище выступает в качестве медиатора: психологическое состояние индивидов в условиях прекарности труда во многом опосредовано именно жилищными рисками. В результате двойная прекарность формирует замкнутый цикл уязвимости, где конъюнктура рынка труда конвертируется в угрозу потери жилья [Bentley, Baker, Aitken 2019]. Это радикально снижает адаптационный потенциал домохозяйств и пролонгирует социальную исключённость.

Структурная обусловленность двойной прекарности проявляется в том, что право на проживание может быть институционально привязано к трудовому статусу работника. По мнению Л. Байургиль, жильё и работа образуют неразрывную связку (*inextricably linked*): дестабилизация в сфере занятости автоматически инициирует жилищный кризис. Однако анализ прекарности требует выхода за рамки социологии труда и учёта процессов урбанизации. В условиях активной трансформации городов жилищная прекарность превращается в механизм структурного вытеснения. При этом институциональная перестройка городского пространства имеет двойственный характер: она ликвидирует, с одной стороны, привычные рабочие места, а с другой — функционально связанное с ними жильё [Bayurgil 2022]. В результате индивиды, лишаясь базовых условий жизнеобеспечения, оказываются полностью исключены из жилищной системы.

Анализ концепции двойной прекарности в работе М. Феррери, Г. Доусон и А. Васудевана позволяет обнаружить её гибридные формы, в которых границы между трудом и проживанием оказываются окончательно стёрты. Ярким примером такой институциональной конвергенции служит «проживание на правах сторожа» (*property guardianship*). В условиях правовой неопределённости формируется так называемая прекарная субъектность (*precarious subjectivity*): выполнение трудовых обязанностей по охране недвижимости выдаётся за преимущество в жилищной сфере. Подобная практика фактически нормализует «гибкое проживание» (*flexible living*), когда жилищная нестабильность обуславливает включённость в городскую экономику [Ferreri, Dawson, Vasudevan 2017]. В этом смысле прекарность — это не просто дефицит жилья, а дисциплинарный механизм, навязывающий индивиду готовность к внезапным переездам и социальной незащищённости в обмен на право быть «гибким».

Особое значение имеет разрыв между правовым статусом индивида и его фактической защищённостью в жилищной сфере. Наличие законных оснований для пребывания в стране вовсе не гарантирует качества жилья. Это позволяет говорить о пролонгированной жилищной прекарности (*prolonged housing precarity*), становящейся скорее нормой, чем временным исключением. В данной оптике структурные барьеры — от дискриминации при найме до хронической нехватки средств — оказываются значимее государственных гарантий, что вынуждает индивидов вне зависимости от легальности своего положения вырабатывать специфические стратегии выживания (*coping strategies*). Вынужденное сожительство и неформальные посредники на рынке жилья закрепляют состояние прекарности, из-за чего она становится неотъемлемой характеристикой всего жизненного пути [Dotsey, Ambrosini 2023].

С. Банки фактически ставит точку в дискуссии о взаимосвязи трудовой и жилищной прекарности. Введённая ею категория «прекарность места» (*precarity of place*) расширяет границы привычного анализа. Если ранние исследователи прекарности фокусировались преимущественно на нестабильной занятости, то Банки переносит фокус на физическую незащищённость места проживания (риски выселения, утраты жилья и т. п.) [Banki 2013]. Жилищная прекарность в такой оптике не просто сопровождает нестабильность на рынке труда, а является отдельным измерением социальной исключённости. Она порождает специфическую пространственную сегрегацию, которая, при всей связи с рынком труда, воспроизводится по собственным законам.

Таким образом, концепция двойной прекарности доказывает, что нестабильность на рынке труда и жилищная уязвимость образуют неразрывную связку. В этой логике прекарность выступает не просто как дефицит ресурсов, а как системный механизм социальной изоляции, принуждающий индивида к постоянной «гибкости» в обмен на право на адекватное жилище (см. табл. 1).

Таблица 1

Взаимосвязь трудовой и жилищной прекарности*

Источник	Теоретический концепт	География и объект	Ключевые факторы и механизмы
González-Domingo, Russo, Gosálbez 2023	Двусторонняя прекарность, пересборка прекарности	Испания: работники сферы услуг в период пандемии	Институциональный дизайн, взаимное усиление прекарности труда и жилья
Bentley, Baker, Aitken 2019	Двойная прекарность	Австралия: национальная выборка	Жилище как медиатор: влияние трудовой нестабильности на психическое здоровье объясняется ростом жилищных расходов и стрессом из-за невозможности их покрывать
Bayurgil 2022	Неразрывная связка труда и жилья	Турция: обслуживающий персонал жилых домов	Институциональная «сцепка» трудового контракта и права на проживание в условиях джентрификации (бездомность при увольнении)
Ferreri, Dawson, Vasudevan 2017	Прекарная субъектность	Великобритания: охранники недвижимости	Институциональная гибридизация труда и жилья; нормализация «гибкого проживания» как дисциплинарный механизм, требующий мобильности
Dotsey, Ambrosini 2023	Пролонгированная жилищная прекарность	Италия: мигранты из стран Африки	Разрыв между формальным правовым статусом и реальной защищённостью, что порождает разные стратегии выживания
Banki 2013	Прекарность места	Таиланд: мигранты из Бирмы	Пространственная уязвимость (риск выселения и (или) депортации) как доминанта повседневности

* Источники и соответствующие им концепты приводятся в порядке упоминания в тексте раздела.

Практики precarious проживания и «домашняя культура precariousности»

К. Оуэнс и Ч. Грин подчёркивают, что жилищная precariousность в современных условиях выступает не только как материальная нестабильность, но и как специфическое морально-психологическое состояние, пронизанное фоновой тревожностью и неопределённостью жизненных перспектив. Вынужденное сожительство и совместная аренда становятся пространством постоянного эмоционального напряжения, которое выливается в тройную ответственность: тревога за (1) собственную стабильность, (2) положение сожителей и за то, как (3) личные жилищные обстоятельства влияют на окружающих. В этой оптике precariousность включает множественные формы уязвимости, где дефицит приватности и контроля над пространством усиливается рисками трудовой нестабильности [Owens, Green 2020]. Подобные стратегии проживания несут в себе глубокую внутреннюю противоречивость. Если на одном полюсе обнаруживается риск маргинализации субъекта, то на другом — потенциал для вызревания микросолидарности. В этом контексте коллективный быт перестаёт быть просто условием выживания, трансформируясь в ресурс для сопротивления сложившейся системе.

По мысли Р. Уолдрона, жилищная precariousность способствует трансформации субъекта из пассивной жертвы (*passive victim*) в активного агента, вырабатывающего специфические стратегии выживания, которые включают сокращение расходов на удовлетворение базовых потребностей, вынужденную смену профессиональной деятельности и постоянный поиск альтернативных, зачастую компромиссных, жилищных решений. Но такая адаптивность имеет и негативный эффект: временное смягчение материальных трудностей сопровождается психологическим стрессом и разрушением социальных связей [Waldron 2024]. Подобная повседневность оказывается внутренне противоречивой. Даже при формальном включении в городское пространство устойчивость не возникает автоматически; напротив, сохраняется состояние жилищной неуверенности, нередко сопряжённое с социальной изоляцией.

Минимизация роли государства в жилищном секторе приводит к тому, что обязанность по созданию хотя бы видимости безопасности во многом перекалывается на самого человека. Р. Дейви, анализируя практики домоустройства (*home-making*), обращает внимание на неоднозначные реакции на угрозу выселения, такие как попытки обжить временное и изначально чужое пространство, формы «иммерсивного эскапизма» и др. Подобные стратегии поддержания повседневного оптимизма выполняют не только компенсаторную функцию. Они связаны с удержанием представлений о «нормальном» доме даже в условиях его постепенной утраты [Davey 2020]. При этом институциональное давление сохраняется, а от арендатора по-прежнему ожидается демонстрация потребительской состоятельности. В таких условиях precariousность начинает влиять не только на доступ к жилью, но и на способы саморегуляции и повседневного поведения.

А. Бобек, С. Пемброк и Дж. Уикхем показывают, что привычные жилищные траектории (*housing career*) утрачивают прежнюю линейность и всё чаще складываются из разрозненных эпизодов. Современные рыночные барьеры затрудняют приобретение жилья в собственность и стимулируют совместное проживание или вообще возврат в родительский дом. Это, с одной стороны, препятствует исключительно вертикальной жилищной мобильности, а с другой — провоцирует нисходящее движение по «жилищной лестнице» для ранее устойчивых групп населения [Bobek, Pembroke, Wickham 2021]. Precariousность в данном случае рассматривается не как временное ухудшение жилищных условий, а как латентная характеристика всего жизненного пути человека.

Совместное проживание, или коливинг (*coliving*), концепт которого представлен в работе Т. Берган и её соавторов, является прямым рыночным ответом на запросы мобильных групп населения. Формируя домашнюю культуру precariousности (*home culture of precarity*), коливинг трансформирует привычные представления о границах приватности и организации повседневной жизни. Потребность в устойчи-

ности сменяется логикой гибкости, а жильё начинает выполнять функцию транзитного проживания [Bergan, Gorman-Murray, Power 2021]. Тем не менее такое смещение акцентов усиливает противоречие между возможностями пространственной мобильности и ограничениями, связанными со сложностями социальной интеграции.

В пожилом возрасте жилищная прекарность проявляется наиболее остро. Неадекватные жилищные условия и краткосрочность договоров аренды фактически подавляют чувство дома (*sense of home*) и более глубокое чувство места (*sense of place*). Здесь, по мнению Л. Бейтс и её соавторов, социальной уязвимости противостоит психологическая резильентность. Способность адаптироваться к стрессу помогает преодолевать тяжёлые жизненные ситуации, а привязанность к соседям и привычному окружению способствует сглаживанию последствий экономической нестабильности [Bates et al. 2019]. В результате залогом благополучного старения в условиях прекарного жилья становятся социальные связи, позволяющие чувствовать себя как дома (в терминах феноменологии А. Шюца).

Вместе с тем результаты исследования Э. Пауэр демонстрируют, что жилищная прекарность сама по себе препятствует способности к заботе (*caring capacity*) о себе и окружающих [Power 2019]. Феминистский подход Пауэр в сочетании с теорией ассамбляжей, развиваемой М. Деландом, предлагает рассматривать дом как жилищный ассамбляж (*housing assemblage*), то есть как динамическое сочетание инфраструктуры, пространства и социальных связей. Это подчёркивает, что прекарность разрушает дом как активного участника процесса заботы не только физически, но и культурно-символически [Power 2019]. Соответственно, жилище в условиях прекарности не всегда является безопасным местом для проживания и может ограничивать удовлетворение базовых этических потребностей человека.

Не случайно С. Баррера раскрывает исторический контекст прекаризации жилья, показывая, что нестабильные жилищные условия могут закрепляться во времени и определять дальнейшую жизнь целых сообществ. Жизнь в домах на колёсах, бараках и (или) постройках без базовых удобств изначально рассматривалась как временный этап, но со временем приобрела устойчивый характер. В результате жилищная прекарность вошла в привычку и в качестве нормы встроилась в социальную структуру [Barrera 2023]. Ограниченная материально-техническая среда не просто символизирует бедность, но и выступает инструментом контроля, связывающим нестабильный социальный статус с его трудовой ролью. Ограниченность инфраструктуры и бытовых условий препятствует долгосрочному планированию и делает социальную исключённость хронической.

Соответственно, как подчёркивает К. Гриноп, жилищная прекарность снижает общее качество жизни. Жизненный путь становится менее предсказуемым и начинает напоминать настольную игру «Snakes and Ladders» («Змеи и лестницы»). Восходящая мобильность в любой момент может смениться ухудшением жилищных условий или утратой жилья. Гриноп подчёркивает, что жильё — это фундамент для реализации прав человека, поэтому его нестабильность обесценивает успехи во всех сферах жизни, способствуя усилению социальной уязвимости, накоплению рисков и ограничению доступа к базовым ресурсам и услугам [Greenop 2017]. В результате жилищная прекарность представляется связанной с другими механизмами и процессами социальной дифференциации.

При этом М. Шайер и его соавторы подчёркивают, что спектр прекарного жилья достаточно широк — от бездомности и проживания в приютах до вынужденного совместного проживания с родственниками или знакомыми. В то же время стабильные формы жилья, то есть жильё, находящееся в собственности или долгосрочной аренде, не всегда являются гарантией социальной защищённости. Это связано не только с нестабильной ситуацией на рынке труда, но и с рисками социальной изоляции. В этом случае именно семейное положение и брак — важнейший ресурс для преодоления рисков [Shier et al. 2016].

Таким образом, жилищная прекарность должна рассматриваться не просто как материально-техническая, но и социально-психологическая характеристика условий проживания (см. табл. 2). Нестабильность укоренена в повседневных практиках, а дом всё чаще балансирует между рисками социальной изоляции и поддержкой со стороны окружения. В этих условиях прекарность жилья — один из ключевых факторов, влияющих на жизненный путь индивида и качество жизни в целом.

Таблица 2

Факторы и проявления прекарных практик проживания*

Источник	Теоретический концепт	География и объект	Ключевые факторы и механизмы
Owens, Green 2020	Тройная ответственность	Великобритания: арендаторы в условиях совместного проживания	Дефицит приватности и фоновая тревожность; практики микросолидарности как способ нивелирования жилищной неустойчивости
Waldron 2024	Трансформация из «пассивной жертвы» в «активного агента»	Ирландия: городские арендаторы с высокой долговой и финансовой нагрузкой	Стратегии выживания: сокращение базовых расходов ради квартплаты; психологический стресс как цена адаптации
Davey 2020	Домашнее жизненное устройство как этический ответ	Великобритания: арендаторы частного сектора под угрозой выселения	Легитимное принуждение; производство «оптимизма» через обустройство быта и иммерсивные технологии
Bobek, Pembroke, Wickham 2021	Сбой «жилищной карьеры»	Ирландия: высококвалифицированные миллениалы	Рыночная нестабильность; ипотечный барьер; фрагментация биографии; вынужденный возврат в родительский дом
Bergan, Gorman-Murray, Power 2021	Домашняя культура прекарности	Австралия: «креативный класс» (молодые мобильные профессионалы)	Коммерциализация уязвимости (коливинги); интеграция жилья в неолиберальный рабочий процесс; легитимация временности как новой социальной нормы
Bates et al. 2019	Противостояние прекарности и резильентности; чувство места	Новая Зеландия: пожилые арендаторы	Дестабилизация «чувства дома» под рыночным давлением; угроза разрыва социальных связей; локальная привязанность как основа психологической резильентности
Power 2019	Способность к заботе, жилищный ассамбляж	Австралия: одинокие пожилые женщины	Деструкция практик заботы; дом как источник уязвимости; социально-материальные барьеры, препятствующие солидарности
Barrera 2023	Архитектурные типологии прекарности	США: сельские рабочие-мигранты	Институционализация временности через архитектурные формы; пространственная маргинализация
Greenop 2017	Игровая метафора «Змеи и лестницы»	Австралия: молодёжь, пожилые женщины, мигранты	Скольжение к вторичной и третичной бездомности; инфраструктурный дефицит как механизм усугубления прекарности
Shier et al. 2016	Спектр жилищной стабильности	Канада: мигранты, обращающиеся за социальной поддержкой	Парадоксальное сочетание прекарности и резильентности; семья как ключевой ресурс устойчивости

* Источники и соответствующие им концепты приводятся в порядке упоминания в тексте раздела.

Континуум жилищной прекарности: от собственности к бездомности

Н. Бломли рассматривает жилищную прекарность через призму прекарной собственности (*precarious property*). В рамках этой концепции доступ к пространству, регулируемому правом, перестаёт быть гарантированным, становясь условным и глубоко иерархичным. Большинство людей получают жильё на земле, на которую другие обладают юридически закреплёнными, доминирующими правами, что создаёт системные отношения уязвимости и защищённости. Вместо бинарного деления на «владельцев» и «невладельцев», собственность рассматривается как реляционная технология, организующая доступ

к пространству в зависимости от правового статуса, формы договора и иных условий. Такая «территориализованная» собственность структурирует социальные взаимодействия между субъектами, ограничивает их альтернативы и формирует представления о самой собственности [Blomley 2020]. В этом контексте прекарность проявляется в разнообразных ситуациях — от аренды и ипотечного жилья до бездомности, пользования государственным жильём или отчуждения земли.

Условность доступа к пространству, заложенная в самой структуре прав собственности, находит отражение в концепции прекарного домовладения (*precarious home ownership*), которую предложили Г. Вуд, Дж. Смит, М. Чигдем и Р. Онг. Они рассматривают границу собственности как нестабильную и постоянно оспариваемую зону между формальным владением и фактической арендой. Статус домовладельца сам по себе не гарантирует иммунитета к системным рискам. Зачастую собственники оказываются в ситуации угрозы потери жилья из-за разрыва между долговыми обязательствами и волатильностью доходов, а также резких колебаний на рынке недвижимости. Прекарнизация жилья в этом случае раскрывается как динамичный, разнонаправленный процесс не только приобретения прав собственности, но и их оспаривания и утраты [Wood et al. 2017]. Такой подход предполагает отказ от традиционной дихотомии «собственник — арендатор» в пользу континуума, где разные жилищные ситуации обладают своей мерой и спецификой нестабильности.

В исследовании В. Чолич-Пейскер, Р. Онг и Г. Вуда жилищная прекарность приобретает особое значение именно в пожилом возрасте, трансформируясь из временной трудности в перманентную угрозу. Выделяются три ключевых сценария прекарнизации жилья для данной социальной группы: (1) сохранение долгов по ипотеке после завершения трудовой деятельности; (2) попадание в «арендную ловушку» на фоне резкого снижения доходов при выходе на пенсию; (3) проживание в государственном жилье, которое в современных условиях утрачивает статус бессрочного. Такие ситуации становятся критическими в рамках современной модели благосостояния через активы (*wealthfare*), где государственная пенсия намеренно поддерживается на низком уровне из расчёта на наличие у пенсионера собственного жилья без обременений [Colic-Peisker, Ong, Wood 2014]. Жилищная прекарность в этом случае является не только следствием накопленной бедности, но и триггером утраты онтологической безопасности, лишая человека в старости базового чувства социальной стабильности.

Функционирование этого континуума во многом определяется моральной экономикой долга (*moral economies of debt*), то есть системой норм и ценностных суждений, которые классифицируют субъектов на «заслуживающих» или «не заслуживающих» институциональной поддержки. В основе этого механизма лежат представления об индивидуальной ответственности и моральной «приемлемости» задолженности. Подобная нормативная рамка вынуждает индивидов приоритизировать выплату долгов любой ценой, чтобы соответствовать образу «достойного» заёмщика или получателя помощи. Институциональные агенты, в свою очередь, склонны исключать из программ поддержки тех, кто не вписывается в эти ожидания. В результате возникает замкнутый цикл: жилищная прекарность провоцирует рост избыточной задолженности, а долговое бремя, отягощённое моральным давлением, окончательно закрепляет субъекта в состоянии хронической жилищной нестабильности [Samec, Decker, Trlifajová 2024].

Системный характер этой нестабильности соотносится с анализом структурных изменений на рынках жилья, где прекарность формируется не столько индивидуальными обстоятельствами, сколько трансформацией самой архитектуры предложения. Деградация доступа к жилью, снижение его надёжности и безопасности затрагивают различные социальные группы, выходя за пределы традиционных зон риска. Подобные формы прекарности со стороны предложения (*supply-side precarity*) становятся прямым следствием отказа государства от предоставления социального жилья и рыночного регулирования. Ориентация на свободные жилищные отношения лишает индивидов институциональных

гарантий, усиливая уязвимость и неопределённость во всех сегментах жилищной системы [Finnerty, O'Connell 2017].

Радикальное проявление жилищной прекарности связано с феноменом, описанным как «домоубийство» (*domicide*), то есть преднамеренное разрушение материальных, социальных и символических основ дома. В рамках неолиберальных реформ жильё последовательно переопределяется: из базовой потребности и пространства укоренения оно превращается в финансовый актив, а право на него становится привилегией, зависящей от политической конъюнктуры. Инструментами этого процесса выступают дискриминационные налоговые режимы, ужесточение правил социального найма и криминализация альтернативных стратегий проживания [Nowicki 2023]. «Домоубийство» в этой оптике предстаёт не просто как физическая утрата жилплощади, а как форма институционального насилия, которое лишает субъекта возможности долгосрочного планирования и закрепляет его в состоянии перманентной социальной исключённости.

Инструментальное закрепление жилищной прекарности, по мнению К. Хёйсман, происходит через распространение временных арендных контрактов, что знаменует собой переход к «тихой прекарности» (*silent precarisation*) и легитимации жилищной неустойчивости как новой социальной нормы. Традиционные формы бессрочного найма постепенно вытесняются краткосрочными соглашениями, которые функционируют как механизм переноса рыночных рисков с государства и арендодателей на плечи арендаторов. Подобная трансформация жилищной сферы во многом дублирует процессы прекарности рынка труда: в обоих случаях ключевыми характеристиками становятся неустойчивость, непредсказуемость и возложение ответственности на менее защищённую сторону. Однако, в отличие от трудовой сферы, жилищная прекарность зачастую остаётся в «слепой зоне» политического и общественного внимания, что затрудняет формирование коллективных стратегий сопротивления [Huisman 2016].

На одном из полюсов континуума жилищная прекарность смыкается с феноменом «скрытой бездомности» (*hidden homelessness*). В этой ситуации субъекты, формально имеющие крышу над головой, вынуждены существовать в перенаселённом, небезопасном или неадекватном жилье без каких-либо гарантий стабильности. Подобное положение часто обусловлено пересечением временного правового статуса с отсутствием стабильного дохода и ограниченным доступом к социальным сетям поддержки. В совокупности с высокой стоимостью аренды и низким качеством доступных объектов «скрытая бездомность» не просто лишает человека базового комфорта, но и блокирует возможности для полноценной социальной интеграции, закрепляя его в зоне предельной уязвимости, где право на дом становится фактически нереализуемым [Sherrell, D'Addario, Hiebert 2007].

Важным внешним фактором, усиливающим жилищную нестабильность, по мнению М. Безгребельной и её коллег, выступают климатические изменения. Жилищная прекарность и бездомность тесно связаны с энергетической незащищённостью и рисками природных катастроф. В этой оптике климатические вызовы становятся «множителем рисков», выталкивающим уязвимые группы населения в зону предельной незащищённости. Экстремальные температуры и стихийные бедствия не только физически разрушают жилые дома, но и оказывают негативное влияние на здоровье самих жителей [Bezgrebelna et al. 2021]. В результате статус собственника жилья не гарантирует онтологической безопасности в силу экологической и энергетической нестабильности.

Таким образом, в современных условиях прекарность становится универсальным принципом распределения ресурсов, размывающим границу между домовладением и арендой (см. табл. 3). Собственность из гаранта стабильности трансформируется в реляционную технологию, где право на жильё превращается во временную привилегию, обременённую долгами и климатическими рисками. Жилищная

прекарность в этой оптике — многослойный процесс, охватывающий ряд явлений — от «тихой» нормализации краткосрочных контрактов до институционального насилия («домоубийство»). В итоге даже формальное владение активами более не обеспечивает онтологическую безопасность, закрепляя субъекта в состоянии долгосрочной жизненной неопределённости.

Таблица 3

Концептуализация и континуумы прекарного домовладения*

Источник	Теоретический концепт	Объект и фокус анализа	Ключевые факторы и механизмы
Blomley 2020	Прекарная собственность	Канада: собственники и арендаторы	Собственность как реляционная технология власти; системная уязвимость арендаторов; иерархия юридически закрепленного доминирования собственников над пространством
Wood et al. 2017	Прекарное домовладение	Австралия, Великобритания: домохозяйства на грани потери жилья	Динамика входа/выхода из собственности; риски утраты жилья из-за долговой нагрузки; уязвимость перед рыночными шоками и волатильностью цен
Colic-Peisker, Ong, Wood 2014	Крах концепции «благополучное состояние через активы»	Австралия: пожилые люди и пенсионеры	Трансформация жилья из пенсионного гаранта в источник финансового риска; разрушение онтологической безопасности в старшем возрасте
Samec, Samec, Decker, Trlifajová 2024	Моральная экономика долга	Чехия: заёмщики с избыточной задолженностью	Моральная классификация заёмщиков; приоритизация долга перед базовыми потребностями; дисциплинирующая роль кредитных обязательств
Finnerty, O’Connell 2017	Прекарность со стороны предложения	Ирландия: арендаторы и домохозяйства, вытесненные из системы социального жилья	Отказ государства от прямого предоставления соцжилья; превращение политических допущений в фактор системной уязвимости домохозяйств; зависимость безопасности найма от рыночной конъюнктуры
Nowicki 2023	«Домоубийство»	Великобритания: социальные арендаторы и сквоттеры	Криминализация неформальных жилищных практик; использование жилищных реформ («налог на спальни») как инструмента институционального насилия и вытеснения
Huisman 2016	«Тихая прекарнизация»	Нидерланды: временные арендаторы и антисквоттеры	Институционализация временных контрактов; перенос рыночных рисков на граждан; деполитизация жилищного вопроса через риторику «гибкости»
Sherrell, D’Addario, Hiebert 2007	Скрытая бездомность	Канада: иммигранты и лица, ищущие убежища	Критически высокая стоимость аренды; вынужденное проживание в перенаселённом и (или) неадекватном жилье; блокировка социальной интеграции
Bezgrebelna et al. 2021	Климатически обусловленная жилищная прекарность	Канада: бездомные и лица в нестабильных жилищных условиях	Энергетическая незащищённость; неравный доступ к устойчивому жилью; ущерб здоровью через экстремальные погодные условия в неадекватном жилье

* Источники и соответствующие им концепты приводятся в порядке упоминания в тексте раздела.

Многомерность и множественность жилищной прекарности

Синтезируя представленные выше ракурсы, М. Ломбард предлагает переход к анализу многомерной прекарности (*multidimensional precarity*). В его работе жилищная уязвимость рассматривается как системный результат неолиберальных трансформаций, где отсутствие контроля над условиями проживания не просто сопутствует трудовой нестабильности, а глубоко укоренено в процессах дерегулирования рынков и ослабления социальной защиты. Интеграция материальных, правовых и психосоциальных

аспектов прекарности в единую аналитическую рамку позволяет рассматривать «онтологическую незащищённость» и эмоциональное истощение не как побочные эффекты, а как имманентные составляющие жилищной нестабильности, которые в совокупности с правовой дискриминацией радикально ограничивают возможности жизненного планирования [Lombard 2021].

Согласно К. Сакали и Т. Кариотису, жилищная прекарность — это системный продукт неолиберальной политики, процессов глобализации и финансиализации жилья (*housing financialization*). Дом всё чаще рассматривается как финансовый актив, что неизбежно диссонирует с его социальной ролью. Рассуждая о множественных прекарностях (*multiple precarities*), авторы показывают, что уязвимость в жилищной сфере не существует сама по себе. Она тесно переплетена не только с нестабильностью на рынке труда, но и с политическими рисками. В условиях, когда государство минимизирует свою поддержку, угроза выселения или невозможность обзавестись собственным домом перестают быть участием только маргиналов. Прекарность проникает всё глубже, подрывая стабильность даже тех социальных групп, которые считались благополучными [Sakali, Karyotis 2022].

В работе К. Винклер и А. Висс многомерность раскрывается через понятие «пересекающиеся прекарности» (*intersecting precarities*). Неустойчивость в разных сферах жизни образует синергию, создавая эффект снежного кома. Жилищная нестабильность оказывается неразрывно связана с прекарностью правового статуса (*precarity of legal status*), то есть с дефицитом юридических гарантий и неопределённостью положения субъекта. В процессе взаимодействия правовые нормы и жилищные условия взаимно усиливают прекарность друг друга, порождая ситуацию, в которой отсутствие формально закреплённого места жительства блокирует доступ к базовым гражданским правам, а нестабильный правовой статус, в свою очередь, исключает индивида из легального жилищного рынка, усугубляя социальную уязвимость [Winkler, Wyss 2026].

Предпосылкой к современным представлениям о многомерности было введение понятия «рекурсивная прекарность» (*recurring precarity*), которое характеризует цикличность и воспроизводимость жилищных трудностей. Жилищная прекарность рассматривается в этом случае не как временный этап жизни, а как состояние постоянной неопределённости, где финансовое бремя аренды и отсутствие институциональной поддержки формируют замкнутый цикл уязвимости. Рекурсивный характер данного процесса проявляется в том, что жилищная нестабильность постоянно подпитывается и усиливается за счёт финансовой и профессиональной неустойчивости, производя эффект «беговой дорожки». В подобной ловушке цикличности пересекающиеся формы прекарности (*overlapping precarities*) не просто затрудняют социальную мобильность, а фактически изолируют субъекта внутри структурной незащищённости, делая выход из этого состояния институционально невозможным [Han, Kim, Park 2023].

Г. Д'Адда фиксирует неразрывную связь между институциональной природой жилищной прекарности и особенностями современной урбанизации. Хроническая недоступность качественного жилья у этого автора выступает продуктом сильного резонанса финансовых циклов, джентрификации и экспансии глобального туризма. В основе процесса лежит ценностный разлом: спасение финансовых институтов де-факто легитимирует эрозию права на жилище, трансформируя дом в эпицентр городской прекарности (*urban precarity*). В этой логике жильё окончательно вымывается из категории социального блага, превращаясь в чистый спекулятивный актив. Подобная инструментализация пространства провоцирует волну низового сопротивления, где запрос на муниципальные альтернативы становится актом защиты базовых потребностей уязвимых групп от рыночного диктата [D'Adda 2021].

Исследователи также обосновывают тезис о том, что институциональная природа прекарности пластична и зачастую имитирует формы пространственного неравенства (*forms of spatial inequality*). Контроль цен и гарантии долгосрочного проживания могут выступать факторами деградации жилой

среды. Речь идёт не столько об ухудшении условий проживания, сколько об эффекте микросегрегации. Домовладельцы попросту теряют интерес к ремонту жилья в условиях стабильности арендных отношений и отсутствия давления со стороны рынка, что переносит ответственность и издержки на плечи арендаторов [Chan et al. 2025]. В результате возникает диссонанс между устойчивым статусом нанимателя жилья и фактическим ухудшением условий проживания, что и воспроизводит жилищную прекарность.

Представители гендерного подхода продемонстрировали, что проблема жилищной прекарности особенно остро проявилась в период пандемии COVID-19, когда различия в жилищных условиях приобрели критическое значение. Соблюдение санитарных правил и норм оказалось затруднительным для тех, кто проживает в условиях перенаселённости, что фактически обозначило неравенство в соблюдении принципов охраны здоровья. Авторы предлагают рассматривать эту ситуацию через трёхмерную рамку, в которой временные, пространственные и опытные аспекты жилищной нестабильности взаимно усиливают друг друга. Речь идёт о цикличности нестабильной аренды, архитектурных особенностях и психологических формах переживания уязвимости, включая скрытые проявления домашнего насилия [Lages, Jorge 2023]. В таком контексте жильё выступает одним из механизмов социально-пространственной дифференциации, через который закрепляется уязвимое положение, прежде всего — женщин.

С. Дотсей и Ф. Киоделли финализируют дискурс о многомерности, предлагая в качестве аналитического инструмента «четверной эпистемологический ланцет» (*fourfold epistemological lancet*). Этот концепт используется для поэтапного анализа механизмов институционального воспроизводства прекарности. В интерпретации этих авторов жилищная нестабильность формируется не столько как следствие дефицита ресурсов, сколько как результат специфической конфигурации государственной политики, проявляющейся в правовых лакунах и сегрегационных фильтрах. В этой модели прекарность раскрывается через четыре аналитических вектора: 1) признание центральной роли государства в намеренном создании условий нестабильности; 2) понимание прекарности как точки пересечения индивидуальных жилищных траекторий, институциональных барьеров и глобальных сил; 3) интерпретация жилищных рисков как неотъемлемой составляющей онтологической неопределённости; 4) актуализация прекарности как потенциального триггера для политической мобилизации различных социальных групп [Dotsey, Chiodelli 2021]. В подобной оптике жилищная прекарность утрачивает черты пассивного состояния, превращаясь в пространство перманентного конфликта между системным давлением и низовым сопротивлением.

Таким образом, жилищная прекарность кристаллизуется как многомерный инструмент неолиберального управления, чьи параметры жёстко детерминированы институциональным дизайном (см. табл. 4). В этой рекурсивной логике, подпитываемой пространственными разрывами и гендерной асимметрией, возникает специфический альянс формальных правил и неопределённости, которые работают не на безопасность гражданина, а на механизмы социального дисциплинирования. Тем не менее признание прекарности рукотворным и активно конструируемым феноменом лишает её статуса фатальной неизбежности. Понимание системной природы этой уязвимости трансформирует её из частной проблемы в фундамент для политизации и коллективного сопротивления диктату сложившегося порядка.

Таблица 4

Институциональная многогранность жилищной прекарности*

Источник	Теоретический концепт	Объект и фокус анализа	Ключевые факторы и механизмы
Lombard 2021	Многомерная прекарность	Великобритания: малооплачиваемые трудовые мигранты-арендаторы	Конвергенция материальной дефицитности, правовой дискриминации и психосоциального истощения; разрушение онтологической безопасности
Sakali, Karyotis 2022	Множественные прекарности	Греция: городские жители в период пандемии	Финансиализация жилья; отказ государства от социальных обязательств; наложение жилищной уязвимости на риски для здоровья
Winkler, Wyss 2026	Пересекающиеся прекарности, прекарность правового статуса	Германия, Швейцария: мигрантизированные индивиды (воспринимаемые как мигранты)	Эффект взаимного усиления: отсутствие регистрации по месту жительства блокирует легализацию статуса, а отсутствие вида на жительство (ВНЖ) — доступ к рынку жилья
Han, Kim, Park 2023	Рекурсивная прекарность	Южная Корея: малообеспеченное «поколение арендаторов»	Эффект «жилищной беговой дорожки»: циклические возвраты в состояние кризиса из-за краткосрочности господдержки и высокой стоимости аренды
D’Adda 2021	Жилищная прекарность как городская	Испания: социальные движения и органы местного самоуправления	Последствия «туристификации» и джендтрификации; приоритет защиты финансовой системы перед жилищными правами; политизация прекарности через низовой активизм
Chan et al. 2025	Прекарность как форма пространственного неравенства	Гонконг: арендаторы в условиях микросегрегации	Разрыв между формально-правовыми гарантиями найма и критически низким качеством жилой среды; деградация физического пространства как инструмент социального исключения
Lages, Jorge 2023	Гендерная таксономия прекарности	Португалия: женщины в условиях пандемии и неолиберального жилищного кризиса	Кумулятивный эффект гендерного неравенства и жилищной нужды; интенсификация домашнего насилия в стеснённых условиях; дом как пространство принудительного труда и отсутствия онтологической безопасности
Dotsey, Chiodelli 2021	Четырёхгранный эпистемологический ланцет	Италия: мигранты в системе социального жилья и частного найма	Институциональное производство прекарности через намеренные пробелы в законах и сегрегационные практики; использование «правового лимба» как инструмента социального контроля

* Источники и соответствующие им концепты приводятся в порядке упоминания в тексте раздела.

Заключительные размышления и российский контекст

В зарубежных исследованиях отчётливо фиксируется смещение исследовательского фокуса с изолированного анализа сферы занятости на институциональную диаду «труд — жильё». Жилищная неустойчивость начинает рассматриваться как неотъемлемая часть «двойной прекарности», в рамках которой нестабильность занятости и условий проживания препятствуют социальной интеграции индивидов. Применение данного подхода к российской действительности позволяет выявить уникальные для постсоветской эпохи механизмы утраты служебного и ведомственного жилья. Если на Западе человек чувствует себя нестабильно из-за неолиберальных правил игры и «гибкости» рынка, то в России эта нестабильность ощущается через потерю социальных гарантий, которые раньше предоставляло госу-

дарство. Это хорошо видно на примерах приватизации заводов, где рабочие оказались в безвыходном положении, а также депрессивных моногородов, откуда люди попросту не могут уехать, несмотря на отсутствие перспектив.

Жизнь в precarious жилище сопровождается характерным морально-психологическим состоянием человека — тревогой из-за постоянной неопределённости и нелинейности жизненного пути. Это подталкивает индивидов выработать соответствующие стратегии выживания: от сокращения расходов на удовлетворение базовых потребностей до иррациональных практик обустройства временного жилища. Применительно к постсоветским реалиям можно говорить в этом контексте о типичных формах совместного проживания — коммунальных квартирах и общежитиях. В отличие от современных «колингов» российская коммуналка характеризуется отсутствием приватности и частыми бытовыми конфликтами, что становится источником «тройной ответственности» и эмоционального выгорания. Основой жилищной устойчивости оказываются сети неформальных связей и «серые» схемы аренды, хотя само жильё, как и на Западе, превращается из безопасного места в транзитную зону. Подобная «домашняя культура precariousности» накладывает отпечаток на биографии людей из-за постоянных рисков внезапного выселения и конфликтности соседской среды, препятствует долгосрочному планированию и полноценной социальной адаптации.

Институционализация жилищной precariousности демонстрирует переход исследователей от традиционной дихотомии «собственник — арендатор» к континууму прав и релевантных рисков. Феномен «precariousного домовладения» сигнализирует, что формальный титул собственника не гарантирует онтологической безопасности в силу «моральной экономики долга» и волатильности на рынке жилья. Подобный дискурс позволяет идентифицировать так называемых бедных собственников в России. Массовая приватизация 1990-х гг. породила класс собственников, чьи дома ветшают в условиях отсутствия средств на капитальный ремонт и роста задолженности за жилищно-коммунальные услуги. При этом если на Западе «домоубийство» тесно связано с джентрификацией, то в России оно принимает форму принудительной реновации или изъятия земель для государственных нужд. Вместе с тем размер компенсации зачастую не покрывает реальный ущерб и убытки. В итоге российский вариант «тихой precariousзации» реализуется через разрыв между фактическим владением жильём и неспособностью его надлежаще содержать, что закрепляет отдельные группы населения в зоне «скрытой бездомности» и долгосрочной неопределённости.

В конечном счёте жилищная precariousность должна рассматриваться как многомерный феномен, возникающий на пересечении социально-экономических и политических процессов. Нестабильность жилищных условий приобретает рекурсивный характер: финансовая неустойчивость и дефицит государственных гарантий образуют замкнутый круг. Отсутствие постоянного места жительства препятствует реализации основных гражданских прав, что, в свою очередь, вынуждает индивидов обращаться к нелегальным схемам аренды и (или) покупки жилья. В России многомерность жилищной precariousности обнаруживается, например, в практиках нарушения паспортного режима. Человек, проживающий не по месту регистрации, сталкивается с трудностями получения различных социальных услуг и вынужден тратить ресурсы на преодоление бюрократических барьеров. Это подтверждает тезис об институциональном конструировании precariousности, когда жильё превращается из социального блага в инструмент политического манипулирования.

В заключение необходимо отметить, что precariousность не является просто статичной характеристикой жилья. Она представляет собой динамичный процесс, воспроизводящий всё новые формы социальной уязвимости в ответ на изменения внешней среды. Так, в России в последние годы на фоне сокращения программ государственной поддержки и волатильности рынков наблюдается «ипотечная precariousзация». Агрессивные банковские методы взыскания и невозможность рефинансирования долга не

способствуют онтологической безопасности владельцев кредитного жилья. Вместе с тем в отдельных регионах страны прекаризация связана с многолетним проживанием в аварийном жилье и ожиданием расселения. Однако формальное включение домов в государственные программы фактически консервирует пространственную сегрегацию, что, в свою очередь, отражается на качестве жизни. Внедрение информационных технологий в управление ЖКХ лишь усилило непрозрачность издержек для конечного потребителя и способствовало мутации прекарности. Маскируясь под характерную особенность современного рынка, она превращает даже новое жильё в рискованный актив, что требует перехода к проактивным моделям государственной поддержки и защиты жилищных прав.

Литература

- Banki S. 2013. Precarity of Place: A Complement to the Growing Precariat Literature. *Global Discourse*. 3 (3–4): 450–463. doi: [10.1080/23269995.2014.881139](https://doi.org/10.1080/23269995.2014.881139)
- Barrera S. L. 2023. The Architectural Typologies of Latinx Housing Precarity. In: *111th ACSA Annual Meeting Proceedings*. Washington, CD: ACSA Press; 473–478. doi: [10.35483/ACSA.AM.111.62](https://doi.org/10.35483/ACSA.AM.111.62)
- Bates L. et al. 2019. Precariously Placed: Home, Housing and Wellbeing for Older Renters. *Health & Place*. 58: 102152. doi: [10.1016/j.healthplace.2019.102152](https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2019.102152)
- Bayurgil L. 2022. Fired and Evicted: Istanbul Doorkeepers' Strategies of Navigating Employment and Housing Precarity. *Social Problems*. 69 (4): 1092–1108. doi: [10.1093/socpro/spab013](https://doi.org/10.1093/socpro/spab013)
- Bentley R., Baker E., Aitken Z. 2019. The 'Double Precarity' of Employment Insecurity and Unaffordable Housing and Its Impact on Mental Health. *Social Science & Medicine*. 225: 9–16. doi: [10.1016/j.socscimed.2019.02.008](https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2019.02.008)
- Bergan T. L., Gorman-Murray A., Power E. R. 2021. Coliving Housing: Home Cultures of Precarity for the New Creative Class. *Social & Cultural Geography*. 22 (9): 1204–1222. doi: [10.1080/14649365.2020.1734230](https://doi.org/10.1080/14649365.2020.1734230)
- Bezgrebelna M. et al. 2021. Climate Change, Weather, Housing Precarity, and Homelessness: A Systematic Review of Reviews. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 18 (11): 5812. doi: [10.3390/ijerph18115812](https://doi.org/10.3390/ijerph18115812)
- Blomley N. 2020. Precarious Territory: Property Law, Housing and the Socio-Spatial Order. *Antipode*. 52 (1): 36–57. doi: [10.1111/anti.12578](https://doi.org/10.1111/anti.12578)
- Bobek A., Pembroke S., Wickham J. 2021. Living in Precarious Housing: Non-Standard Employment and Housing Careers of Young Professionals in Ireland. *Housing Studies*. 36 (9): 1364–1387. doi: [10.1080/02673037.2020.1769037](https://doi.org/10.1080/02673037.2020.1769037)
- Carr H., Edgeworth B., Hunter C. (eds). 2018. *Law and the Precarious Home: Socio Legal Perspectives on the Home in Insecure Times*. Oxford: Hart Publishing. doi: [10.5040/9781509914593](https://doi.org/10.5040/9781509914593)
- Chan S.-M. et al. 2025. The Impact of Tenancy Control on Housing Precarity in Hong Kong: A Panel Study of Subdivided Unit Residents. *Cities*. 158: 105693. doi: [10.1016/j.cities.2024.105693](https://doi.org/10.1016/j.cities.2024.105693)

- Colic-Peisker V., Ong R., Wood G. 2014. Asset Poverty, Precarious Housing and Ontological Security in Older Age: An Australian Case Study. *International Journal of Housing Policy*. 15 (2): 167–186. doi: [10.1080/14616718.2014.984827](https://doi.org/10.1080/14616718.2014.984827)
- D’Adda G. 2021. Urban Mobilizations and Municipal Policies to Un-Make Housing Precarity: The Barcelona Experiments. *City*. 25 (5–6): 740–763. doi: [10.1080/13604813.2021.1981696](https://doi.org/10.1080/13604813.2021.1981696)
- Davey R. 2020. Snakes and Ladders: Legal Coercion, Housing Precarity, and Home Making Aspirations in Southern England. *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 26 (1): 12–29. doi: [10.1111/1467-9655.13175](https://doi.org/10.1111/1467-9655.13175)
- Dotsey S., Ambrosini M. 2023. Migration, (Il)Legal Status and Housing Precarity: Difficulties and Coping Strategies. *Journal of Urban Affairs*. 47 (4): 1328–1347. doi: [10.1080/07352166.2023.2224021](https://doi.org/10.1080/07352166.2023.2224021)
- Dotsey S., Chiodelli F. 2021. Housing Precarity: A Fourfold Epistemological Lancet for Dissecting the Housing Conditions of Migrants. *City*. 25 (5–6): 720–739. doi: [10.1080/13604813.2021.1979802](https://doi.org/10.1080/13604813.2021.1979802)
- Ferreri M., Dawson G., Vasudevan A. 2017. Living Precariously: Property Guardianship and the Flexible City. *Transactions of the Institute of British Geographers*. 42 (2): 246–259. doi: [10.1111/tran.12162](https://doi.org/10.1111/tran.12162)
- Finnerty J., O’Connell C. 2017. Changing Precarities in the Irish Housing System: Supplier-Generated Changes in Security of Tenure for Domiciled Households. *Global Discourse*. 7 (4): 473–488. doi: [10.1080/23269995.2017.1399708](https://doi.org/10.1080/23269995.2017.1399708)
- Greenop K. 2017. Understanding Housing Precarity: More than Access to a Shelter, Housing is Essential for a Decent Life. *Global Discourse*. 7 (4): 489–495. doi: [10.1080/23269995.2017.1393788](https://doi.org/10.1080/23269995.2017.1393788)
- González-Domingo A., Russo A. P., Gosálbez M. I. P. 2023. Reassembling Tourism Labour and Housing Precarity: Barcelona During COVID-19. *Tourism Geographies*. 25 (7): 1778–1796. doi: [10.1080/14616688.2023.2290014](https://doi.org/10.1080/14616688.2023.2290014)
- Han S. H., Kim J., Park N. 2023. Generation Rent on the Housing Treadmill: A Study on South Korea’s Housing Allowance Programmes and Recurring Precarity. *Social Policy & Administration*. 57 (3): 382–398. doi: [10.1111/spol.12869](https://doi.org/10.1111/spol.12869)
- Huisman C. 2016. A Silent Shift? The Precarisation of the Dutch Rental Housing Market. *Journal of Housing and the Built Environment*. 31: 93–106. doi: [10.1007/s10901-015-9446-5](https://doi.org/10.1007/s10901-015-9446-5)
- Lages J. P., Jorge S. 2023. A Gendered Taxonomy on Housing Precarity: Challenges from Lisbon Metropolitan Area During the Covid-19 Pandemic. *Sociedade e Território*. 35 (1): 51–72. doi: [10.21680/2177-8396.2023v35n1ID32254](https://doi.org/10.21680/2177-8396.2023v35n1ID32254)
- Litvintsev D. 2025. Housing Precarity in Russia: Measurements in Regions and Federal Districts. *Changing Societies & Personalities*. 9 (2): 398–415. doi: [10.15826/csp.2025.9.2.334](https://doi.org/10.15826/csp.2025.9.2.334)
- Lombard M. 2021. The Experience of Precarity: Low-Paid Economic Migrants’ Housing in Manchester. *Housing Studies*. 38 (2): 307–326. doi: [10.1080/02673037.2021.1882663](https://doi.org/10.1080/02673037.2021.1882663)
- Münch S., Siede A. (eds). 2022. *Precarious Housing in Europe: A Critical Guide*. Krems, Austria: Edition Donau-Universität Krems. doi: [10.48341/n0qk-fd13](https://doi.org/10.48341/n0qk-fd13)

- Nowicki M. 2023. *Bringing Home the Housing Crisis: Politics, Precarity and Domicide in Austerity London*. Bristol, UK: Bristol University Press. doi: [10.2307/jj.2430359](https://doi.org/10.2307/jj.2430359)
- Owens K., Green Ch. 2020. Performing Millennial Housing Precarity: How (Not) to Live Together. *Studies in Theatre and Performance*. 40 (1): 44–53. doi: [10.1080/14682761.2019.1689738](https://doi.org/10.1080/14682761.2019.1689738)
- Power E. R. 2019. Assembling the Capacity to Care: Caring-With Precarious Housing. *Transactions of the Institute of British Geographers*. 44 (4): 763–777. doi: [10.1111/tran.12306](https://doi.org/10.1111/tran.12306)
- Ronald R., Arundel R. (eds). 2022. *Families, Housing and Property Wealth in a Neoliberal World*. New York: Routledge. doi: [10.4324/9781003092117](https://doi.org/10.4324/9781003092117)
- Samec T. H., Decker A., Trlifajová L. 2024. Consumption Loans Consuming Homes: Intersections of Housing Precarity and Personal Overindebtedness. *International Journal of Housing Policy*. 24 (3): 501–520. doi: [10.1080/19491247.2024.2350134](https://doi.org/10.1080/19491247.2024.2350134)
- Sakali C., Karyotis T. 2022. Can't #StayAtHome without a Home: Politics of Housing Precarity in Greece in the Time of Pandemic. In: Petropoulou C. et al. (eds) *Luchas Invisibles en Tiempos de Pandemia*. II. Mytilene, Greece: University of the Aegean; Puebla, Mexico: Universidad Autónoma de Puebla; 339–366.
- Sherrell K., D'Addario S., Hiebert D. 2007. On the Outside Looking in: The Precarious Housing Situations of Successful Refugee Claimants in the GVRD. *Refuge*. 24 (2): 64–75. doi: [10.25071/1920-7336.21385](https://doi.org/10.25071/1920-7336.21385)
- Shier M. L. et al. 2016. Predictors of Living in Precarious Housing Among Immigrants Accessing Housing Support Services. *Journal of International Migration and Integration*. 17 (1): 173–192. doi: [10.1007/s12134-014-0396-7](https://doi.org/10.1007/s12134-014-0396-7)
- Waldron R. 2024. Responding to Housing Precarity: The Coping Strategies of Generation Rent. *Housing Studies*. 39 (1): 124–145. doi: [10.1080/02673037.2021.2022606](https://doi.org/10.1080/02673037.2021.2022606)
- Winkler K., Wyss A. 2026. Intersecting Precarities in Housing and Legal Status: No Residence Permit Without Permanent Residence. *Critical Sociology*. 52 (2): 347–364. doi: [10.1177/08969205251316143](https://doi.org/10.1177/08969205251316143)
- Wood G. A. et al. 2017. Life on the Edge: A Perspective on Precarious Home Ownership in Australia and the UK. *International Journal of Housing Policy*. 17 (2): 201–226. doi: [10.1080/14616718.2015.1115225](https://doi.org/10.1080/14616718.2015.1115225)

PROFESSIONAL REVIEWS

Denis Litvintsev

Multifaceted Nature of Housing Precarity: Conceptual Approaches and Institutional Perspectives

LITVINTSEV, Denis —

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Management, Novosibirsk State Technical University. Address: 20 Karl Marx Ave., Novosibirsk, 630073, Russian Federation.

Email: denlitv@inbox.ru

Abstract

Housing precarity is a condition of instability and vulnerability in the housing sphere that can manifest in various forms and affect people regardless of income level or social status. It encompasses situations in which housing is unsafe, of inadequate quality, or not accessible over the long term—conditions necessary for a full and secure life. This article analyzes housing precarity as a multidimensional socio-economic phenomenon that influences many aspects of people's lives. Housing precarity is examined in the context of international research, with an emphasis on the fact that precarious living conditions extend far beyond mere housing provision to include legal vulner-

ability, threat of eviction, overcrowding, poor housing quality, and limited access to infrastructure and social services. The article discusses various classifications and concepts (for example, “precarious ownership,” “recursive precarity,” “hidden homelessness”), as well as the temporal and spacial dimensions of housing precarity. The study shows that precarities in different domains—housing, labor, and legal—can intersect, mutually reinforce one another, and consolidate. The role of cohabitation practices and the “home culture of precarity” in transforming millennial everyday life is also highlighted. Special attention is paid to socio-demographic groups most vulnerable to housing precarity and to the housing strategies they adopt to mitigate its effects. The conclusion emphasizes the need for a comprehensive approach that combines housing, social, and economic policies to ensure housing security and reduce social vulnerability.

Keywords: sociology of housing; housing precarity; precarious housing; precarious property; dual precarity; intersection of precarities; hidden homelessness.

References

- Banki S. (2013) Precarity of Place: A Complement to the Growing Precariat Literature. *Global Discourse*, vol. 3, no 3–4, pp. 450–463. doi: [10.1080/23269995.2014.881139](https://doi.org/10.1080/23269995.2014.881139)
- Barrera S. L. (2023) The Architectural Typologies of Latinx Housing Precarity. *111th ACSA Annual Meeting Proceedings*, Washington, CD: ACSA Press, pp. 473–478. doi: [10.35483/ACSA.AM.111.62](https://doi.org/10.35483/ACSA.AM.111.62)
- Bates L., Wiles J., Kearns R., Coleman T. (2019) Precariously Placed: Home, Housing and Wellbeing for Older Renters. *Health & Place*, vol. 58, art. 102152. doi: [10.1016/j.healthplace.2019.102152](https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2019.102152)
- Bayurgil L. (2022) Fired and Evicted: Istanbul Doorkeepers' Strategies of Navigating Employment and Housing Precarity. *Social Problems*, vol. 69, no 4, pp. 1092–1108. doi: [10.1093/socpro/spab013](https://doi.org/10.1093/socpro/spab013)

- Beer A., Bentley R., Baker E., Mason K., Shelley M., Kavanagh A., LaMontagne T. (2015) Neoliberalism, Economic Restructuring and Policy Change: Precarious Housing and Precarious Employment in Australia. *Urban Studies*, vol. 53, no 8, pp. 1542–1558. doi: [10.1177/0042098015596922](https://doi.org/10.1177/0042098015596922)
- Bentley R., Baker E., Aitken Z. (2019) The ‘Double Precarity’ Of Employment Insecurity and Unaffordable Housing and Its Impact on Mental Health. *Social Science & Medicine*, vol. 225, pp. 9–16. doi: [10.1016/j.socscimed.2019.02.008](https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2019.02.008)
- Bergan T. L., Gorman-Murray A., Power E. R. (2021) Coliving Housing: Home Cultures of Precarity for the New Creative Class. *Social & Cultural Geography*, vol. 22, no 9, pp. 1204–1222. doi: [10.1080/14649365.2020.1734230](https://doi.org/10.1080/14649365.2020.1734230)
- Bezgrebelna M., McKenzie K., Wells S., Ravindran A., Kral M., Christensen J., Stergiopoulos V., Gaetz S., Kidd S. A. (2021) Climate Change, Weather, Housing Precarity, and Homelessness: A Systematic Review of Reviews. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 18, no 11, art. 5812. doi: [10.3390/ijerph18115812](https://doi.org/10.3390/ijerph18115812)
- Blomley N. (2020) Precarious Territory: Property Law, Housing and The Socio-Spatial Order. *Antipode*, vol. 52, no 1, pp. 36–57. doi: [10.1111/anti.12578](https://doi.org/10.1111/anti.12578)
- Bobek A., Pembroke S., Wickham J. (2021) Living in Precarious Housing: Non-Standard Employment and Housing Careers of Young Professionals in Ireland. *Housing Studies*, vol. 36, no 9, pp. 1364–1387. doi: [10.1080/02673037.2020.1769037](https://doi.org/10.1080/02673037.2020.1769037)
- Carr H., Edgeworth B., Hunter C. (eds) (2018) *Law and the Precarious Home: Socio Legal Perspectives on the Home in Insecure Times*, Oxford: Hart Publishing. doi: [10.5040/9781509914593](https://doi.org/10.5040/9781509914593)
- Chan S.-M., Wu Y., Chen A., Tang Y.-K., Au-Yeung T.-Ch., Tam N. W.-Y. (2025) The Impact of Tenancy Control on Housing Precarity in Hong Kong: A Panel Study of Subdivided Unit Residents. *Cities*, vol. 158, 105693. doi: [10.1016/j.cities.2024.105693](https://doi.org/10.1016/j.cities.2024.105693)
- Colic-Peisker V., Ong R., Wood G. (2014) Asset Poverty, Precarious Housing and Ontological Security in Older Age: An Australian Case Study. *International Journal of Housing Policy*, vol. 15, no 2, pp. 167–186. doi: [10.1080/14616718.2014.984827](https://doi.org/10.1080/14616718.2014.984827)
- D’Adda G. (2021) Urban Mobilizations and Municipal Policies to Un-Make Housing Precarity: The Barcelona Experiments. *City*, vol. 25, no 5–6, pp. 740–763. doi: [10.1080/13604813.2021.1981696](https://doi.org/10.1080/13604813.2021.1981696)
- Davey R. (2020) Snakes and Ladders: Legal Coercion, Housing Precarity, And Home Making Aspirations in Southern England. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, vol. 26, no 1, pp. 12–29. doi: [10.1111/1467-9655.13175](https://doi.org/10.1111/1467-9655.13175)
- Dotsey S., Ambrosini M. (2023) Migration, (II)Legal Status and Housing Precarity: Difficulties and Coping Strategies. *Journal of Urban Affairs*, vol. 47, no 4, pp. 1328–1347. doi: [10.1080/07352166.2023.2224021](https://doi.org/10.1080/07352166.2023.2224021)
- Dotsey S., Chiodelli F. (2021) Housing Precarity: A Fourfold Epistemological Lancet for Dissecting the Housing Conditions of Migrants. *City*, vol. 25, no 5–6, pp. 720–739. doi: [10.1080/13604813.2021.1979802](https://doi.org/10.1080/13604813.2021.1979802)

- Ferreri M., Dawson G., Vasudevan A. (2017) Living Precariously: Property Guardianship and the Flexible City. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 42, no 2, pp. 246–259. doi: [10.1111/tran.12162](https://doi.org/10.1111/tran.12162)
- Finnerty J., O’Connell C. (2017) Changing Precarities in the Irish Housing System: Supplier-Generated Changes in Security of Tenure for Domiciled Households. *Global Discourse*, vol. 7, no 4, pp. 473–488. doi: [10.1080/23269995.2017.1399708](https://doi.org/10.1080/23269995.2017.1399708)
- Greenop K. (2017) Understanding Housing Precarity: More than Access to a Shelter, Housing is Essential for a Decent Life. *Global Discourse*, vol. 7, no 4, pp. 489–495. doi: [10.1080/23269995.2017.1393788](https://doi.org/10.1080/23269995.2017.1393788)
- González-Domingo A., Russo A. P., Gosálbez M. I. P. (2023) Reassembling Tourism Labour and Housing Precarity: Barcelona During COVID-19. *Tourism Geographies*, vol. 25, no 7, pp. 1778–1796. doi: [10.1080/14616688.2023.2290014](https://doi.org/10.1080/14616688.2023.2290014)
- Han S. H., Kim J., Park N. (2023) Generation Rent on the Housing Treadmill: A Study on South Korea’s Housing Allowance Programmes and Recurring Precarity. *Social Policy & Administration*, vol. 57, no 3, pp. 382–398. doi: [10.1111/spol.12869](https://doi.org/10.1111/spol.12869)
- Huisman C. (2016) A Silent Shift? The Precarisation of the Dutch Rental Housing Market. *Journal of Housing and the Built Environment*, vol. 31, pp. 93–106. doi: [10.1007/s10901-015-9446-5](https://doi.org/10.1007/s10901-015-9446-5)
- Lages J. P., Jorge S. (2023) A Gendered Taxonomy on Housing Precarity: Challenges from Lisbon Metropolitan Area During the Covid-19 Pandemic. *Sociedade e Território*, vol. 35, no 1, pp. 1–72. doi: [10.21680/2177-8396.2023v35n1ID32254](https://doi.org/10.21680/2177-8396.2023v35n1ID32254)
- Litvintsev D. (2025) Housing Precarity in Russia: Measurements in Regions and Federal Districts. *Changing Societies & Personalities*, vol. 9, no 2, pp. 398–415. doi: [10.15826/csp.2025.9.2.334](https://doi.org/10.15826/csp.2025.9.2.334)
- Lombard M. (2021) The Experience of Precarity: Low-Paid Economic Migrants’ Housing in Manchester. *Housing Studies*, vol. 38, no 2, pp. 307–326. doi: [10.1080/02673037.2021.1882663](https://doi.org/10.1080/02673037.2021.1882663)
- Münch S., Siede A. (eds) (2022) *Precarious Housing in Europe: A Critical Guide*, Krems, Austria: Edition Donau-Universität Krems. doi: [10.48341/n0qk-fd13](https://doi.org/10.48341/n0qk-fd13)
- Nowicki M. (2023) *Bringing Home the Housing Crisis: Politics, Precarity and Domicide in Austerity London*, Bristol, UK: Bristol University Press. doi: [10.2307/jj.2430359](https://doi.org/10.2307/jj.2430359)
- Owens K., Green Ch. (2020) Performing Millennial Housing Precarity: How (Not) to Live Together. *Studies in Theatre and Performance*, vol. 40, no 1, pp. 44–53. doi: [10.1080/14682761.2019.1689738](https://doi.org/10.1080/14682761.2019.1689738)
- Power E. R. (2019) Assembling the Capacity to Care: Caring-With Precarious Housing. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 44, no 4, pp. 763–777. doi: [10.1111/tran.12306](https://doi.org/10.1111/tran.12306)
- Ronald R., Arundel R. (eds) (2022) *Families, Housing and Property Wealth in a Neoliberal World*, New York: Routledge. doi: [10.4324/9781003092117](https://doi.org/10.4324/9781003092117)
- Samec T. H., Decker A., Trlifajová L. (2024) Consumption Loans Consuming Homes: Intersections of Housing Precarity and Personal Overindebtedness. *International Journal of Housing Policy*, vol. 24, no 3, pp. 501–520. doi: [10.1080/19491247.2024.2350134](https://doi.org/10.1080/19491247.2024.2350134)

- Sakali C., Karyotis T. (2022) Can't #StayAtHome without a Home: Politics of Housing Precarity in Greece in the Time of Pandemic. *Luchas Invisibles en Tiempos de Pandemia*, vol. II (eds. C. Petropoulou, J. Holloway, F. Matamoros Ponce, E. González Cruz, P. Doulos, M. A. Melgarejo Pérez, D. Tzanetatos, K. Zafeiris, C. Tsavdaroglou), Mytilene, Greece: University of the Aegean; Puebla, Mexico: Universidad Autónoma de Puebla, pp. 339–366.
- Sherrell K., D'Addario S., Hiebert D. (2007) On the Outside Looking in: The Precarious Housing Situations of Successful Refugee Claimants in the GVRD. *Refuge*, vol. 24, no 2, pp. 64–75. doi: [10.25071/1920-7336.21385](https://doi.org/10.25071/1920-7336.21385)
- Shier M. L., Graham J. R., Fukuda E., Turner A. (2016) Predictors of Living in Precarious Housing Among Immigrants Accessing Housing Support Services. *Journal of International Migration and Integration*, vol. 17, no 1, pp. 173–192. doi: [10.1007/s12134-014-0396-7](https://doi.org/10.1007/s12134-014-0396-7)
- Waldron R. (2024) Responding to Housing Precarity: The Coping Strategies of Generation Rent. *Housing Studies*, vol. 39, no 1, pp. 124–145. doi: [10.1080/02673037.2021.2022606](https://doi.org/10.1080/02673037.2021.2022606)
- Winkler K., Wyss A. (2026) Intersecting Precarities in Housing and Legal Status: No Residence Permit Without Permanent Residence. *Critical Sociology*, vol. 52, no 2, pp. 347–364. doi: [10.1177/08969205251316143](https://doi.org/10.1177/08969205251316143)
- Wood G. A., Smith S. J., Cigdem M., Ong R. (2017) Life on the Edge: A Perspective on Precarious Home Ownership in Australia and the UK. *International Journal of Housing Policy*, vol. 17, no 2, pp. 201–226. doi: [10.1080/14616718.2015.1115225](https://doi.org/10.1080/14616718.2015.1115225)

Received: August 18, 2025

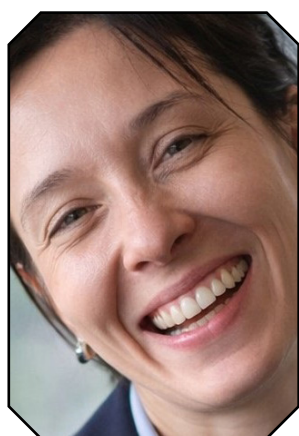
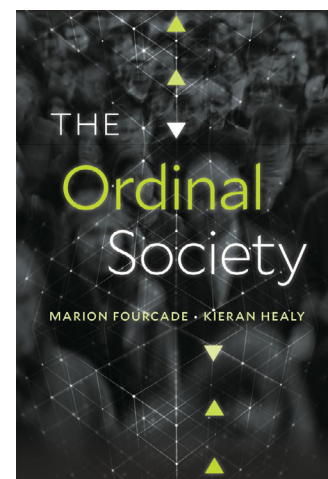
Citation: Litvintsev D. (2026) Mnogoospektnost zhilishchnoy prekarnosti: kontseptualnye podkhody i institutsionalnye rakursy [Multifaceted Nature of Housing Precarity: Conceptual Approaches and Institutional Perspectives]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 27, no 3, pp. 54–74. doi: [10.17323/1726-3247-2026-3-54-74](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2026-3-54-74) (in Russian).

НОВЫЕ КНИГИ

Е. С. Белявская

Табель о рангах в цифровую эпоху¹

Рецензия на книгу: Fourcade M., Healy K. 2024. *The Ordinal Society*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 384 p.

БЕЛЯВСКАЯ Елена Сергеевна — кандидат социологических наук, эксперт ЛЭСИ НИУ ВШЭ.
Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: belyavskaia.e@yandex.ru

Рецензия посвящена вышедшей в 2024 г. книге Марион Фуркад и Кирана Хили «The Ordinal Society» («Общество рангов»), которая предлагает читателю общую теорию цифрового капитализма.

Главная идея книги состоит в том, что современное общество всё в большей степени организуется через измерение, сортировку и оценочное упорядочивание людей, вещей и действий. Такое упорядочивание становится фундаментальным принципом социальной координации. В рецензии рассматриваются основные понятия книги: платформенная эксфильтрация социальности, понимаемая как извлечение данных из повседневных социальных взаимодействий; эйгенкапитал как новая форма цифрового капитала, а также «ситуация классификации», производящая социальную иерархию, внизу которой оказывается новый депривированный класс — люмпенскориариат.

Отдельно обсуждаются критические отклики на книгу в международных журналах, подчёркивающие, что концепция Фуркад и Хили слишком рано объявляет наблюдаемые процессы тотальными, не до конца объясняет, как эйгенкапитал превращается в реальные конкурентные преимущества и заново описывает старые формы социального неравенства, но на этот раз на языке цифрового порядка.

Обращаясь к российскому опыту цифровизации, рецензия подмечает важное ограничение книги. У Фуркад и Хили создание цифровой «считываемости» человека фактически связано с рыночной логикой платформизации, тогда как российский случай иллюстрирует усиление алгоритмического упорядочивания граждан через государственно-директивные формы цифрового контроля.

В целом рецензент полагает, что действительно общая теория рангового общества ещё впереди, и для её построения нужна сравнительная перспектива, учитывающая незападные траектории цифровизации, а также анализ не только экономических сфер, но и межчеловеческих отношений.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-45).

Ключевые слова: надзорный капитализм; платформенный капитализм; алгоритмическое управление; цифровое неравенство; социология оценивания; коммодификация данных; цифровизация; социальная стратификация.

Введение

Книга профессоров Марион Фуркад и Кирана Хили «Общество рангов» («*The Ordinal Society*»), вышедшая в 2024 г., претендует на статус новой социологической классики, предлагая общую теорию цифрового капитализма.

Именно её обсуждали на Специальном книжном салоне (Featured Book Salon) ежегодной конференции Общества содействия развитию социоэкономики (SASE) в Лимерике в 2024 г.² В 2025 г. издание было удостоено книжной премии имени Вивианы Зелизер секции по экономической социологии Американской социологической ассоциации.

Основной тезис Фуркад и Хили состоит в том, что в наиболее технологически развитых точках мира, прежде всего в американской Кремниевой долине, возложенные на цифровые технологии ожидания свободы от государства и корпораций обернулись новыми формами порабощения человека, а фундаментальная логика организации социальной жизни стала порядковой — в алгоритмическом смысле.

Оценки в школе, стандартизированные квалификационные тесты, спортивные рейтинги, кредитный скоринг, оценка личных рисков при страховании, рейтинги водителей и пассажиров такси, продавцов и покупателей маркетплейсов, фрилансеров и заказчиков на цифровых платформах, число подписчиков и лайков в социальных сетях, персонализированные цены и скидки — вот приметы социальной жизни, которая всё больше организуется вокруг соизмерения. Основанные на больших массивах поведенческих данных, алгоритмические оценки позиционируются как объективные, за счёт чего начинают использоваться как суждения о ценности человека. В обществе рангов, как показывают Фуркад и Хили, рационализация жизни достигает предела. Мы непрерывно всё калькулируем, взвешиваем и ранжируем — организации, товары, услуги и, что наиболее существенно, самих себя.

Книга состоит из введения, семи глав и заключения. Эмпирическим основанием книги служит широкий корпус кейсов и исследовательских наблюдений, накопленных авторами в ходе многолетней работы с темами классификации, оценки, цифровых метрик и платформенного капитализма.

Повествование строится в основном вокруг США и отчасти вокруг европейского цифрового хозяйствования. Из западных кейсов упоминается Китай. Про Россию в книге ничего не сказано, и это умолчание, как я постараюсь показать, не просто лакуна, а симптом скрытого теоретического допущения.

Сначала я кратко обобщу те идеи книги, которые теоретически сильнее всего меня задели. Затем скажу несколько слов о критике, которую «Общество рангов» уже получило в международных социологических журналах. И наконец, попробую показать, что российский кейс цифрового капитализма не просто добавляет ещё один эмпирический пример к аргументации американских коллег, но обнажает в ней скрытое допущение, возникающее на фоне того, что Фуркад и Хили описывают производство цифровой считываемости и рыночный механизм её распространения как единый процесс, хотя это совпадение не является теоретической аксиомой. Российский материал позволяет увидеть, что ранговое общество накладывается на разные режимы цифровой включённости населения, что потенциально

² См. подробнее: SASE. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://sase.org/events/2024-limerick/> (дата обращения: 10 мая 2026).

порождает шансы и для формирования более общей теории цифрового общества, и для социального сопротивления алгоритмическому порядку.

Общее содержание книги

Книга написана про Кремниевую долину и, скорее всего, во многом — для неё, ведь американская социология сегодня тревожно осмысляет исходящие от этого инновационного кластера риски технологизированного, бесчеловечного (*non-human*) будущего, а именно усиление алгоритмического контроля, эрозию приватности, углубление социального неравенства и постепенную дегуманизацию социальных институтов.

Для Фуркад и Хили Кремниевая долина важна не просто как центр технологий, но как культурный проект, выросший из калифорнийской контркультуры 1960-х гг. с её мечтой о свободе, горизонтальных связях, низовой самоорганизации и недоверием к государству и бюрократии [Fourcade, Nealy 2024: 7–9]. В 1990-е эта мечта была перенесена в цифровую сферу. Выросший из финансируемых Министерством обороны США исследовательских проектов Интернет странным образом мыслился этой контркультурой как пространство прямого и свободного общения вне централизованного контроля. Казалось, что новая социальная свобода будет эффектом правильно устроенной технологии, а не политической борьбы. Однако, как показывают авторы рецензируемой книги, цифровые свободы обернулись социальной угрозой, как только платформы сделали общение, связи между людьми и данные об их поведении своим источником прибыли. Теперь данные производятся распределённо — миллионами пользователей в повседневных действиях, но власть над их агрегацией, обработкой и использованием концентрируется у небольшого числа платформ. Такая эпистемическая власть платформ порождает мир, где универсальным принципом координации становится измерение, а доступ к социальным возможностям всё чаще регулируется через рейтинги. Обещание свободы, выбора и персонализации сохраняется, но на практике алгоритмы ранжируют людей, модулируют их жизненные шансы и перераспределяют ресурсы в пользу доминирующих рыночных игроков.

Выведенные алгоритмами решения заявляются их владельцами как доказанные данными, однако цель Фуркад и Хили состоит в том, чтобы привлечь внимание к тому, что дизайн самих алгоритмов манипулятивен. Навигатор в автомобиле не просто помогает водителю доехать до пункта назначения, а маршрутизирует его. Он в реальном времени отслеживает поток, даёт подсказки, предлагает «более короткий маршрут», сообщает о камерах и закрытых съездах, а пользователь, следуя этим советам, одновременно сам производит и поведение, и новые данные, которые система затем использует для управления дорожным движением [Fourcade, Nealy 2024: 24–25].

При этом для Фуркад и Хили особенно важно, что цифровые технологии распространяются не через принуждение, а через удовольствие и удобство [Fourcade, Nealy 2024: 28–30], расширяя своё присутствие в логике дара [Ibid: 33–35]. Платформы дают пользователям скорость, комфорт, персонализацию, чувство технологической компетентности, не акцентируя, что взамен получают данные, привязывающие человека к ним. За счёт технологий удержания внимания и геймификации платформы создают среду, где пользователю часто легче по инерции согласиться на то, что нужно платформе, — остаться, подписаться или разрешить сбор данных, — чем отказаться.

Фуркад и Хили специально оговариваются, что сама по себе классификация людей не является изобретением цифровой эпохи. Формальные бюрократии всегда распределяли индивидов по категориям, а страхование и кредитные рынки задолго до цифровизации применяли собственные техники оценки риска и платежеспособности. Речь идёт не о противопоставлении цифрового упорядочивания бюрократии как таковой, а о различии между бюрократическими системами классификации, основанными

на фиксированных категориях, документах и процедурах, и современными системами, работающими с большими массивами поведенческих данных. В этом смысле цифровая революция скорее усилила существующие социальные практики, чем изобрела принципиально новые. Но это усиление не следует недооценивать.

То, что раньше существовало как живое взаимодействие между людьми, — доверие, дружба, внимание, общение, репутация, жесты признания, предпочтения, — теперь превращается в исчислимый цифровой ресурс. Именно этот процесс Фуркад и Хили, заимствуя термин из кибербезопасности, называют «эксфильтрацией» (*exfiltration*) социальности: социальная жизнь как бы вытягивается наружу в виде данных и становится доступной для хранения, анализа, алгоритмической оценки и продажи [Fourcade, Healy 2024: 45–50]. Более того, платформы не просто извлекают данные из уже существующей социальности, но и сами участвуют в её производстве. Так, рекомендации в социальных сетях — «люди, которых вы можете знать», «люди, за которыми вам может быть интересно следовать» — не только помогают пользователю ориентироваться в сети, но и направляют его, акцентируют его внимание, формируют новые связи и перестраивают структуру его социального окружения. Лайки в этой системе оказываются не просто средством выражения эмоций, а способом превратить эмоциональный отклик в считываемую и считаемую форму. То, что раньше было словом, становится числом, а число — материалом для дальнейшего ранжирования и управления. Дизайн эмодзи, по мнению авторов, тоже сконструирован как сигнал об эмоциональном состоянии пользователя. При этом, например, смайлики с разным цветом кожи можно считать и как шаг в сторону социальной инклюзии, и как возможность исподволь собирать данные об этничности пользователя [Fourcade, Healy 2024: 48–49].

Новый императив «собирать данные, измерять их и учиться на них» ложится на укоренившуюся парадигму эффективного управления через статистику, учёт и стандартизацию. Только сегодня измерение оказывается гораздо масштабнее — за счёт смартфонов и цифровых сервисов. Государство и бизнес не просто хотят, а структурно вынуждены постоянно собирать данные и делать мир измеряемым, чтобы снижать неопределённость, управлять рисками и повышать эффективность. Организации начинают зависеть от данных, и постепенно возникает рыночная норма, согласно которой «индивид должен быть просчитан», если хочет иметь доступ к кредиту, сервисам, выгодным тарифам и даже к гражданским правам. Банку ценен клиент, который берёт кредит, регулярно платит и приносит процентный доход. Цифровой платформе нужен пользователь, который долго остаётся в приложении, кликает рекламу и возвращается снова. В результате социальная ценность человека приравнивается к его экономической полезности для организации, которая его оценивает.

Алгоритмические системы начинают «учиться», причём машинное обучение делает ставку не на объяснение, а на предсказание и управление поведением. В алгоритмически упорядоченном обществе эталоном рациональности становится «предиктивная рациональность» [Fourcade, Healy 2024: 72–73], в основе которой лежит стремление предсказать и проконтролировать риски за счёт вычислений. Для цифровых сервисов человек предстаёт набором источников возможной прибыли: подписка, комиссия, кредитный процент, страховая премия, реклама, продажа данных. Данные о человеке начинают функционировать как активы, которые агрегируются, стандартизируются, «очищаются» и превращаются в товар, продаваемый на рынках рекламы, скоринга и поведенческого прогнозирования. Такая экономика данных требует развития специальных инфраструктур обмена и посредничества — бирж, аукционов, брокеров данных, цифровых реестров и платформ-посредников. Благодаря этим инфраструктурам разрозненные сведения о человеке начинают циркулировать между секторами экономики [Fourcade, Healy 2024: 63–65].

Обещание децентрализации оказывается одной из идеологических оболочек цифрового капитализма. Блокчейн и криптовалюты заявляются как отказ от централизованных посредников, но в действитель-

ности они часто приводят к новой концентрации власти. Ожидаемая от них цифровая прозрачность оборачивается пузырями, волатильностью и регулярными крахами. Рынки данных оказываются крайне спекулятивными, поскольку предиктивные практики ориентируют экономику и политику на постоянное ожидание будущей стоимости [Fourcade, Nealy 2024: 126–133].

Благодаря цифровизации всех жизненных процессов индивид погружается во всё большую социальную автономию. Его выборы в цифровой среде персонализируются, в результате чего картина мира у каждого оказывается предельно индивидуализированной. Алгоритмы и реклама конструируют для индивида уникальную картину мира, а ответственность за навигацию в этом пространстве перекалдывается на него. В таких обстоятельствах, говорят Фуркад и Хили, культурной моделью поведения становится *браузер* [Fourcade, Nealy 2024: 155–156]. От человека ожидается, что он сам должен искать информацию, сравнивать варианты, выбирать лучшее. То, что раньше делали посредники (врачи, учителя, консультанты, чиновники), теперь перекалдывается на индивида. Платформы же не просто помогают пользователю найти нужное, а всё сильнее подстраивают поиск и рекомендации под свои рекламные интересы. Вмешиваясь в рекомендательные алгоритмы, платформы начинают управлять не только вниманием отдельного человека, но и самой структурой рыночной видимости, влияя на то, какие товары, продавцы и предложения окажутся на виду, а какие будут вытеснены из зоны видимости и останутся незамеченными.

Вместо социальных отношений индивиду постоянно предлагается самооптимизация, во многом обеспечиваемая при поддержке платформ. Авторы разбирают пример с трекерами для ходьбы, показывая, что приложение поощряет выполнение дневной нормы шагов и одновременно побуждает ценить именно этот тип самоконтроля [Fourcade, Nealy 2024: 29–30]. Иными словами, оно не только задаёт способ и продолжительность физической нагрузки, но и формирует критерии «правильного» поведения. Люди превращаются в суверенных субъектов самоорганизации (*self-organization men*), управляемых кибернетически [Fourcade, Nealy 2024: 156–158].

В обществе рангов производство субъектности происходит не столько через идеологическое убеждение, сколько через алгоритмическую организацию среды выбора. Интерфейсы, рекомендации и «заботливо» настроенные подталкивания структурируют поле видимого, желательного и вероятного, тем самым моделируя поведение индивида. Цифровая система управляет человеком, даже не оформляя себя как явное господство. Индивиду навязывается требование прозрачности, аутентифицируемости и пригодности для проверки. Приватность перестаёт быть нормой и начинает вызывать подозрения и недоверие. Цифровые права выглядят освобождающими, но на практике создают новые линии стратификации.

Фуркад и Хили пересматривают веберовское понимание класса применительно к цифровому капитализму и вводят термин «ситуация классификации» (*classification situation*). Он обозначает положение человека внутри алгоритмически создаваемых категорий — в группах кредитного риска, страховых профилях, рекламных сегментах, рейтингах надёжности и репутации, потребительских типах и т. д. Попадание в ту или иную категорию напрямую влияет на жизненные шансы — через доступ к кредиту, выгодному тарифу, работе, видимости, очереди, страховке и другим возможностям [Fourcade, Nealy 2024: 78–79]. В отличие от классических социальных групп (класс, раса, пол), такие позиции являются постдемографическими. Человек оказывается включён в постоянно обновляемую систему алгоритмических различий, где его положение определяется не тем, «кто он» в демографическом смысле, а тем, каким его вычисляет и к какой категории относит цифровая инфраструктура.

Социальная дифференциация задаётся накопленным цифровым ресурсом, который Фуркад и Хили обозначают как *эйгенкапитал* (*eigencapital*), понимая под этим индивидуальный цифровой капитал,

«цифровую репутацию», накопленный человеком запас благонадёжности и удобочитаемости с точки зрения систем цифровой оценки [Fourcade, Healy 2024: 89–96]. Авторы, должно быть, намеренно вводят заимствованный из немецкого языка термин «эйгенкапитал», который звучит не самым привычным образом в английском языке, и используют его для обозначения типа капитала, несводимого ни к экономическому, ни к социальному, ни к культурному в привычном социологическом смысле. *Eigen* в переводе с немецкого означает «собственный», «свойственный». Как объясняют Фуркад и Хили, это слово в науке закрепилось через математику и физику для описания систем, в которых ценность каждого элемента определяется не им самим, а его положением среди других элементов. Именно по этому принципу работает поисковик Google, в котором значимость веб-страницы определяется не просто количеством ссылок на неё, а тем, насколько значимы сами ссылающиеся страницы. Рекомендация от авторитетного источника весит больше, чем десять рекомендаций от неизвестных. Значимость здесь рекурсивна — она порождается самой структурой связей, а не задаётся извне [Fourcade, Healy 2024: 21–22, 87–90]. Авторы предполагают, что в будущем цифровые оценки индивида из разных сред будут сводиться в единый балл, на основании которого в его адрес будут приниматься управленческие решения.

В алгоритмически упорядоченном обществе неравенство проявляется как различие в цифровом доступе внутри экономики премиум-подписок. Пользовательские преимущества зависят от готовности и возможности платить за цифровые привилегии: видимость, позиции в цифровом пространстве, доступы. Особое беспокойство авторов вызывает *люмпенкоритарият* (*lumpenscoretariat*) — новый депривированный класс. К нему относятся люди, которым в силу низких рейтингов и слабого цифрового капитала труднее получить кредит, жильё, работу и другие социальные блага при цифровом капитализме [Fourcade, Healy 2024: 96–97].

Гражданство в алгоритмически упорядоченном обществе тоже становится ранговым [Fourcade, Healy 2024: 168–172]. Если прежде общество боролось за идею, что все граждане равны, то в ординальном обществе гражданин становится оценённым субъектом, не подозревая, что система оценивания на самом деле отражает цели рынков и организаций, а не универсальные моральные принципы.

Постепенная концентрация денежной власти у «магнатов самоорганизации», способных манипулировать алгоритмическими системами, может содействовать усилению авторитарных форм политического правления. Раньше социальные коллапсы ожидалось от анонимного рынка, а теперь — от богатых харизматичных фигур, опирающихся на инфраструктуру алгоритмической мобилизации (вроде Илона Маска, манипулирующего механиками сети Twitter).

Фуркад и Хили считают, что против режима рангов мобилизовать коллективное сопротивление особенно трудно. Во-первых, потому что цифровизация повсеместна. Во-вторых, потому что люди всё сильнее вынуждены сосредотачиваться на самооптимизации и настройке личного профиля. Общество рангов, как указывают авторы, подрывает коллективное сопротивление не только внешним давлением, но и через атомизацию социальной жизни [Fourcade, Healy 2024: 157–158].

В итоге книга показывает, что ординализация — это не просто новый слой оценки поверх привычного социального контроля, а технологическая инфраструктура, которая пересобирает сами основания социальной жизни. Человек всё чаще оценивается не по человеческим добродетелям и гуманистическим ценностям, а по предсказуемости и полезности для конкретной организации (будь то банк, платформа или страховая компания), осуществляющей цифровое управление. Причём, как показывают авторы, платформенный скоринг может быть изначально морализован. В книге приведен пример платформы Airbnb (краткосрочная аренда жилья), которая запатентовала систему оценки «надёжности и совместности» (*trustworthiness and person compatibility score*) своих пользователей. Согласно этой оценке,

прежде чем позволить гостю забронировать жильё, а хозяину — принять арендатора, алгоритм анализирует их цифровые следы (публикации в социальных сетях, стиль переписки на платформе, историю онлайн-активности) и выставляет скрытый балл благонадёжности. При этом в расчёт могут приниматься признаки, которые система расценивает как тревожные: упоминания алкоголя, сексуальный контент, «негативные» личностные черты [Fourcade, Healy 2024: 96]. Под предлогом, что платформа старается отсеять «проблемных» пользователей, моральные представления держателей платформ о респектабельности, допустимости и благонадёжности заранее встраиваются в техническую инфраструктуру оценки. Как следствие, человек может быть понижен в рейтинге или отсечён от сервиса, даже не зная, по каким критериям его депривировали. Таким образом, цифровые показатели звучат как моральные оценки, а общество начинает жить в культуре, в которой «хороший» человек — это человек с «хорошими» метриками [Fourcade, Healy 2024: 178–179].

Научная дискуссия о книге

«Общество рангов» обсуждают исследователи на пересечении экономической социологии, культурной экономики и истории экономической мысли. Рецензии на книгу и дискуссии о ней в последние годы опубликованы в ряде журналов — «European Journal of Sociology» [Díaz Triñanes 2024]; «Acta Sociologica» [Nelson 2025]; «Social Forces» [Kiviat 2025]; «Socio-Economic Review» [Chorev et al. 2026] и др. Предложенная Фуркад и Хили аналитическая оптика однозначно вызывает у коллег интерес. Однако критики подчёркивают необходимость уточнить границы применимости концепции и раскрыть эмпирическое разнообразие форм ординализации.

Наиболее частый упрёк касается тотализирующего характера развиваемого авторами аргумента. Так, Грета Криппнер, участвовавшая в обсуждении книги в журнале «Socio-Economic Review» (см.: [Chorev et al. 2026: 609–613]), замечает, что книга создаёт впечатление, будто ранговое общество уже полностью вытеснило все альтернативные формы социальной жизни, и предлагает помнить об эмпирической мозаичности и амбивалентности цифрового капитализма. Аугусто Диас Триньянес подчёркивает, что Фуркад и Хили описывают изменения, которые ещё не кристаллизовались окончательно, и указывают на рыночные динамики, которые, вероятно, приобретут решающее значение в будущем [Díaz Triñanes 2024].

Сомнения вызывает и концепция эйгенкапитала. Ницан Хорев, также участвовавшая в дискуссии в журнале «Socio-Economic Review» (см.: [Chorev et al. 2026: 601–605]), отмечает, что авторы не проясняют, как именно накопленный цифровой капитал — рейтинги, скоринговые баллы, алгоритмическая репутация — конвертируется в экономические, социальные или символические ресурсы за пределами платформ, и наоборот.

Рецензенты фиксируют и теоретическое напряжение между новизной ординального социального порядка и воспроизводством привычных форм неравенства, указывая, что значительная часть книги посвящена тому, как алгоритмы воспроизводят старые различия расы, класса и гендера [Nelson 2025; Chorev et al. 2026: 603].

Лаура Нельсон, опираясь на Джеймса Скотта, сравнивает цифровые платформы с масштабными модернистскими проектами переустройства общества, вроде советской коллективизации или радикальной перепланировки городов. Такие проекты терпели крах, потому что заменяли живое знание людей об устройстве собственной жизни формальными схемами, удобными для управления сверху. По мнению Нельсон, алгоритмические системы, сводя человека к набору баллов, профилей и категорий риска и отбрасывая всё, что не укладывается в формализованную модель, совершают ту же ошибку. В этой перспективе цифровая «читаемость» индивида предстаёт технологически усиленной версией старой

модернистской веры в то, что мир можно полностью измерить и на этом основании им управлять [Nelson 2025].

Однако, пожалуй, наиболее продуктивный вопрос, объединяющий эти частные замечания, касается географических и институциональных границ предлагаемой авторами теории. Не является ли концепт общества рангов на деле слишком американским?

В 2025 г. Марион Фуркад и Киран Хили опубликовали ответ на англоязычные рецензии, полемизируя в первую очередь с обвинением в тотальности предлагаемой концепции. Они сказали, что мыслят своё исследование диагностическим и видят упорядочивание людей через алгоритмы в Интернете не завершённым процессом, а исторической динамикой, которая вызывает у них мрачные предчувствия политических последствий [Fourcade, Nealy 2025].

Я хотела бы показать, что проблема не только в степени завершённости этого процесса, но и в том, что сама теория Фуркад и Хили содержит скрытое допущение, которое обнажается, как только мы выходим за пределы американского кейса. Парадоксально, но ключ к этому допущению уже был предложен в работе, на которую авторы «Общества рангов» неоднократно ссылаются, — в книге «Эпоха надзорного капитализма» Шосаны Зубофф [Zuboff 2019] (см. также: [Бердышева 2021; Зубофф 2022]).

Зубофф, в отличие от Фуркад и Хили, проводит принципиальное различие между двумя режимами цифрового контроля. Первый — инструментарная власть (*instrumentarian power*), порождаемая рыночными платформами, которые модифицируют поведение пользователей ради извлечения поведенческой добавленной стоимости. Второй — классическая тоталитарная власть, которая опирается на насилие, террор и идеологию. Анализируя китайский гражданский рейтинг, Зубофф показывает, что эти два режима могут срачиваться, порождая гибрид, в котором инструменты надзорного капитализма ставятся на службу государственному контролю [Zuboff 2019]. Тем самым она эксплицитно фиксирует то, что Фуркад и Хили оставляют невысказанным: производство цифровой считываемости и механизм её распространения — это аналитически различные процессы, которые могут приводиться в действие принципиально разными институциональными логиками.

В «Обществе рангов» эти два процесса фактически сливаются в единое целое. В американской модели такое слияние выглядит естественным, потому что оба процесса сходятся в фигуре рыночной платформы, которая одновременно создаёт инфраструктуру измерения и распространяет её через удовольствие и удобство. Пользователь получает условно бесплатный, очень качественный и приятный цифровой сервис, а взамен оставляет данные, которые затем превращаются в компас для таргетирования рекламы и динамического ценообразования. Однако это совпадение — не теоретическая необходимость, а институциональная особенность конкретной модели цифрового капитализма. И именно здесь российский кейс, о котором в книге ничего не говорится, оказывается продуктивным, не столько для введения новой терминологии, сколько для эмпирической демонстрации того расхождения, которое Зубофф зафиксировала теоретически, но Фуркад и Хили не учли, строя свою концепцию ординального общества.

Описанная в «Обществе рангов» модель ординализации, по существу, соответствует тому, что Зубофф анализирует как инструментарную власть. Данные извлекаются как побочный продукт добровольного участия, а привязка к платформе закрепляется через аддиктивный дизайн. Фуркад и Хили подробно описывают, как платформы используют технологии удержания внимания, подстраивают выдачу под уже совершённый выбор, сужают поле альтернатив и превращают удобство в механизм поведенческого управления. При этом в книге авторы мало обсуждают дофаминовую сторону происходящего, ведь платформы явно управляют обществом через воздействие на нервную систему, и цифровому упорядочиванию предшествует социальное формирование платформенной зависимости, укоренение циф-

рового порядка в теле и повседневном ритме пользователей. За пределами обсуждения остаётся то, что цифровая зависимость начинает структурировать образ жизни современного человека, провоцируя различные психологические расстройства [Радаев 2025].

К слову, власти штата Калифорния, с которым, по-видимому, и полемизируют авторы рецензируемой книги, открыто заявляют, что у платформ есть экономический стимул делать свои продукты захватывающими и прилипчивыми. В 2024 г. губернатор Калифорнии подписал законопроект Сената Калифорнии № 976, который называется «Protecting Our Kids from Social Media Addiction Act» («Защита наших детей от медиазависимости»). Закон направлен на ограничение аддиктивных функций онлайн-платформ, включая персонализированные ленты контента для детей и подростков. В 2025 г. был принят законопроект Ассамблеи Калифорнии № 56, обязывающий социальные платформы показывать предупреждения о рисках социальных сетей для психического благополучия несовершеннолетних при первом входе в сеть в течение дня, после трёх часов накопленного активного использования и далее не реже одного раза в час. Иными словами, прежде чем люди станут объектами ранжирования, они целенаправленно втягиваются в инфраструктуры доступа, устройств и практик. И в рамках инструментальной логики такое втягивание осуществляется через телесное удовольствие от удобства и морального удовлетворения от собственной технологической подкованности.

Однако российский опыт показывает, что ординализация может разворачиваться не только в рыночной логике платформенного обмена, но и в гибридной конфигурации, где рыночные и государственно-директивные механизмы сосуществуют и взаимно усиливают друг друга. С одной стороны, цифровые сервисы в России, как и в других платформенных экономиках, собирают данные, формируют профили, ранжируют пользователей, оптимизируют доступ к товарам, услугам, кредитам, занятости и рекламным предложениям. С другой стороны, эти же инфраструктуры оказываются встроенными в систему государственного управления и юридически значимого воздействия. В этом смысле российский случай ближе к тому, что Зубофф описывает как сращивание инструментальной власти с государственным принуждением. Рыночная логика извлечения и обработки данных на продажу здесь дополняется директивной логикой обязательного цифрового присутствия, без которого невозможно (либо крайне сложно) участвовать в гражданской жизни, то есть получать документы, взаимодействовать с учреждениями, устраиваться на работу или пользоваться государственными сервисами. Цифровая видимость становится необходимым условием получения россиянами обязательных государственных услуг, документов, выплат.

На российских примерах видно, как цифровой профиль превращается в канал юридически значимого воздействия, а не только в материал для рекламного таргетирования. Например, электронные повестки на срочную воинскую службу размещаются в личном кабинете на Госуслугах и спустя семь дней после публикации в электронном Реестре повесток считаются вручёнными, даже если человек их не открывал³. Данные о перемещениях человека, доступные правоохранительным органам через операторов связи, такси-агрегаторы, уличные камеры, могут использоваться для реконструкции контактов и маршрутов⁴. В конце 2025 г. газета «Ведомости» писала об эксперименте в Москве со штрафами по камерам с распознаванием лиц, которые смогут выявлять десятки видов административных нарушений, а также о предложениях Минтранса расширить автоматическую обработку биометрических дан-

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. 2023. 14 апреля. Федеральный закон № 127-ФЗ. *Президент России*. Электронный ресурс [режим доступа]: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49156/page/2> (дата обращения: 11 мая 2026).

⁴ Гаврилюк А. 2025. Данные на сдачу: какую информацию об абонентах операторы передадут полиции напрямую. *Forbes Russia*. 6 мая Электронный ресурс [режим доступа]: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/536706-dannye-na-sdachu-kakuu-informaciu-ob-abonentah-operatorov-peredadut-policii-naprjamuu> (дата обращения: 11 мая 2026).

ных и систему штрафов⁵. Если при гедонической ординализации алгоритм вычисляет, какую рекламу показать пользователю, то при государственно-директивной ординализации алгоритм решает, какой юридический акт ему вручить.

Различение и наложение друг на друга двух модусов ординализации в России важно не только описательно. Оно обнажает три теоретических следствия, которые остаются невидимыми, пока мы смотрим на цифровой капитализм только из Кремниевой долины.

Во-первых, обнаруживаются разные прекурсоры общества рангов. У Фуркад и Хили логика рангового общества выглядит как универсальная логика цифрового капитализма, где измерение и скоринг уже глубоко пронизывают социальную жизнь, делая это через рынки, платформы, кредитные рейтинги, репутационные системы и потребительские профили. В этой оптике человек становится видимым прежде всего как потребитель или монетизируемый пользователь, поэтому наиболее уязвимой фигурой у Фуркад и Хили оказывается люмпенскоритарият, то есть те, кто включён в цифровой капитализм, но занимает в нём низкие позиции и не обладает достаточным доступом к потреблению. В России через цифровизацию на индивида смотрит не только рынок, но и государство, для которого он важен как получатель учётных документов, выплат и услуг, как налогоплательщик, военнообязанный, адресат административных решений, статистическая единица и объект управленческого воздействия. В этой перспективе низкая платёжеспособность не делает человека незначимым.

Всеобщее алгоритмическое упорядочивание возможно только при условии цифровой включённости населения. И на российском опыте видно, что между «быть измеряемым» и «быть исключённым» лежит более базовый вопрос о том, насколько общество вообще одинаково вошло в цифровую среду, где возможны скоринг, классификация, ранговое гражданство и административное распознавание. Фуркад и Хили предполагают гомогенное цифровое поле, в котором все уже являются объектами ранжирования. Однако российский кейс обнажает дуальную структуру ординального общества, в которой существует ещё более уязвимая позиция, нежели низкий ранг, и её можно обозначить как *неоценённость*, выпадение из самой системы классификации.

Для значительной части российского населения, особенно для старших поколений, для села, бедных и малообразованных, главная проблема пока состоит не в том, что их интенсивно ранжируют, а в том, что они не полностью включены в саму цифровую инфраструктуру повседневности [Pishnyak, Khalina, Nazarbaeva 2025]. Неоценённость — это особая форма социального исключения, теоретически не тождественная люмпенскоритарияту Фуркад и Хили.

В целом российский кейс демонстрирует, что ординализация, по крайней мере на данном этапе, охватывает общество неравномерно. Исследования В. Радаева показывают, что межпоколенческие различия значимо влияют на вовлечённость в использование гаджетов, Интернета и соцсети. Разные поколения социализируются в качественно разных цифровых средах. Культурные изменения сначала захватывают молодых, а уже потом старших, и при этом каждое поколение взрослеет на своей технологической сцене [Радаев 2025]. Режим ординализации разворачивается неравномерно и по-разному проживается поколениями.

Во-вторых, разные логики ординализации порождают разные типы субъектов. Инструментарная логика формирует субъекта-браузера, описанного Фуркад и Хили, того, кто самооптимизируется, сравнивает варианты и добровольно предьявляет себя платформе в алгоритмически считываемой форме.

⁵ Акиншина Т. 2025. В столице проведут эксперимент со штрафами по камерам с распознаванием лиц. *Ведомости*. 17 декабря. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/12/17/1163879-v-stolitse-provedut-eksperiment> (дата обращения: 11 мая 2026).

Государственно-директивная логика формирует иного субъекта, того, чья цифровая считываемость возникает не из стремления к персонализированному удобству, а из юридической и бюрократической необходимости. В первом случае ответственность за навигацию перекладывается на индивида как культурная норма; во втором цифровая видимость навязывается как административное требование, и субъект переживает её не как расширение возможностей, а как принуждение.

В-третьих, Фуркад и Хили настаивают на том, что рыночной ординализации невозможно сопротивляться, так как индивид захвачен её гедонистической стороной.

Авторы ничего не говорят о сопротивлении консьюмеризму как таковому, подозревая, вероятно, что диджитализированный рынок способен распознать и монетизировать не только потребителя, но и «антипотребителя». Отказ от избыточного потребления, минимализм, экологичность, философия *Zero Waste* («Ноль отходов»), локальное потребление, интерес к секонд-хенду, отказ от быстрой моды или цифровая аскеза превращаются в различные поведенческие паттерны, которые могут быть зафиксированы, сегментированы и превращены в самостоятельную отрасль, как это происходит с ресейл-платформами типа Vinted, Depop, Poshmark, ThredUp, The RealReal, Vestiaire Collective, StockX и др. Так, по данным опросов, у пользователей Vestiaire Collective ресейл уже составляет 28% гардероба⁶, а глобальный рынок перепродажи может достигнуть 360 млрд дол. к 2030 г. В этом смысле антипотребление оказывается не столько выходом из алгоритмически упорядоченного капитализма, сколько одной из его внутренних позиций.

Однако государственно-директивная ординализация быстрее подводит людей к осознанию нависающего над ними контроля. Китайские исследования показывают, что социальная поддержка цифровизации снижается, когда люди начинают воспринимать её как инструмент массового мониторинга и таргетированной репрессии [Chen, Zhan 2025]. В ответ на алгоритмическое давление люди пытаются сопротивляться, приходя к «алгоритмической солидарности» [Yu, Treré, Bonini 2022]. Например, китайские курьеры доставки еды, чьи жизненные шансы напрямую зависят от платформенного рейтинга, создают неформальные сообщества взаимопомощи. Они коллективно дешифруют логику алгоритма распределения заказов, перехватывают доставки друг у друга, чтобы избежать штрафов за опоздание, и координируют массовые отказы от заказов, вынуждая платформу пересматривать условия [Lei 2021; Yu, Treré, Bonini 2022]. Ординальная система, рассчитанная на атомизированных исполнителей, оказывается уязвимой перед горизонтальной координацией. И, что существенно, эта форма сопротивления возможна именно потому, что курьеры уже глубоко включены в платформу и понимают её логику изнутри [Lei 2021; Yu, Treré, Bonini 2022].

Из российских исследований цифровизации ретейла [Котельникова 2013] также давно известно, что профессиональные воры не просто подчиняются новым системам контроля, а систематически учатся их обходить, используя фольгу, глушилки, способы взлома датчиков, обсуждают технические новинки на форумах и вырабатывают собственные контртехнологии. Современные системы безопасности хорошо работают против «любителей», но плохо — против профессионалов, и в борьбе с организованным воровством ретейлеры снова вынуждены возвращаться к человеческому фактору — охране, продавцам, обучению персонала [Котельникова 2013]. Иными словами, пока ещё сохраняется надежда, что новые технологии всё же не устраняют социальное действие, а, скорее, перестраивают поле борьбы. Причём при государственно-директивной ординализации сопротивление рождается внутри системы, из знания её механики адаптирующимся к новым цифровым реалиям человеком.

⁶ См., например: Berg M. 2025. 3 Luxury Handbags that Add Capital to Your Closet, According to Resale Data. *Business Insider*. November 18. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://www.businessinsider.com/luxury-bags-best-value-money-investment-hermes-chanel-louis-vuitton-2025-10> (accessed 11 May 2026).

В завершение хочется обратить внимание на недооценённый в других рецензиях аспект книги «Общество рангов». В своём повествовании Фуркад и Хили делают основной акцент на том, как алгоритмические системы формируют для индивида новые «ситуации классификации» прежде всего в хозяйственных доменах — кредитовании, страховании, оценке риска, потреблении и доступе к услугам. Однако рецензируемая книга одновременно инициирует исключительно важную для дальнейших исследований тему платформизации интимности. Авторы показывают, что наряду с социальными сетями одним из ключевых каналов, через которые платформенные механизмы ранжирования, мэтчинга и поведенческой модуляции проникали в повседневную жизнь, были приложения для знакомств [Fourcade, Nealy 2024: 142, 193]. И там, где социальная конкуренция разворачивается за романтических партнёров, алгоритмы ранжируют пользователей не столько на основании человеческих сигналов о симпатии, сколько по логике ранжирования страниц в поисковике, когда значимость профиля определяется не напрямую, а через репутацию тех, кто на него ссылается [Fourcade, Nealy 2024: 193]. Тем самым платформа не нейтрально обеспечивает знакомство, а производит иерархизированное пространство алгоритмической желанности, в котором поощряются встречи между теми, кто уже сумел хорошо встроиться в метрики и ритмы платформы. При этом авторы подчёркивают, что такие системы используют не только явные сигналы влечения, но и вторичные поведенческие следы, фиксируя частоту заходов человека в приложение, объём и стиль самопрезентации, количество и характеристики фотографий. Платформа отслеживает не только предпочтения человека в отношении других пользователей, но и то, насколько активно, дисциплинированно и в алгоритмически считываемой форме он предьявляет себя платформе [Fourcade, Nealy 2024: 194]. Работа Фуркад и Хили, таким образом, позволяет увидеть, что платформизация интимности — это не отдельный сюжет на периферии цифровой экономики, а один из центральных случаев того, как алгоритмическое ранжирование проникает в сферу, где ценность другого человека исторически определялась не метриками, а взаимностью.

Заключение

Вышедшая в 2019 г. «Эпоха надзорного капитализма» Шюшаны Зубофф стала поворотной англоязычной книгой, показавшей, как крупнейшие технологические корпорации негласно извлекают данные о поведении миллионов пользователей и превращают их в товар, продаваемый на рынках предсказания человеческих действий [Zuboff 2019; Бердышева 2021; Зубофф 2022]. Пять лет спустя книга «Общество рангов» Фуркад и Хили сделала следующий шаг, проследив, как из такого хозяйственного порядка вырастает общество, в котором социальная позиция человека и его доступ к социальным благам всё больше определяется алгоритмически, где измерение становится фундаментальным принципом социальной координации, а скоринг — новым языком неравенства.

Российский материал обнажает то, что американским авторам не видно из Кремниевой долины: ординализация не обязательно приходит через удовольствие и удобство, но может навязываться через бюрократическую необходимость и государственные сервисы. Сказанное не опровергает тезис Фуркад и Хили, но показывает, что по-настоящему общая теория алгоритмически упорядоченного общества ещё впереди, и именно сравнительная перспектива, включающая незападные траектории цифровизации, способна её приблизить.

Литература

Бердышева Е. С. 2021. Ящик Скиннера для потребителя. Рецензия на книгу: Zuboff Sh. 2019. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York: Public Affairs. 691 p. *Экономическая социология*. 22 (4): 140–148. doi: [10.17323/1726-3247-2021-4-140-148](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-4-140-148)

- Зубофф Ш. 2022. *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти* (перев. с англ. А. Васильева; под ред. Я. Охонько, А. Смирнова). М.: Изд-во Института Гайдара.
- Котельникова З. В. 2013. Как вещи вторгаются в отношения (на примере противокражного оборудования в магазинах). *Журнал социологии и социальной антропологии*. 16 (4): 186–201.
- Радаев В. В. 2025. Вовлечённость в использование гаджетов и новые формы зависимости: межпоколенческий анализ. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 28 (4): 80–126. doi: [10.31119/jssa.2025.28.4.5](https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.5)
- Bonnamy C. 2025. Marion Fourcade and Kieran Healy, *The Ordinal Society*. *Economia. History, Methodology, Philosophy*. 15 (3): 515–521. doi: [10.4000/15caz](https://doi.org/10.4000/15caz)
- Chen D., Zhan J. V. 2025. When does Surveillance Trigger Resistance? Public Response to Escalating Digital Control in China. *Journal of Chinese Political Science*. Advance article. Available at: <https://rdcu.be/fh7DP> (accessed 11 May 2026). doi: [10.1007/s11366-025-09918-5](https://doi.org/10.1007/s11366-025-09918-5)
- Chorev N. et al. 2026. Symposium on The Ordinal Society. *Socio-Economic Review*. 24 (1): 601–619. doi: [10.1093/ser/mwaf057](https://doi.org/10.1093/ser/mwaf057)
- Díaz Triñanes A. 2024. A Digital Market for a New Society, a Digital Society for a New Market: Marion Fourcade and Kieran Healy, *The Ordinal Society* (Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 2024, 384 p.). *European Journal of Sociology*. 65 (3): 427–431. doi: [10.1017/S0003975624000201](https://doi.org/10.1017/S0003975624000201)
- Fourcade M., Healy K. 2024. *The Ordinal Society*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Fourcade M., Healy K. 2025. Tales of Light and Darkness: A Response to Comments on *The Ordinal Society*. *Journal of Cultural Economy*. 19 (1): 167–169. doi: [10.1080/17530350.2025.2523767](https://doi.org/10.1080/17530350.2025.2523767)
- Kiviat B. 2025. Review of “*The Ordinal Society*”. *Social Forces*. 103 (4): e18. doi: [10.1093/sf/soaf006](https://doi.org/10.1093/sf/soaf006)
- Lei Y.-W. 2021. Delivering Solidarity: Platform Architecture and Collective Contention in China’s Platform Economy. *American Sociological Review*. 86 (2): 279–309.
- Nelson L. K. 2025. Marion Fourcade and Kieran Healy, *The Ordinal Society* (2024). Harvard University Press. 384 Pages. *Acta Sociologica*. 69 (1): 150–152. doi: [10.1177/00016993251351777](https://doi.org/10.1177/00016993251351777)
- Pishnyak A., Khalina N., Nazarbaeva E. 2025. Core Aspects of Digital Exclusion among the Russian Population. *Technological Forecasting and Social Change*. 216 (4): 124153. doi: [10.1016/j.techfore.2025.124153](https://doi.org/10.1016/j.techfore.2025.124153)
- Yu Z., Treré E., Bonini T. 2022. The Emergence of Algorithmic Solidarity: Unveiling Mutual Aid Practices and Resistance among Chinese Delivery Workers. *Media International Australia*. 183 (1): 107–123.
- Zuboff Sh. 2019. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York: Public Affairs.

NEW BOOKS

Elena Beliavskaia

Table of Ranks for the Digital Age

Book Review: Fourcade M., Healy K. (2024) *The Ordinal Society*, Cambridge, MA: Harvard University Press. 384 p.

BELIAVSKAIA, Elena —
Candidate of Sciences
in Sociology, Expert,
Laboratory for Studies
in Economic Sociology,
HSE University. Address:
20 Myasnitskaya str.,
101000, Moscow, Russian
Federation.

Email: belyavskaia.e@yandex.ru

Abstract

The review examines Marion Fourcade and Kieran Healy's *The Ordinal Society* (Harvard University Press, 2024), a book that offers a broad theoretical account of digital capitalism.

The book's central argument is that contemporary society is increasingly organized through the measurement, sorting, and evaluative ordering of people, objects, and actions. This ordering becomes a fundamental principle of social coordination. The review discusses the book's key concepts: the platform ex-filtration of sociality, understood as the extraction of data from everyday social interactions; eigencapital as a new form of digital capital; and the "classification situation," which produces social hierarchies at the bottom of which stands

a newly disadvantaged class — the lumpenscoretariat.

The review also considers critical responses to the book published in international journals. These critiques argue that Fourcade and Healy may be too quick to present the processes they describe as totalizing; that they do not fully explain how eigencapital is converted into concrete advantages; and that they redescribe older forms of social inequality in the language of digital ordering.

By turning to the Russian experience of digitalization, the review identifies an important limitation of the book. In Fourcade and Healy's account, the production of a person's digital "legibility" is largely tied to the market logic of platformization. The Russian case, by contrast, illustrates the intensification of algorithmic ordering through state-directed forms of digital control.

Overall, the review argues that a genuinely general theory of ordinal society remains to be developed. Building such a theory requires a comparative perspective that accounts for non-Western trajectories of digitalization, as well as an analysis that extends beyond economic domains to include interpersonal relations.

Keywords: surveillance capitalism; platform capitalism; algorithmic governance; digital inequality; sociology of valuation; commodification of data; digitalization; social stratification.

Acknowledgements

The article is an output of a research project (HSE-BR-2025-45) implemented as part of the Basic Research Program at HSE University.

References

- Berdysheva E. S. (2021) Yashik Skinnera dlya potrebitelya [Skinner's Box for the Consumer. Book Review: Zuboff Sh. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*, New York: Public Affairs. 691 p.]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 4, pp. 140–148. doi: [10.17323/1726-3247-2021-4-140-148](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-4-140-148) (in Russian).
- Bonnamy C. (2025) Marion Fourcade and Kieran Healy, *The Ordinal Society*. *Æconomia. History, Methodology, Philosophy*, vol. 15, no 3, pp. 515–521. doi: [10.4000/15caz](https://doi.org/10.4000/15caz).
- Chen D., Zhan J. V. (2025) When Does Surveillance Trigger Resistance? Public Response to Escalating Digital Control in China. *Journal of Chinese Political Science*. Advance article. Available at: <https://rdcu.be/fh7DP> (accessed 11 May 2026). doi: [10.1007/s11366-025-09918-5](https://doi.org/10.1007/s11366-025-09918-5).
- Chorev N., Pardo-Guerra J. P., Krippner G. R., Fourcade M., Healy K. (2026) Symposium on The Ordinal Society. *Socio-Economic Review*, vol. 24, no 1, pp. 601–619. doi: [10.1093/ser/mwaf057](https://doi.org/10.1093/ser/mwaf057).
- Díaz Triñanes A. (2024) A Digital Market for a New Society, a Digital Society for a New Market: Marion Fourcade and Kieran Healy, *The Ordinal Society* (Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 2024, 384 p.). *European Journal of Sociology*, vol. 65, no 3, pp. 427–431. doi: [10.1017/S0003975624000201](https://doi.org/10.1017/S0003975624000201).
- Fourcade M., Healy K. (2024) *The Ordinal Society*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Fourcade M., Healy K. (2025) Tales of Light and Darkness: A Response to Comments on The Ordinal Society. *Journal of Cultural Economy*, vol. 19, no 1, pp. 167–169. doi: [10.1080/17530350.2025.2523767](https://doi.org/10.1080/17530350.2025.2523767).
- Kiviat B. (2025) Review of “The Ordinal Society”. *Social Forces*, vol. 103, no 4, pp. e18. doi: [10.1093/sf/soaf006](https://doi.org/10.1093/sf/soaf006).
- Kotelnikova Z. V. (2013) Kak veshchi vtorgayutsya v otnosheniya (na primere protivokrazhnogo oborudovaniya v magazinakh) [How Things Intrude into Relationships (The Case of Anti-Theft Equipment in Stores)]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology = Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol. 16, no 4, pp. 186–201 (in Russian).
- Lei Y.-W. (2021) Delivering Solidarity: Platform Architecture and Collective Contention in China's Platform Economy. *American Sociological Review*, vol. 86, no 2, pp. 279–309.
- Nelson L. K. (2025) Marion Fourcade and Kieran Healy, *The Ordinal Society* (2024). Harvard University Press. 384 Pages. *Acta Sociologica*, vol. 69, no 1, pp. 150–152. doi: [10.1177/00016993251351777](https://doi.org/10.1177/00016993251351777).
- Pishnyak A., Khalina N., Nazarbaeva E. (2025) Core Aspects of Digital Exclusion among the Russian Population. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 216, no 4, art. 124153. doi: [10.1016/j.techfore.2025.124153](https://doi.org/10.1016/j.techfore.2025.124153)
- Radaev V. V. (2025) Vovlechyonnost v ispolzovanie gadzhetov i novye phormy zavisimosti: mezhpokolencheskiy analiz [Engagement in the Use of Gadgets and New Forms of Addiction: Intergenerational Analysis]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology = Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol. 28, no 4, pp. 80–126. doi: [10.31119/jssa.2025.28.4.5](https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.5) (in Russian).

Yu Z., Treré E., Bonini T. (2022) The Emergence of Algorithmic Solidarity: Unveiling Mutual Aid Practices and Resistance among Chinese Delivery Workers. *Media International Australia*, vol. 183, no 1, pp. 107–123.

Zuboff Sh. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*, New York: Public Affairs.

Zuboff Sh. (2022) *Epokha nadzornogo kapitalizma: Bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti* [The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power], Moscow: Gaidar Institute Press (in Russian).

Received: April 11, 2026

Citation: Beliavskaia E. (2026) Tabel o rangakh v tsiphrovuyu epokhu [Table of Ranks for the Digital Age. Book Review: Fourcade M., Healy K. (2024) *The Ordinal Society*, Cambridge, MA: Harvard University Press. 384 p.]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 27, no 3, pp. 75–90. doi: [10.17323/1726-3247-2026-3-75-90](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2026-3-75-90) (in Russian).

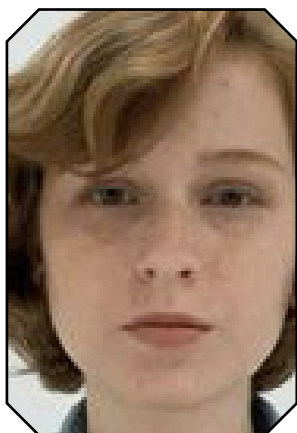
КОНФЕРЕНЦИИ

Д. Р. Лебедева

XXVI Апрельская международная научная конференция имени Е. Г. Ясина

Сессия «Нестандартные формы потребления: роль технологий, эмоций и морали»¹

НИУ ВШЭ, Москва, Россия, 14 апреля 2026 г.

**ЛЕБЕДЕВА Дарья
Руслановна** —

кандидат
социологических наук,
младший научный
сотрудник Лаборатории
экономико-

социологических
исследований (ЛЭСИ),
преподаватель кафедры
экономической
социологии НИУ ВШЭ.

Адрес: 101000, Россия,
Москва, ул. Мясницкая,
д. 20.

Email: dlebedeva@hse.ru

В рамках XXVI Апрельской международной научной конференции имени Е. Г. Ясина 14 апреля 2026 г. прошла сессия «Нестандартные формы потребления: роль технологий, эмоций и морали». Она была посвящена формам потребительского поведения, выходящим за пределы привычной рациональной модели выбора. Сессия объединила исследователей, занимающихся экономической социологией, психологией и институциональной экономикой, вокруг вопроса о природе потребительского поведения, выходящего за пределы стандартной модели рационального выбора. В пяти докладах были представлены сравнительный анализ форм нестандартного потребления (В. В. Радаев); этическое потребление как инструмент гражданственности (М. А. Шабанова); психологические механизмы ностальгического потребления (Т. А. Нестик); показное потребление через институт потребительского кредитования (А. В. Верников, А. А. Курышева); компульсивное потребление как форма аддикции (О. С. Дейнека). Были выделены три сквозных концептуальных напряжения: вопрос об открытости и границах типологии нестандартного потребления; проблема аналитической разницы между формами при их эмпирическом пересечении; оспаривание самого концепта «нестандартного» в логике множественности форм рациональности в социологии.

Ключевые слова: нестандартное потребление; этическое потребление; ностальгическое потребление; показное потребление; компульсивное потребление; рациональность потребителя; социология потребления; теория практик.

Введение

Социология потребления переживает новый расцвет, становясь не только классическим, но и теоретически и практически насущным исследовательским фокусом [Кондратенко 2025; Котельникова, Радаев, Синявская 2025]. Внешние шоки и поликризисы последних лет, такие как пандемия, геополитическая турбулентность, цифровая трансформация всех рынков, подсветили пределы стандартных моделей потребительского поведения. Именно в этом контексте череды кризисов, которые можно считать одним длительным кризисным периодом [Радаев 2023], приобретает особую значимость дискуссия,

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-45).

состоявшаяся на сессии Vd-14-2 «Нестандартные формы потребления: роль технологий, эмоций и морали» в рамках XXVI Апрельской международной научной конференции имени Е. Г. Ясина (НИУ ВШЭ). Участники сессии попытались понять, объяснить и запустить междисциплинарный диалог о поведении, отличающемся от привычных рациональных потребительских схем, которые заключаются в устойчивом следовании индивидов своему экономическому интересу и зачастую сопряжены с излишними покупками, превышающими текущие потребности и (или) и финансовые возможности [Радаев 2025].

Пять докладов, представленных на сессии, охватили широкий спектр выходящих за пределы стандартной экономической модели форм потребления: сравнительная перспектива на паническое, импульсивное, компульсивное, статусное и этическое потребление (В. В. Радаев); этическое потребление как инструмент гражданственности в перспективе десяти лет (М. А. Шабанова); ностальгическое потребление как механизм получения эмоциональной поддержки (Т. А. Нестик); показное потребление в долг как институциональная норма (А. В. Верников и А. А. Курышева); компульсивное потребление как форма аддикции (О. С. Дейнека). Междисциплинарный состав докладчиков из социологов, психологов, экономистов сам по себе стал важным вкладом в исследовательское поле потребления.

В данном тексте мы представим содержание прозвучавших выступлений и дискуссии, а также предложим теоретическую рефлексию сессии, сформулировав сквозные концепции для обсуждения. Мы постараемся показать, не только как концепции возникали в разных докладах, но и каким образом они могут быть соотнесены с более широкой дискуссией в современной экономической социологии.

Основные тезисы

Открывающий доклад В. В. Радаева (профессор департамента социологии, руководитель Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) НИУ ВШЭ) выполнял задачи введения, предлагая единый концептуальный каркас для последующего обсуждения конкретных форм нестандартного потребления. В центре доклада были вопросы о том, что объединяет представленные формы, насколько они распространены в современной России и каковы их последствия для потребителей. Следуя своему эмпирическому исследованию [Радаев 2025], Вадим Валерьевич в докладе выделил и тезисно обсудил пять основных форм потребления: (1) паническое (ажитажный спрос); (2) импульсивное (спонтанные покупки); (3) компульсивное (шопоголизм); (4) статусное (для того, чтобы произвести впечатление); (5) этическое (следование моральным нормам). Каждая форма была описана через специфические мотивы, функции, причины и триггеры, механизмы порождения. На эмпирических данных общероссийского репрезентативного опроса, проведённого в 2023 и 2024 гг., было показано, что хотя бы в одну из пяти форм вовлечены почти половина опрошенных россиян (48%). Наиболее распространены импульсивное (29,9%) и компульсивное (28,4%) потребление, паническое и этическое охватывают около 7,5% респондентов, статусное — лишь 4,4%.

В заключение доклада В. В. Радаев предположил, что распространённость нестандартных форм будет возрастать по мере накопления внешних шоков, в ходе развития онлайн-торговли и из-за усиления давления социального сравнения через цифровые медиа. Однако не стоит возлагать на потребление надежды в компенсации последствий кризисов для индивидов: потребление не приводит к росту удовлетворённости жизнью и не решает корневых проблем, а лишь временно позволяет их избежать, формируя замкнутый круг нехимических зависимостей.

Доклад Марины Андриановны Шабановой (профессор департамента прикладной экономики, ведущий научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ) преследовал две цели: во-первых, снять основную часть критики в адрес феномена этического потребления путём теоретической реконструкции современной академической дискуссии;

во-вторых, на основе эмпирических данных представить динамику этического потребления в России в 2014–2024 гг. Марина Андриановна ввела в своём докладе три базовых признака феномена этического потребления:

- наличие у потребителя проэкологических и (или) просоциальных ценностных установок и стремлений, то есть ориентации на благополучие других (нынешних и будущих) поколений;
- признание эгоистических мотивов наряду с моральными. В частности, «эффект тёплого свечения» [Andreoni 1990] означает, что забота о других сама по себе приносит удовольствие, превращая моральный выбор в часть функции индивидуальной полезности;
- охват всех стадий обращения с благами: приобретение, использование и избавление. По мнению исследовательницы, число охватываемых стадий выступает индикатором зрелости феномена и может быть сигналом об «узких местах» и о наиболее привлекательных и (или) доступных каналах «входа» в этическое потребление.

Эти признаки позволяют аналитически и эмпирически разделить собственно этическое и квазиэтическое потребление, которые, будучи схожими поведенческими актами, могут иметь принципиально разную мотивацию. Также с их помощью можно ответить на критические аргументы по поводу понятия «этическое потребление», поскольку феномен не сводится к индивидуализированным практикам слабых акторов, а является средством проявления гражданственности и инструментом голосования за лучший мир.

Эмпирические данные за 10 лет усилили теоретическое значение исследования М. А. Шабановой, что показал и её доклад, дав возможность увидеть устойчивость феномена даже в кризисные периоды. Этическое потребление, по мнению М. А. Шабановой, расширяет гражданское общество одновременно «вглубь», вовлекая уже активных членов формальных структур, и «вширь», приводя в него новых акторов, не включённых в традиционные солидарные практики.

В докладе Тимофея Александровича Нестика (профессор РАН, заведующий Лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН) были представлены результаты серии оригинальных эмпирических исследований, проведённых в 2025 г. и посвящённых психологическим механизмам ностальгического потребления. Эта форма потребительского поведения не была отражена в базовой типологии В. В. Радаева, но органично вписалась в единую логику сессии. Докладчик определил ностальгическое потребление через предпочтение товаров и услуг, символически связанных с индивидуальным или коллективным прошлым, с напоминающими о нем культурными практиками, образами и местами [Holbrook, Schindler 2003]. В России, как полагает докладчик, ностальгическое потребление особенно заметно в гастрономии и музыкальных предпочтениях, а его интенсификация в 2020-е гг. связана с травматическим опытом пандемии и геополитического конфликта. Две шкалы, применённые автором к ностальгическому потреблению, продемонстрировали амбивалентность феномена: ностальгическое потребление связано, с одной стороны, с фатализмом, низкой самооценкой, ориентацией на настоящее и компульсивным потреблением; с другой — с поиском смысла жизни, интересом к долгосрочному будущему, доброжелательностью и социальным воображением. Таким образом, ностальгия обращена не в прошлое, а в будущее, представляя собой «механизм преадаптации», восстанавливающий психологическое благополучие индивида через поддержание долгосрочной ориентации, веры в осмысленность мира и жизнестойкости.

Доклад Андрея Владимировича Верникова (главный научный сотрудник Центра институционально-эволюционной экономики Института экономики РАН), соавтором которого была Анна Александровна Курышева (старший научный сотрудник научной лаборатории «Институциональный анализ экономи-

ки» Южного федерального университета — ЮФУ), представил институциональный взгляд на показное потребление, которое сами авторы называли «опережающее потребление», имея в виду покупку на незаработанные средства — в кредит или в долг.

Теоретическая рамка доклада была выстроена вокруг вебленовской традиции видеть потребляемые вещи как символы социального позиционирования. Вместе с тем авторы настаивали на важном, но часто упускаемом тезисе: показное потребление свойственно любым социальным группам, в том числе малообеспеченным, которые не могут себе его позволить, но тем не менее к нему стремятся через институты потребительского кредитования. Основываясь на эмпирических данных, докладчики отметили рост потребительских притязаний независимо от темпов инфляции и изменения реальных доходов, а также выяснили, что заёмщики зачастую не осознают показной характер мотивов своего поведения и апеллируют к разнообразным рационализациям.

Доклад Ольги Сергеевны Дейнеки (профессор кафедры политической психологии Санкт-Петербургского государственного университета — СПбГУ) дополнил складывающуюся междисциплинарную картину и предложил клинически ориентированный психологический взгляд на компульсивное потребление — форму нестандартного потребления, обозначенную В. В. Радаевым, но требующую, по мнению докладчицы, самостоятельного инструментария и специфической (в том числе менее осуждающей) интерпретации. Компульсивное потребление было определено в докладе как хроническое, повторяющееся приобретение товаров, являющееся основной реакцией на негативные события и чувства (то есть как форма аутотерапии в ситуации тревоги и депрессии); оно включает симптомы, эквивалентные тяге и абстиненции [Lejoyeux, Weinstein 2010]. Ольга Сергеевна Дейнека в докладе зафиксировала два ключевых методологических затруднения в изучении феномена компульсивного потребления:

- неосознаваемый характер: потребитель нередко не способен объяснить своё поведение, а внешний наблюдатель может принять компульсивное поведение за импульсивное или демонстративное;
- процессуальность: компульсивное потребление разворачивается как последовательность психологически различных фаз — от предвкушения, подготовки, покупки, траты до чувства вины и раскаяния. Включение раскаяния в аналитическую схему отличает психологический подход от социологического, ориентированного преимущественно на измерение частоты актов покупки, создавая важный научный вклад в исследовательское поле потребления.

Эмпирическими данными своего исследования докладчица подтвердила значимые корреляции компульсивных покупок с нервозностью (в том числе финансовой), стрессом, депрессией и использованием денег как инструмента влияния, описав профиль компульсивного потребителя через тревожность, депрессию, материализм, импульсивность, нейротизм, нарушенный самоконтроль, склонность к дорогостоящим покупкам и пересечение с другими аддиктивными паттернами. Наиболее уязвимой группой оказались индивиды в возрасте 18–24 лет: именно для них пересекаются факторы цифровизации, доступности онлайн-торговли, воздействия социальных сетей и акционных механик.

Дискуссия после сессии: какие исследовательские вызовы предстоит решить

Состоявшееся обсуждение помогло обнаружить несколько линий напряжения, которые формируют академически важные и продуктивные зоны для дальнейшей исследовательской работы.

Прежде всего, обсуждение затронуло границы выработанной типологии нестандартного потребления. Исходная классификация В. В. Радаева была представлена как аналитический инструмент, а не как

исчерпывающий список, и в ходе сессии этот методологический каркас был испытан на прочность. Так, ностальгическое потребление оформилось как автономная потребительская форма с самостоятельными психологическими механизмами и функциями; опережающее (показное) потребление позиционировалось как институционально укоренённая практика, несводимая к импульсивности или демонстративности; поступал вопрос о включении потребительского патриотизма как ещё одной формы нестандартного потребления, логически не редуцируемой ни к этическим, ни к статусным покупкам.

Впрочем, мы предлагаем рассматривать предложенные пять форм как один из вариантов классификации эмпирически наблюдаемых практик, а не как окончательный список поведенческих стратегий. Ведь и теоретик практик (в том числе потребительских) Алан Уорд настаивает на том, что в социологии потребления единицей анализа должна быть именно практика, иначе любая типология неизбежно будет незавершённой, поскольку практики исторически изменчивы и контекстуально специфичны, конструируются пересечением культурных аспектов, рыночных условий и телесных диспозиций [Warde 2005].

Обсуждая типологию и варианты её доработки, также представляется важным отметить, что заявленные потребительские формы пересекаются по своим внешним проявлениям и демонстрируют статистически значимые корреляции. В связи с этим эмпирически необходимо фиксировать социальные значения практик через их субъективные смыслы для индивидов, то есть с методологической точки зрения изучать любые формы потребительского поведения через их смысловую структуру (к чему, впрочем, А. Уорд также призывал исследователей [Warde 2005]) в логике качественного исследования. Приложение к феномену такой оптики могло бы сгладить высокую сензитивность темы и неосознаваемый характер многих представленных потребительских форм.

Однако наиболее острый теоретический вызов был, на наш взгляд, сформулирован А. В. Верниковым и проблематизировал само понятие «нестандартное потребление». Является ли показное потребление действительно нестандартным в смысле нерасчётливого или противоречащего долгосрочным интересам поведения? Не является ли статусная логика просчитанной и последовательной? Сессия показала, что сами критерии (не)стандартности потребления требуют переосмысления, поскольку социальные акторы апеллируют к различным способам обоснования ценности, и действие, нерациональное в одном режиме, вполне оправдано в другом [Болтански, Тевено 2013].

Заключение

Сессия «Нестандартные формы потребления: роль технологий, эмоций и морали» не дала на поставленные теоретические и методологические вопросы окончательных ответов, и именно поэтому была продуктивной, обозначив вопросы, с которыми экономической социологии, в том числе в области потребления, предстоит работать в ближайшие годы.

В ходе обсуждения, которое сфокусировалось на конкретных формах нестандартного потребления и их эмпирическом измерении, была возможность проговорить темы наибольшего теоретического и методологического напряжения, пронизывающие современную социологию потребления и находящиеся между систематизацией и открытостью предмета, между поведенческой и социологической рамками рациональности, между рыночным и политическим измерениями потребительского действия, между количественным измерением поведенческих форм и качественной реконструкцией их мотивации. Этот набор нерешённых вопросов мог бы задать направление дальнейшей исследовательской работы. При этом важно понимать, что нестандартное потребление — это уже не маргинальная аномалия. Вовлечённость почти половины россиян хотя бы в одну из пяти изучаемых форм означает, что это не локальное отклонение от нормы, требующее объяснения и совладания на уровне публичной политики, а, вероятно, новая норма, требующая осмысления.

При этом между частными формами нестандартного потребления пролегает аналитическая, а не эмпирическая граница. Реальные практики пересекаются, мотивации смешиваются, одно и то же действие может быть одновременно импульсивным, статусным и квазиэтичным. Потребительское поведение структурировано одновременно множеством логик, и понимающей социологии стоит работать с этой комплексностью и множественностью как с предметом и не упрощать проблему, требующую решения.

Литература

- Болтански Л., Тевено Л. 2013. *Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов*. М.: Новое литературное обозрение.
- Кондратенко В. А. 2025. Институциональное поле социологии потребления: обзор международных научных центров, ассоциаций и журналов. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 3: 13–35.
- Котельникова З. В., Радаев В. В., Синявская О. В. 2025. Новые формы потребления: социологический анализ. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 3: 3–12.
- Радаев В. В. (отв. ред.) 2023. *Как россияне справляются с новым кризисом: Социально-экономические практики населения*. Научные доклады факультета социальных наук НИУ ВШЭ. 1 (1). М.: Изд. дом ВШЭ.
- Радаев В. В. 2025. *Нестандартное потребление*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Andreoni J. 1990. Impure Altruism and Donations to Public Goods: A Theory of Warm-Glow Giving. *The Economic Journal*. 100 (401): 464–477. doi: [10.2307/2234133](https://doi.org/10.2307/2234133)
- Lejoyeux M., Weinstein A. 2010. Compulsive Buying. *The American Journal of Drug and Alcohol Abuse*. 36 (5): 248–253. doi: [10.3109/00952990.2010.493590](https://doi.org/10.3109/00952990.2010.493590)
- Schindler R. M., Holbrook M. B. 2003. Nostalgia for Early Experience as a Determinant of Consumer Preferences. *Psychology and Marketing*. 20 (4): 275–302. doi: [10.1002/mar.10074](https://doi.org/10.1002/mar.10074)
- Warde A. 2005. Consumption and Theories of Practice. *Journal of Consumer Culture*. 5 (2): 131–153. doi: [10.1177/1469540505053090](https://doi.org/10.1177/1469540505053090)

CONFERENCES

Daria Lebedeva

XXVI April International Academic Conference Named after Evgeny Yasin

Non-Standard Forms of Consumption: The Role of Technology, Emotions, and Morality

HSE University, Moscow, Russia, April 14, 2026

LEBEDEVA, Daria —

Candidate of Sciences in
Sociology, Junior Research
Fellow, Laboratory for Studies
in Economic Sociology;
Lecturer, Department
of Economic Sociology,
HSE University. Address:
20 Myasnitskaya str., Moscow,
101000, Russian Federation.

Email: dlebedeva@hse.ru

Abstract

On April 14, 2026, the session ‘Non-Standard Forms of Consumption: The Role of Technology, Emotions, and Morality’ was held as part of the XXVI April International Academic Conference named after Evgeny Yasin. The session focused on forms of consumer behaviour that fall outside the conventional rational choice model, bringing together researchers from economic sociology, psychology, and institutional economics. Five presentations were delivered: a comparative analysis of non-standard consumption forms (V. V. Radaev); ethical consumption as an instrument of civic engagement (M. A. Shabanova); psychological mechanisms of nostalgic consumption (T. A. Nestik); conspicuous consumption through the institution of consumer credit (A. V. Vernikov, A. A. Kuryshcheva); and compulsive buying as a form of addiction (O. S. Deyneka). Three recurring conceptual tensions were identified: the question of the openness and boundaries of the non-standard consumption typology; the problem of analytical distinctions between forms given their empirical overlap; and the contestation of the very concept of ‘non-standard’ in light of the plurality of rationalities in sociology.

Keywords: non-standard consumption; ethical consumption; nostalgic consumption; conspicuous consumption; compulsive buying; consumer rationality; sociology of consumption; practice theory.

Acknowledgements

The article is an output of a research project (HSE-BR-2025-45) implemented as part of the Basic Research Program at HSE University.

References

- Andreoni J. (1990) Impure Altruism and Donations to Public Goods: A Theory of Warm-Glow Giving. *The Economic Journal*, vol. 100, iss. 401, pp. 464–477. doi: [10.2307/2234133](https://doi.org/10.2307/2234133)
- Boltanski L., Thévenot L. (2013) *Kritika i obosnovaniye spravedlivosti: Ocherki sotsiologii gradov* [On Justification: Economies of Worth], Moscow: NLO Books (in Russian).
- Kondratenko V. A. (2025) *Institutsionalnoye pole sotsiologii potrebleniya: obzor mezhdunarodnykh nauchnykh tsentrov, assotsiatsiy i zhurnalov* [The Institutional Field of the Sociology of Consumption: A Review

of International Research Centres, Associations and Journals]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny*, no 3, pp. 13–35 (in Russian).

Kotelnikova Z. V., Radaev V. V., Sinyavskaya O. V. (2025) Novyye formy potrebleniya: sotsiologicheskiy analiz [New Forms of Consumption: A Sociological Analysis]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny*, no 3, pp. 3–12 (in Russian).

Lejoyeux M., Weinstein A. (2010) Compulsive Buying. *The American Journal of Drug and Alcohol Abuse*, vol. 36, iss. 5, pp. 248–253. doi: [10.3109/00952990.2010.493590](https://doi.org/10.3109/00952990.2010.493590)

Radaev V. V. (ed.) (2023) Kak rossiyanе spravlyayutsya s novym krizisom: Sotsialno-ekonomicheskiye praktiki naseleniya [How Russians Cope with the New Crisis: Socio-Economic Practices of the Population]. *Nauchnyye doklady fakulteta sotsialnykh nauk NIU VSHE* [Research Reports of the Faculty of Social Sciences of the National Research University Higher School of Economics], iss. 1 (1), Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Radaev V. V. (2025) Nestandartnoye potrebleniye [Non-Standard Consumption], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Schindler R. M., Holbrook M. B. (2003) Nostalgia for Early Experience as a Determinant of Consumer Preferences. *Psychology and Marketing*, vol. 20, iss. 4, pp. 275–302. doi: [10.1002/mar.10074](https://doi.org/10.1002/mar.10074)

Warde A. (2005) Consumption and Theories of Practice. *Journal of Consumer Culture*, vol. 5, iss. 2, pp. 131–153. doi: [10.1177/1469540505053090](https://doi.org/10.1177/1469540505053090)

Received: May 6, 2026

Citation: Lebedeva D. (2026) Sessia “Nestandartnye formy potrebleniya: rol tekhnologiy, emotsiy, i morali” [XXVI April International Academic Conference Named after Evgeny Yasin. Non-Standard Forms of Consumption: The Role of Technology, Emotions, and Morality, HSE University, Moscow, Russia, April 14, 2026]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 27, no 3, pp. 91–98. doi: [10.17323/1726-3247-2026-3-91-98](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2026-3-91-98) (in Russian).

BEYOND BORDERS

Bibigul Iskakova, Sergey Kosaretsky, Sergey Zair-Bek, Konstantin Anchikov Education Policy and Urban-Rural Disparities in Schooling in Post-Soviet Countries

ISKAKOVA, Bibigul —
Research Intern, Pinsky
Centre for General and
Extracurricular Education,
HSE University. Address:
20 Myasnitskaya str.,
101000, Moscow, Russian
Federation.

Email: bs.iskakova@hse.ru

Abstract

The issue of urban-rural inequality is recognised as one of the most pressing and unresolved challenges, particularly in post-Soviet countries. This article examines territorial inequality in educational outcomes across seven post-Soviet countries: Estonia, Latvia, Lithuania, Russia, Moldova, Georgia, and Kazakhstan. The study analyses how students' PISA test scores vary by urban–rural location and investigates whether national educational policies, particularly school funding mechanisms and school network, have contributed to reducing or widening these disparities. Drawing on the generative theory of rurality, the study employs a mixed-methods design combining multilevel regression analysis of PISA 2009 and 2018 data with content analysis of national policy documents addressing post-Soviet educational reforms. The findings indicate a persistent and growing performance gap between urban and rural students, with the largest disparities observed in Moldova, Russia, and Lithuania. Rural location remains a statistically significant predictor of lower student achievement even after controlling for socio-economic and institutional variables. Estonia emerges as an exception, combining relatively high reading scores with a weak rurality gradient in 2018. The policy analysis suggests that per-capita and voucher-based funding mechanisms, together with large-scale school closures, have only weakly addressed the structural sources of rural disadvantage. The discussion highlights institutional and governance-related factors that may explain the limited effectiveness of these reforms and offers tentative recommendations concerning school funding design, teacher recruitment, and policy coordination in education. The article concludes by discussing study limitations and directions for future research.

Keywords: urban-rural disparities; education policy; PISA; post-Soviet countries; comparative research; mixed methods.

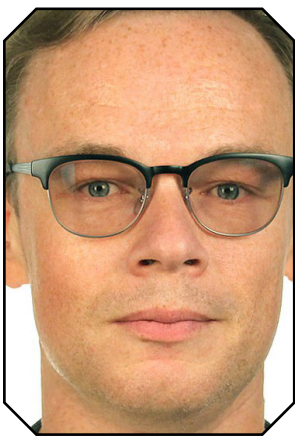
Introduction

The issue of urban-rural inequality is recognised as one of the most pressing and unresolved challenges at the global, regional, and intra-country levels [World Bank 2023]. Within scientific discourse, this issue is examined through the lenses of territorial, social, and economic development, encompassing the formation of disadvantaged and impoverished zones [Caselli 2005; Young 2013]. A substantial body of research examines the universal and specific factors that contribute to economic and social disparities between urban and rural areas [Imai, Malaeb 2016; Xu et al. 2022], as well as the policies aimed at closing this gap [Partridge, Olfert 2009].

KOSARETSKY, Sergey — Vice-Rector for Research, Moscow State University of Psychology and Education. Address: 29 Sretenka str., 127051, Moscow, Russian Federation.

Email: kosaretskijsg@mgppu.ru

ZAIR-BEK, Sergey — Leading Expert, Pinsky Centre for General and Extracurricular Education, HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

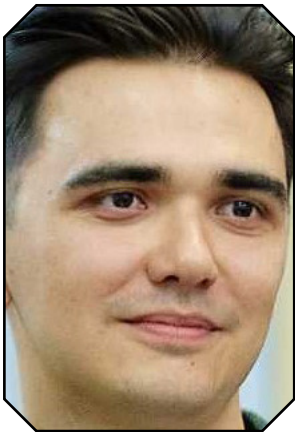
Email: szair-bek@hse.ru

Education plays a pivotal role in shaping inequality between urban and rural settlements [Chunling 2015]. International comparative studies, such as PISA, TIMSS, and TALIS demonstrate educational disparities between urban and rural students [Echazarra, Radinger 2019; OECD 2021a].

Ensuring equality of educational opportunities for students in rural areas is a key concern for policymakers in most countries. In some countries, the provision of education in rural communities requires targeted interventions [Echazarra, Radinger 2019] to address challenges relating to distance and size, socio-economic status (SES) factors, and access to resources. A review of these policies shows that the main measures adopted in many countries have included school consolidation reforms [Eacott, Freeborn 2020], school funding reforms [Fazekas 2012], and also programmes to attract teachers to rural schools [Kline, White, Lock 2013; Du Plessis, Mestry 2019]. These policies have been widely adopted, yet their impact on reducing urban-rural disparities has received limited scholarly attention.

Comparative cross-country studies of urban-rural inequality in former Soviet Union (FSU) countries are grounded in the common characteristics of the transition period. The disruption of vertical and horizontal economic ties established during the Soviet period between centre and provinces led to the collapse of the system of economic subsidies intended to equalise disadvantaged territories, particularly rural areas, within the planned economy [Thorez 2014; Wegren 2014]. Consequently, the quality of social services deteriorated, while migration and depopulation intensified in rural areas [Thorez 2014; Wegren 2014]. However, following the collapse of the USSR, FSU countries sought to distance themselves from the Soviet legacy to varying extents and construct their own approaches to equity in education [Yakovets 2014; Popa et al. 2011]. To achieve this, several countries employed policy borrowing and discourse borrowing to reform their education systems, including rural schools [Silova 2002; Chankseliani 2017; Kutsyuruba 2017]. Some ex-Soviet countries were part of the World Bank's reform support programmes, prioritising the enhancement of quality education in rural schools and equity between urban and rural schools [Moulton 2001]. However, the relative effectiveness of these reforms in ensuring equal educational opportunities for urban and rural students remains understudied [Chankseliani 2017].

Although the Soviet education system was organised according to unified institutional principles, empirical studies reveal significant disparities in educational opportunities across territories. Regional differences were evident in access to various types of schooling and in the factors shaping educational attainment [Titma, Saar 1995], with students' social background determining their achievements differently across republics [Titma, Saar 1995; Yastrebov 2022]. Urban-rural educational disparities have been a persistent feature of FSU countries both before and after the collapse of the Soviet Union [Simai 2006; Gerry, Mickiewicz 2007; Silova 2009; Milanovic 2013; Kuzmenko et al. 2018; Smith 2024]. This urban-rural divide was particularly pronounced in terms of both access to and quality of education [Bystrova, Bukibayeva 1988; Fuchs, Demko 1979], and its scale varied across republics. The existence of these disparities was implic-

ANCHIKOV, Konstantin — Leading Expert, Pinsky Centre for General and Extracurricular Education, HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: kanchikov@hse.ru

itly acknowledged through the allocation of preferential provisions and university quotas for students from working-class and rural families [Yastrebov 2022]. However, income levels and social infrastructure in rural areas differed significantly both between regions and between republics, directly affecting families' ability to support their children's education [Bystrova, Bukibayeva 1988; Fuchs, Demko 1979]. These economic differences exacerbated educational inequality despite the existing support measures. The precise magnitude of the urban-rural gap in each republic during the Soviet period is difficult to reconstruct due to the limitations of available data, as actual disparities were not always captured by official statistics. For this reason, we treat the late Soviet period as a common institutional starting point and focus our analysis on the dynamics of territorial disparities during the post-Soviet period, examining whether national reforms have narrowed or widened the gap.

While publications reveal manifestations of urban-rural educational inequality within particular ex-Soviet countries [Silova et al. 2007; Kryst et al. 2015], studies examining the specific features, dynamics, and determinants of broader trends and cross-country differences among FSU states remain limited. Previous publications have analysed either particular reforms or a smaller sample of post-Soviet countries [Alonso, Sánchez 2011; Grivins 2012; Levacic 2014; Amini, Nivorozhkin 2015; Kryst et al. 2015]. For example, a Russian study found that the gap between rural and urban students in PISA tests is mainly due to the socio-economic status of their families [Amini, Nivorozhkin 2015]. However, in a decomposition analysis, the authors found that rural students could perform better if schools were as effective as those in urban areas [Amini, Nivorozhkin 2015]. Using TIMSS data (1995–2011), Kryst et al. [2015] show that socio-economic status is the main factor of urban-rural disparities in achievement, but the effect of rurality is also significant for some post-socialist countries during specific periods. However, their findings are based on only a limited number of countries, restricting the generalisability of their conclusions to the broader post-Soviet context. At the same time, these studies do not cover the last decade and do not capture the impact of national policies.

The present study aims to examine differences in academic achievement between urban and rural students across seven former USSR countries, using PISA data, and to analyse whether national policies have contributed to reducing or widening these disparities. This comparative study of seven post-Soviet countries contributes to post-Soviet education research by analysing the differences and achievement gaps between urban and rural schools through a contextualised analysis of educational reforms. The study aligns with the research tradition of examining institutional arrangements of national education systems as determinants of learners' educational opportunities and inequality [Müller, Shavit 1998; Van de Werfhorst, Mijs 2010; Gross et al. 2022]. However, educational policy, which shapes the institutional organisation of the education system [North 1990], is often considered more as contextual background than as an independent explanatory factor [Papay et al. 2015; Alonso Carmona et al. 2023]. In this study, we treat educational policy as an explanatory variable, examining how specific reforms relate to changes in urban-rural disparities.

First, we quantify disparities in educational outcomes between urban and rural areas across ex-Soviet countries, testing the significance of the “ruralness” factor while controlling for socio-economic and institutional variables. Second, we analyse post-1991 education policies to evaluate their impact on inequality, linking reforms (e. g., funding formulas and consolidation) to changes in urban-rural disparities.

Methodology

Theoretical Framework and Research Design

This study draws on the generative theory of rurality [Balfour et al. 2008], viewing rurality as a transformative factor that shapes educational behaviour and influences the implementation of interventions and reforms [Balfour et al. 2008]. Rurality is conceptualised as a multidimensional construct encompassing economic constraints, resource accessibility, and demographic conditions in FSU countries [Milanovic 2013; Wegren 2014; Nefedova et al. 2016; Li et al. 2019]. Rural areas typically exhibit lower income levels, higher poverty rates, and fewer employment opportunities than urban centres owing to the legacy of centrally planned economic systems [Milanovic 2013; Wegren 2014]. Key challenges include geographic isolation and resource scarcity, such as limited internet connectivity and an insufficient supply of qualified teachers, particularly in Moldova, Georgia, and Kazakhstan [Li et al. 2019]. Furthermore, urban migration further exacerbates these challenges, leading to declining and aging populations, reduced student numbers, and heightened disparities in rural schools [Nefedova et al. 2016].

This study employs a mixed-methods research design [Creswell 1999] to investigate the role of rurality in educational outcomes by comparing PISA test results between urban and rural students in FSU countries. Understanding territorial disparities in education requires a thorough analysis of the contributing factors. To examine the impact of rurality on variation in PISA reading scores, we employ a two-level analytical framework:

1. Individual-Level Predictors:

- Socio-Economic Status (SES) [Bird et al. 2002; Lichter, Schafft 2016; OECD 2021a];
- Immigrant Status [Entorf, Minoiu 2004; OECD 2021a];
- Language Spoken at Home [Khavenson, Carnoy 2016; OECD 2016b; OECD 2021a];
- Gender [OECD 2021a].

2. School-Level Predictors:

- Territorial Affiliation (Urban vs. Rural) [Moulton 2001; Wegren 2014];
- Shortage of Teachers [OECD 2016b];
- Availability of Other Schools in the Area [Bird et al. 2002; OECD 2016b];
- Share of Teachers with Higher Education [Khavenson, Carnoy 2016; OECD 2021a];
- Type of School (Public vs. Private) [Sakellariou 2017; OECD 2021a].

We examine the role of rurality within the FSU group by assessing its significance and impact on each country individually. By comparing results across two PISA cycles, we investigate how the effects of rurality have changed over time across FSU countries. We then analyse policy documents related to educational reforms implemented in FSU countries after the collapse of the USSR to describe national strategies and identify patterns and dynamics of inequality. The framework for selecting policies in post-Soviet countries is based on categories of interventions aimed at improving the effectiveness of educational services in rural schools [Johnson, Howley 2015; OECD 2021a; Ayaiz Rather 2024].

Data Collection

We analyse differences in educational outcomes between urban and rural students using data from the internationally recognised PISA database, one of the most comprehensive and reliable sources in educational research due to its well-documented, open-access data [Sjøberg 2015]. The study focuses on two PISA cycles (2009 and 2018), allowing us to examine the effects of policies implemented over a nine-year period. Both cycles focus on reading literacy, which is a critical skill for academic success and broader life outcomes, making it an appropriate indicator for assessing educational disparities [OECD 2016a].

The analysis includes data from seven former Soviet Union countries that participated in both cycles. To enhance cross-country accuracy, we apply the weighting factor provided in the PISA database¹. Two PISA datasets were merged to classify students' territorial location, using data from both student questionnaires (test results) and school questionnaires (principal responses). Rural areas are defined as settlements with populations of up to 3,000 inhabitants, with all other areas categorised as urban. This study uses the mean of all plausible values from the PISA reading test. The primary analytical strategy involves comparing the test scores of students from urban and rural areas to identify statistically significant differences and the factors underlying them. Appendix 1 presents descriptive statistics on the distribution of urban and rural participants in the assessment.

The examination of national education policies is based on document policy analysis guided by case study principles. This approach includes an assessment of document content, context, and interconnections with related reforms and policy initiatives. Although the primary focus is on formal policy documents, selected informal English-language materials are also included to provide additional insight into the effectiveness of reforms. We analysed 65 policy documents selected according to the following criteria: (1) official status (laws/regulations); (2) focus on rural education reforms; (3) availability for the 1991–2018 period.

We searched for documents² on the official websites of national ministries of education, legal regulation platforms, and international organisations such as the World Bank and OECD. The Eurydice portal, as well as international research reports, analytical publications, and academic studies, was also consulted.

Data Analysis

The analysis of inequality in educational outcomes is based on two approaches: comparing results by settlement size (urban vs. rural) and examining the effects of rurality across FSU countries. We hypothesise that rurality remains a significant factor even when considered alongside other common explanatory variables of urban–rural disparities. To test this hypothesis, we employ multilevel linear regression models, including control variables associated with disparities in educational outcomes. This approach is applied consistently to the

¹ See: OECD. How to Prepare and Analyze the PISA Database. Available at: <https://www.oecd.org/pisa/data/httpoecdorgpisadatabase-instructions.htm> (accessed 15 May 2025).

² The list of policy documents is available at: <https://doi.org/10.17632/dw47m4zm29.1> (accessed 15 May 2025).

2009 and 2018 PISA databases for FSU countries, with reading literacy scores used as the dependent variable. Control variables include student SES, gender, and school-level characteristics (Appendix 2). To account for the hierarchical structure of the data, with students nested within schools, two-level regression models were estimated separately for each country and each PISA cycle.

National legal and regulatory documents and reform initiatives were analysed and systematised using content analysis. This approach enabled the identification of patterns, national specificities, and key policy categories related to resource allocation, funding levels and distribution, differentiated territorial funding coefficients, and rural school development [OECD 2021b].

Results

Factors of Educational Inequality in Post-Soviet Countries

Large and statistically significant gaps in PISA scores were observed between urban and rural students in the FSU countries included in the study in 2009 and 2018 (see Fig. 1). Statistically significant differences at the $p < 0.05$ level were confirmed by t-tests (refer to Appendix 3). The smallest performance gaps were found in Estonia, whereas the largest disparities were observed in Moldova, Russia, and Lithuania.

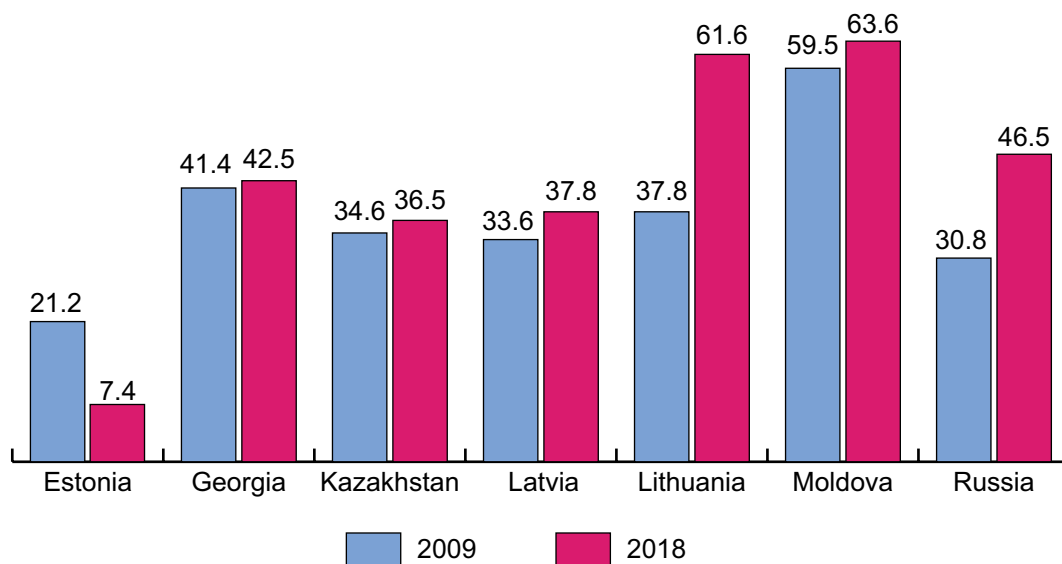

Fig. 1. Trends in the Urban-Rural Gap in PISA Reading Scores by Country, 2009 and 2018

Estonia stood out due to its substantially lower urban-rural score gaps and a clear trend towards gap reduction. In Kazakhstan, Latvia and Georgia, the gap widened slightly between 2009 and 2018. Conversely, Moldova exhibited the largest disparities, with no improvement observed by 2018. In Russia and Lithuania, the gaps widened between 2009 and 2018. In the Baltic States, the gaps and gap growth in Lithuania were higher than in Latvia and significantly higher than in Estonia. Rural location emerged as a statistically significant predictor of lower test scores across most countries in both PISA cycles. However, in Estonia in 2018 the effect of rurality ceased to be statistically significant, consistent with the narrowing of its urban-rural achievement gap.

We employed multilevel regression models with control variables to isolate the independent effect of rurality on educational disparities, first at the individual level and then at the institutional level.

Individual Level: After controlling for variables such as immigrant status, language spoken at home, SES, and gender, rural location remained a significant predictor of lower scores in most models. Exceptions included

Russia in 2009 (not significant, but significant in 2018) and Estonia in 2018 (not significant, but significant in 2009).

Institutional Level: Rural location remained significant in most cases, except for Russia in 2009 and Estonia in 2018 (see Appendix 2) after the inclusion of variables such as the school type, the availability of other schools, proportion of teachers with higher education and teacher shortages.

The estimates for the rurality factor are consistently negative across all models, indicating that rural students score lower than their urban counterparts. Confidence intervals for these estimates do not cross zero, thereby confirming the robustness of the negative effect. The significant association between rurality and test scores confirms the territorial nature of educational inequality in post-Soviet countries. Similar to the PISA SES gradient indicator, which measures the relationship between SES and test scores [OECD 2016a], we calculated a rurality gradient to assess the extent to which rural location influenced test scores (see Table 1).

Table 1

Rurality Gradient by Country

Country	R-sq*100	
	2009	2018
Estonia	1.4	0.1
Russia	2.0	3.3
Kazakhstan	3.4	5.1
Lithuania	3.6	7.5
Latvia	4.2	3.0
Georgia	4.4	5.8
Moldova	11.9	12.6

The gradient strength measures the proportion of score variation attributable to territorial affiliation. A strong association between place of residence and academic performance indicates that rurality is a reliable predictor of educational outcomes. In Moldova, rural affiliation accounts for the largest disparities (12.6%), while in Estonia, the gradient strength was close to 0.1% in 2018, indicating minimal locational effect.

A weaker gradient indicates greater territorial equality, with rurality playing a less important role in predicting academic performance. Figure 2 presents the distribution of post-Soviet countries across four quadrants according to rurality gradient strength and mean reading scores in 2018. Estonia is characterised by high reading scores and low territorial dependence. Russia, Latvia, and Lithuania demonstrated high scores but stronger territorial dependence. Moldova, Georgia, and Kazakhstan demonstrated low scores and higher rurality influence.

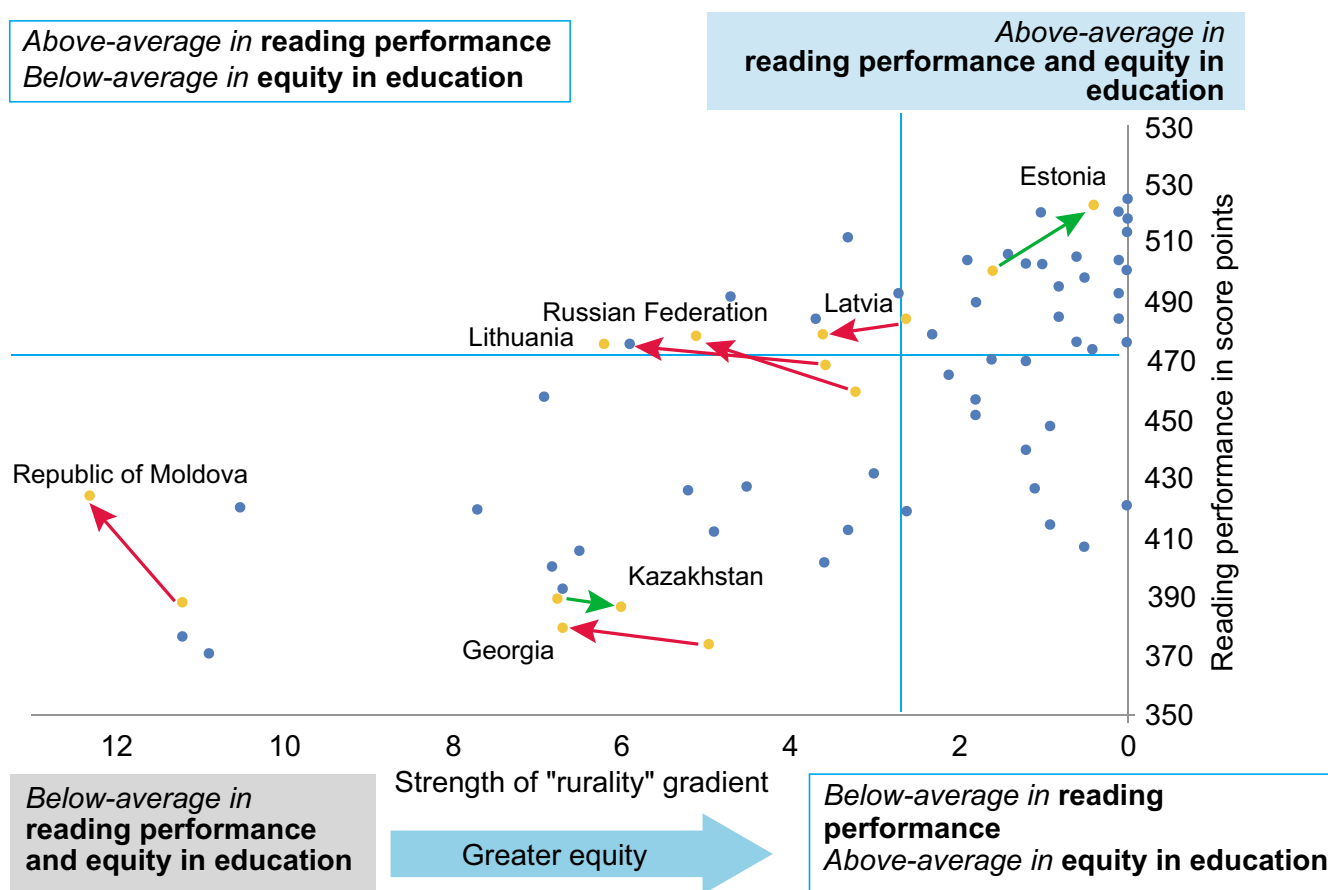

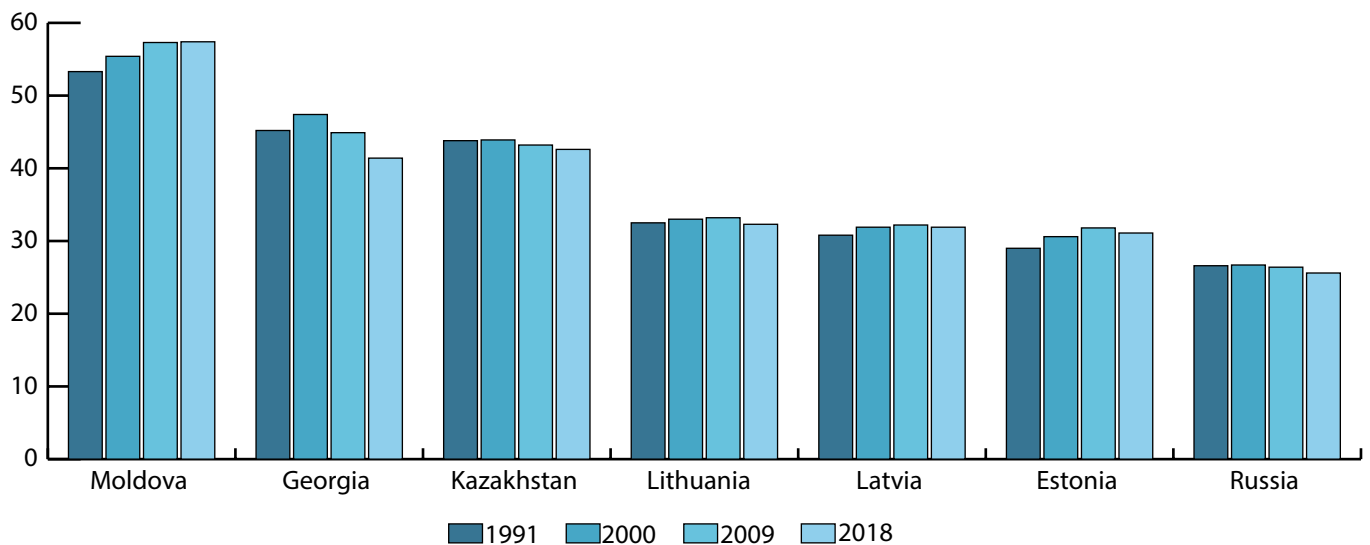
Fig. 2. Rurality Gradient Strength and Reading Scores Across Post-Soviet Countries, 2018

Analysis of Educational Policies and Reforms

Post-Soviet Context

The USSR's emphasis on universal access to education resulted in a dense network of small rural schools. Many of these schools became financially unsustainable after independence in 1992 due to declining state education budgets [Heyneman 1998]. The share of the rural population remained relatively stable in the years following the collapse of the USSR, and even increased slightly in some countries (see. Fig. 3). Furthermore, settlement patterns characterised by low population density and dispersed villages inherited from the Soviet era persisted [Nefedova et al. 2016], contributing to the continued prevalence of small schools. These factors shaped post-1991 reforms (see Table 2), which prioritised cost-efficiency over equity [Silova et al. 2007]:

- Reforms of school funding systems;
- School network optimisation;
- Transport and computerisation programmes;
- Programmes aimed at supporting and attracting teachers to rural and remote schools.

Source: World Bank; World Development Indicators Database.

Fig. 3. Share of the Rural Population by Country, 1991–2018 (%)

Funding and network reforms were not synchronised across post-Soviet countries. Rural transport and computerisation policies were incorporated into broader school restructuring reforms. Policies aimed at attracting and retaining teachers during the study period were identified only in Kazakhstan, although similar measures emerged in other countries after 2018. The country profiles below provide brief descriptions of the implementation of these reforms and assess their outcomes based on available literature.

Country Profiles

Georgia

Georgia was the only country in the post-Soviet space to shift from municipal funding to a per-capita school financing model based on student vouchers³. Voucher values differed between urban and rural areas, although the differences were uneven [Tabatadze, Gorgadze 2017]. Between 2005 and 2009, voucher values increased by 80.1% in urban schools, 59.1% in rural schools, and 57.8% in highland schools. It later became evident that the Georgian voucher system was relatively inefficient, as small schools were severely underfunded, whereas larger schools received excessive funding [Alonso, Sánchez 2011]. At the same time, the education system employed more teachers than required, and teacher salaries remained extremely low [Orivel 1998; Bochorishvili, Peranidze 2020]. Significant inequalities persisted between urban, rural, and mountain schools [Herczynski 2003; Janashia 2015]. Subsequent adjustments to voucher values also failed to produce substantial improvements. Nevertheless, the funding reform is generally regarded as relatively successful because it introduced greater transparency into the allocation of funds and helped reduce corruption [Janashia 2015].

Georgia, characterised by numerous mountainous regions, has long maintained many small schools with fewer than 100 students and consequently a high proportion of rural schools (79.33%). Mountain schools often operated for only a handful of students because transporting students to larger schools was not feasible.

³ A per-student voucher system provides schools with a set amount of funding for each student enrolled, with adjustments made for school location and needs. The voucher amount is calculated considering the number of students, hourly workload, and administrative and other expenses determined by the national curriculum. See: Eurydice, Georgia: Early Childhood and School Education Funding (2025). European Commission. 19 March. Available at: <https://eurydice.eacea.ec.europa.eu/eurypedia/georgia/early-childhood-and-school-education-funding> (accessed 15 February 2026).

Comparative Matrix of Rural Education Reforms in Post-Soviet Countries

Table 2

Reform	Variable	Estonia	Georgia	Kazakhstan	Latvia	Lithuania	Moldova	Russia
	Year of transition	1994 (pilot regime) 1998	2005	2013 (pilot regime)	2009	2002 2018	2010 (pilot regime) 2013	1998 (pilot regime) 2006
Formula funding	Type of funding	Per capita formula funding; Per class formula funding (since 2008 for small rural schools)	Vaucher funding	Per capita formula funding	Input-based system funding “Money follows the student” (since 2009)	“Pupil basket” funding; “Class basket” (since 2018)	Per capita formula funding	Per capita formula funding
	Availability of coefficients for rural schools	+	+	+	+	+	+	+
	Availability of coefficients for small-sized schools	+	+	+	+	+	+	+
School optimisation	Year of transition	+(1999)	+(2010)	+	+(2008)	+(2004)	+(2007)	+(2002)
Programmes to provide transport to remote schools		+	+	+	+	+	+	+
Computerisation programmes (year)		+(1996)	+(2005)	+(1999)	+(2007)	+(2005)	+(2005)	+(2005)
Teacher recruitment programmes (year)		—	—	+(2009)	—	—	—	—

A large-scale school network reform began in 2005 following the introduction of the voucher reform. The territorially differentiated model aimed to optimise the structure and scale of the school network. However, the reform failed to produce substantial changes in rural schools which remained underfunded but could not be closed because of transportation constraints. By 2018, fewer than 25% of students attended 65% of schools [Li et al. 2019]. All school categories experienced widening funding gaps, although these disparities were particularly acute in rural and highland schools [Maglakelidze 2011]. Meanwhile, the school network came under increasing pressure due to growth in the student population between 2007 and 2022. To address these inequalities, the “Transportation for Public School Students” programme⁴ was introduced in 2013.

Kazakhstan

Kazakhstan began piloting the per-capita funding model in 2013 in 63 schools across five regions, including urban, rural, small rural schools, and home-schooling settings [Mhamed et al. 2023]. Per-pupil expenditure increased, however, by 2017 public dissatisfaction persisted regarding the quality of school education and the misalignment of existing standards with contemporary challenges [Alembaeva et al. 2017]. School staff showed limited motivation to improve educational quality while the allocation of budget funds lacked transparency. The practice of collecting informal (‘shadow’) fees from parents was also reported [Alembaeva et al. 2017].

During the Soviet period, Kazakhstan had one of the highest shares of rural schools in the USSR (78.06%). Following independence, Kazakhstan closed 792 small rural schools in an effort to improve funding efficiency and increase teachers’ salaries. However, some of these schools were reopened after 1999 due to growth in the rural student population. By 2007, 55% of schools experienced teacher shortages, affecting approximately 424,000 students. The proportion of rural students peaked in 2010, reaching 51.51% of the total school population. By 2018, Kazakhstan had 2,944 small general education schools, concentrated primarily in Northern Kazakhstan⁵. Special hub-centres (160 as of 2015)⁶ were established to maintain educational quality in clusters of three to four small ungraded schools [Carlsen 2020].

The *Auyl Mektebi* programme (2003–2005) was introduced to improve the quality of education in rural and small schools. Subsequently, a large-scale programme aimed at attracting teachers to rural schools was launched. The programme “With Diploma to Village” provides social support through one-time allowances and subsidised loans with a preferential interest rate of 0.01%. In addition, teachers become eligible for salary increases of at least 25% after three years of service. However, the programme attracted limited interest among university graduates.

Moldova

Following the initial post-Soviet transition period, Moldova experienced significant brain drain, including among school-aged populations [Jin et al. 2019]. The country was left with an economically inefficient network of small schools characterised by underpaid teaching and non-teaching staff [Olefir et al. 2015], which prompted subsequent reforms.

The original 2010 reform formula allocated equal per-capita funding, but did not include coefficients accounting for school size. The reform largely failed because the funding formula did not account adequately for the

⁴ See: Ministry of Education, Science and Youth of Georgia. Available at: <https://www.mes.gov.ge/content.php?id=5891&lang=eng> (accessed 12 February 2025).

⁵ See: Central Asian Bureau for Analytical Reporting. Kazakhstan: Unequal Struggle for Equality in School. Available at: <https://cabar.asia/ru/kazakhstan-neravnaya-borba-za-ravenstvo-v-shkole> (accessed 21 October 2024).

⁶ See: Torebekova Z., Shamshieva N. (2016) Promoting quality education in Kazakhstan. IIEP-UNESCO. Available at: <https://learningportal.iiep.unesco.org/en/blog/promoting-quality-education-in-kazakhstan>. (accessed 21 October 2024).

high proportion of ethnic minorities and other vulnerable groups. Some local authorities continued funding small schools despite the risk of closure [Levacic 2014]. Later, additional coefficients were introduced for elementary schools with fewer than 41 pupils and secondary schools with fewer than 91 pupils.

As the reform favoured larger schools [Levacic 2014], local municipalities tended to restructure school networks without introducing substantial changes. The funding formula clearly failed to address the higher educational costs associated with specific groups, including children with SEN, students from low-SES backgrounds, and pupils from isolated rural areas. School principals were granted authority over internal budget allocation while the number of teaching positions was reduced. Local authorities were responsible for school operations and facility maintenance [Jin et al. 2019]. No reliable mechanism existed for monitoring the use of allocated funds [World Bank Group 2018].

Between 1991 and 2010, student enrolment in Moldova declined by more than 50%, while the number of schools declined by only around 14% during the same period [Olefir et al. 2015]. The number of rural schools fell from 1,168 in 2000 to 1,132 in 2009 and 924 in 2018⁷. Despite efforts to optimise the school network, average school size continued to decline between 2000 and 2016. By 2019, many small schools with low pupil–teacher ratios still remained [Jin et al. 2019]. Many teachers were above retirement age and worked in rural areas where no alternative candidates were available.

Russia

Russia's regions adopted different models of formula-based school financing. However, several requirements were established at the federal level, as follows: (1) school utility and property maintenance costs were excluded from per-capita funding standards; (2) expenditures were covered by school founders, primarily municipalities; (3) a single funding standard could include no more than seven adjustment coefficients accounting for rural schools and school size. Nevertheless, municipalities applied different coefficients under varying economic conditions. As a result, rural schools faced substantial funding deficits. The reform became a major driver of rural school network restructuring and school closures [Klyachko 2014]. The number of teachers declined even as student enrolment increased [Sodnomova 2018]. Funding allocated to support the educational process proved insufficient, particularly during the financial and economic crisis [Vethlehemsky 2009].

During the 1990s, the total number of schools declined (from 68.8 thousand schools in 1990 to 65.9 thousand by 2004) primarily in rural areas, which rendered the existing school network inefficient. The restructuring of rural schools began in 2003, with the closure of some schools, particularly those with critically low enrolment levels (1–10 students), while students were transported to larger schools. In 2005, the funding reform accelerated the contraction of rural school networks. Between 2004 and 2013, the number of rural schools declined from 45,032 to 24,001 [Kosaretsky, Froumin 2022]. The scale of school closures and consolidations varied substantially across regions.

Latvia

During the school optimisation process in Latvia, school authorities and municipalities often did not know whether particular schools would be closed [Koroleva et al. 2017]. This created tensions and disagreements among stakeholders [Šūpule, Søholt 2019]. The 'Money Follows the Pupil' funding model introduced in Latvia in 2009–2010 contributed to school closures by rendering many schools economically non-viable. Decision-making approaches differed according to municipal socio-economic status (SES), namely 'survival'

⁷ See: National Bureau of Statistics of the Republic of Moldova. Available at: <https://statistica.gov.md/en> (accessed 10 April 2024).

and ‘quality’ approaches. While the poorer municipalities closed small schools, wealthier municipalities attempted to preserve small schools and prioritised children’s educational needs.

Approximately 100 schools across Latvia participated in the initiative “Change Opportunities for Schools” launched by the Open Society Foundation [Tūna 2015] aimed at preserving small rural schools and transforming them into multifunctional community resource centres. The initiative consisted of two phases: “Development of small schools into community learning and culture centres” (2009–2011) and “Schools as Community Development Resources” (2012–2013). Approximately one-third of Latvian schools enrolled fewer than 100 pupils in 2013–2014, most of which (255 schools) were located in small rural villages [Tūna 2015].

Between 1999 and 2010, the number of schools declined by 237. Following the school consolidation reform, the number of teachers and total school staff declined by more than 12%, while teachers’ workloads were also reduced. These developments improved the efficiency of the educational process, as average class sizes increased. Overall, the impact of the reform on class size varied considerably across localities. Class sizes increased substantially in both rural areas and cities, particularly in smaller classes, where increases ranged from 8 to 14%. By contrast, small and medium-sized classes in small towns did not expand due to local funding arrangements [Hazans 2010]. School size and teacher salaries were critical factors in student performance for both urban and rural schools in Latvia [Krasnopjorovs 2019].

Lithuania

A new general school funding system stipulated that school budgets would consist of funds for the educational environment, including capital and operational expenditures, targeted project and programme funding, sponsorship funds, and other sources, with budgets determined through the “pupil’s basket” mechanism [Giedraitiene et al. 2007]. Operating since 2002, this funding model for public and private schools allocates per-pupil funding adjusted annually by the Cabinet of Ministers [Grivins 2012]. The “pupil’s basket” model was characterised by a high degree of centralisation. It functioned as a targeted state subsidy, part of which was allocated directly to schools, while municipalities received a smaller share for redistribution [Bucaite-Vilke 2022]. As schools were still adapting to the new grant formula, additional funding based on standardised student numbers was incorporated into the grant system [Chandler 2002].

The procedure for calculating the pupil basket was revised periodically [Bucaite-Vilke 2022]. Although the initial results were positive, rural schools encountered difficulties related to low enrolment levels [Alonso, Sánchez 2011]. According to Alonso and Sánchez [2011], the funding mechanism was considered equitable for classes with more than 19 pupils. Consequently, in 2018 the government introduced a new “class basket” model, under which approximately 80% of funding was allocated to classes and the remainder to individual students. This mechanism differed from funding models adopted in other post-Soviet countries.

In Lithuania, unlike other Baltic states, school network optimisation focused primarily on reducing the number of small rural schools and consolidating urban schools in response to demographic change. Minimum enrolment thresholds for pupils and classes in upper secondary schools (gymnasiums) were introduced, resulting in fewer gymnasiums in rural areas. The structural reform reduced the number of schools from 1,499 in 2004–2005 to 1,022 in 2015–2016. However, small schools in remote areas were preserved. The school network reform proceeded gradually in line with demographic trends, namely declining birth rates and outward migration. The Yellow School Buses programme was introduced in 2009 to support student transportation.

Estonia

In Estonia, both public and private schools became eligible to receive funding under the new model. The funding formula included six to eight coefficients categorising municipalities according to student numbers:

ranging from 0.89 for cities with more than 5,000 students to 1.5 for rural municipalities with fewer than 120 students. Although these coefficients provided somewhat higher allocations for rural schools, they remained insufficient. Consequently, in 2008, the model was revised to account for the number of classes.

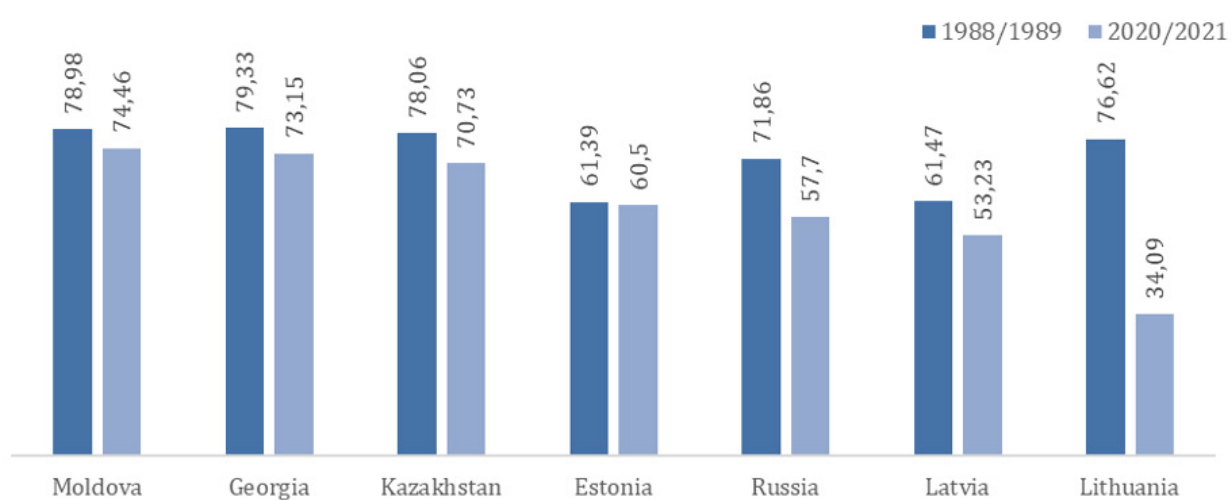
Despite limited financial resources resulting from demographic decline, small rural schools continued to be valued by rural communities. This factor constrained the downsizing of the rural school network. Other schools were funded according to student numbers, while the revised formula also incorporated actual maintenance costs, funding for minority-language classes, and expenditures related to teacher salaries, textbooks, workbooks, extracurricular activities, and capital investments. Subsequently, free meals for pupils in grades 1–9 were introduced, together with additional management-related expenditures [Grivins 2012]. This funding formula proved more effective as it provided municipalities with greater financial stability, aligned with the government's policy of rationalising education and emphasised the preservation of small rural primary schools.

Estonia thus moved towards a needs-based approach to educational financing, taking into account both children's needs and school location [Kitsing, Kukemelk 2020]. This policy reflects a preference for maintaining small rural schools, even at the expense of internal efficiency [Alonso, Sánchez 2011]. The reform was also characterised by horizontal inequalities with wealthier rural municipalities exhibiting higher per-pupil expenditures than poorer villages. Nevertheless, additional funding allocated to local authorities was expected to offset potential declines in educational quality.

Summary

School financing and optimisation policies were implemented across all seven post-Soviet countries using different approaches and with varying degrees of success. Each country adopted formula-based funding mechanisms with specific coefficients for rural and small schools. Georgia, Lithuania, and Estonia introduced distinctive funding models, such as voucher system and class-based funding, which generally had negative consequences for rural school financing.

Regarding post-Soviet school restructuring, two main approaches can be distinguished: Estonia and Latvia focused on preserving remote, small schools, whereas other countries prioritised large-scale school closures. The scale of these closures varied considerably (see. Fig. 4) and often failed to improve educational quality. Instead, the reforms primarily improved financial transparency, resource optimisation, and cost efficiency.

Sources: National Statistical Offices; National Education and Culture in the USSR (1989).

Fig. 4. Trends in the Share of Rural Schools across Post-Soviet Countries, 1988/1989–2020/2021 Academic Years

Discussion and Conclusion

The present study provides a quantitative assessment of territorial disparities in educational outcomes between urban and rural students in the seven post-Soviet countries, including an analysis of the dynamics and robustness of the rurality gradient. Our research contributes to a deeper understanding of rurality in the post-Soviet context. The study aimed to examine differences in academic achievement between urban and rural students across seven former USSR countries, using PISA data, and to analyse whether national policies have contributed to reducing or widening these disparities.

Our findings reveal that the reading score gap between urban and rural students in the seven post-Soviet countries is not only large (with the largest gaps in Moldova, Russia, and Lithuania) but also growing, except in Estonia. The positions of these countries are broadly consistent with the findings of Echazarra and Radinger [2019]. Furthermore, rural residence remains a significant predictor of educational outcomes, even when controlling for factors traditionally associated with the urban-rural divide. The strength of the rurality gradient remained particularly high in Moldova in 2018, while remaining insignificant in Estonia.

We confirm the importance of the rurality factor, consistent with Roscigno and Crowle [2001], who attribute lower educational outcomes among rural students to this variable. This finding partially aligns with previous studies on post-socialist countries [Kryst et al. 2015]. The importance of this factor can be explained by the generative theory of rurality [Balfour et al. 2008], which argues that rural areas are characterised by relative detachment from dynamic social and economic structures and resources [Balfour et al. 2008]. Educational inequalities between urban and rural students also reflect broader disparities between urban and rural areas [UNICEF 2007; Welch et al. 2007; Hernández-Torrano 2018].

We hypothesise that the widening gap between urban and rural students, together with the strength of the rurality gradient in former USSR countries, is linked to the socio-demographic structure of rural areas inherited from the Soviet period. This problem has intensified in post-Soviet countries due to demographic and economic transformations, particularly continuing population outmigration [Thorez 2014]. It is well established that a high proportion of rural residents combined with low population density contributes to the prevalence of small rural schools. The small size of these schools creates resource allocation challenges, particularly under conditions of declining educational funding in the post-Soviet period, ultimately impacting education quality.

The analysis of education policies conducted in this study demonstrates that FSU countries have attempted to improve access to quality educational resources for rural students. It is important to note that, with the exception of Estonia, reforms targeting rural schools were introduced relatively late, while adverse external trends continued to intensify. These reforms primarily involved structural measures: closing and merging rural schools and changing school funding models, often as a condition of the World Bank allocating support [Moulton 2001], and to a lesser extent, attracting qualified teachers and strengthening the educational infrastructure. To a large extent, these reforms were aimed not at reducing educational disparities between urban and rural students, but rather at improving economic efficiency by reducing the costs associated with maintaining small rural schools. In particular, the formula-based funding model primarily sought to improve financial transparency rather than respond to the actual needs of schools.

Other vulnerable groups, including children from low-SES families and ethnic minorities, were not adequately considered in funding calculations, despite their substantial representation in rural schools. The findings suggest that per-capita and voucher-based funding reforms negatively affected rural school financing. This is because small enrolment numbers generated insufficient funding despite the existence of rural coefficients, as well as limited transparency in resource allocation and high levels of centralisation. We therefore hypothesise that these reforms may have contributed to widening rural-urban disparities in educational outcomes. Estonia

represents an important exception, where a funding formula incorporating municipal coefficients and a policy of preserving small rural schools appear to have contributed to narrowing the urban-rural gap [Alonso, Sánchez 2011; Kitsing, Kukemelk 2020]. Although Fazekas [2012: 22] cautions against drawing direct links between funding formulas and educational outcomes, the consistent pattern observed across the seven countries suggests that funding design deserves closer scholarly attention.

In terms of the restructuring of rural schools, we found no clear evidence that reducing the number of small rural schools improved rural students' educational achievement whether through substantial school closures (e. g., Lithuania and Russia) or through limited restructuring without additional resource allocation (e. g., Moldova and Kazakhstan). According to Olefir et al. [2015], in Moldova the consolidation reform had a negligible effect on dropouts but increased absence among students transferred from closed schools. We suggest that the relative success of Estonia and Latvia may lie in their ability to preserve small rural schools while allocating sufficient resources to meet students' needs. Notably, Grivins [2012] found in Latvia that local municipalities frequently acted against central policy intentions by resisting school closures and redirecting funds to maintain small schools which may also have contributed to improved outcomes for rural students.

Rural tax revenues were insufficient to meet schools' financial needs and these deficits were not compensated through central or regional transfers and grants [Alonso, Sánchez 2011; Fazekas 2012]. According to the OECD, education systems characterised by unequal allocation of material resources between socio-economically advantaged and disadvantaged schools tend to exhibit lower student performance [OECD 2017]. Another study demonstrates that Estonia differs from the other countries examined in terms of the relationship between shortages of educational materials and schools' socio-economic profiles [OECD 2021b].

Finally, the analysis of reforms identifies several characteristics typical of structural changes in former USSR countries. These include discontinuity, with reforms implemented intermittently or left incomplete, and inconsistency, as reforms were implemented unevenly across regions. Furthermore, school network restructuring and financing reforms were poorly synchronised, while monitoring mechanisms remained weak and their findings were rarely used for policy adjustment [Alonso, Sánchez 2011; Grivins 2012; Janashia 2015]. Corruption in fund allocation additionally undermined reform outcomes, particularly in Georgia [Janashia 2015].

Addressing educational problems generated by adverse demographic and socio-economic conditions through educational reform alone is inherently difficult [Duncan, Murnane 2011]. However, the experience of former USSR countries suggests that inadequate reform design and governance substantially undermined reform effectiveness.

Practical Implications and Limitations of the Study

Drawing on these findings, we propose several evidence-based recommendations aimed at reducing territorial educational disparities across post-Soviet countries.

First, our analysis demonstrated that per-capita and voucher-based funding models negatively affected rural school financing because of small enrolment numbers. By contrast, Estonia's transition to needs-based financing coincided with a substantial narrowing of the urban-rural gap. We therefore recommend developing balanced needs-based funding formulas and establishing systematic, decentralised, and transparent allocation mechanisms with continuous adjustment in response to population mobility and demographic change [OECD 2017].

Second, extensive school closures in Lithuania, Russia and Kazakhstan did not improve rural students' educational outcomes, whereas Estonia and Latvia, which preserved small rural schools and provided them with

sufficient resources, demonstrated more favourable trajectories. We therefore recommend maintaining small rural schools where justified by educational needs and community impact assessments and avoiding school closures in the absence of appropriate staffing and financial arrangements [Tinkham 2014; Harris 2015]. Crucially, education network restructuring should be synchronised with funding reforms and accompanied by systematic outcome monitoring, as the absence of such coordination represented a common weakness across the seven FSU countries.

Third, our policy analysis demonstrated that targeted teacher recruitment programmes were identified only in Kazakhstan, while other countries largely neglected this dimension. Given that teacher quality is consistently recognised as a key determinant of rural school effectiveness [Monk 2007; Kosaretsky, Froumin 2022], we recommend implementing teacher incentive programmes that include financial benefits, housing support, and professional development opportunities for rural educators [Rosenberg et al. 2015; Dhaliwal, Bruno 2021].

Finally, rural location remains a significant predictor of educational outcomes even after controlling for socio-economic and institutional variables, indicating that the urban-rural gap reflects broader territorial inequalities. Educational policies should therefore be coordinated with broader social policies aimed at reducing regional inequalities through tax redistribution and labour market interventions [Jackson et al. 2014; Franck, Nicaise 2017].

These recommendations require not necessarily additional resources but rather a more equitable and efficient allocation of existing ones, tailored to local contexts. Moreover, the observational nature of the policy analysis does not permit causal claims regarding the effectiveness of specific reforms.

Several limitations should be acknowledged. This study includes only seven of the fifteen FSU countries, which limits the generalisability of the findings. Although these countries share common historical legacies [Titma et al. 2003], their socio-economic and cultural differences likely mediate reform outcomes in distinct ways [Elliott, Tudge 2013; Zajda 2014].

We use PISA data to assess educational achievement disparities while recognising limitations related to sampling characteristics, assessment design, and measurement instruments [Fernandez-Cano 2016; Echazarra, Radinger 2019; Zhao 2020; Henderson, Mandalawi 2024]. The use of the mean of plausible values may underestimate imputation variance in borderline cases. Our comparison of the two PISA cycles relies on repeated cross-sectional data, meaning that observed changes in the urban-rural gap cannot be causally attributed to specific reforms, as broader economic, demographic, and migration processes may also have contributed to these trends.

The predictors included in the analysis were determined primarily by the availability of comparable variables across countries and survey cycles within the PISA database. Although these variables capture several important individual- and school-level factors associated with urban-rural disparities, such as SES, school resources, and territorial location, they do not fully reflect broader institutional, cultural, and regional characteristics that may also shape educational outcomes [Irvin et al. 2012; Nyoni et al. 2017]. Moreover, the binary urban-rural classification (settlements up to 3,000 as rural) used in the study does not capture the considerable heterogeneity among rural schools, as proximity to urban centres may significantly shape educational conditions [Greenough, Nelson 2015; Echazarra, Radinger 2019].

Future research could include a broader sample of post-Soviet countries and multiple subject domains, covering a broader range of predictors. In particular, incorporating school-level expenditure data would enable more direct analysis of the relationship between funding policies and student outcomes. Differentiating among rural areas by population size and proximity to urban centres would provide a more nuanced understanding of

rurality. Finally, longitudinal research designs would enable stronger causal inferences regarding the effects of specific reforms on urban–rural disparities.

Declaration of Generative AI and AI-Assisted Technologies in the Writing Process

During the preparation of this manuscript, the authors used DeepL Write for proofreading purposes. Following the use of this tool, the authors reviewed and edited the text as necessary and take full responsibility for the content of the publication.

Acknowledgements

This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Appendix 1

Descriptive Statistics

Table A1.1

Proportional Distribution of Test Participants by Locality Type across Post-Soviet Countries

Country	2009		2018	
	Rural	Urban	Rural	Urban
Estonia	26.4%	73.6%	23.2%	76.8%
Georgia	34.1%	65.9%	30.1%	69.9%
Kazakhstan	32.7%	67.3%	29.8%	70.2%
Latvia	32.5%	67.5%	19.6%	80.4%
Lithuania	23.3%	76.7%	20.7%	79.3%
Moldova	56.7%	43.3%	46.7%	53.3%
Russia	20.2%	79.8%	14.3%	85.7%

Appendix 2

Multilevel Regression Model Results

Table A2.1

Results of the Multilevel Regression Analysis

Year	PS_Only	Parameter	Estimate	SE	95% Confidence Interval		p
					LL	UL	
2009	Estonia	Intercept	607.73	19.44	569.38	646.08	< 0.001
		Immigrant status	- 14.41	2.23	- 18.77	- 10.04	< 0.001
		Gender	- 42.50	1.24	- 44.93	- 40.07	< 0.001
		ESCS	17.00	0.85	15.33	18.67	< 0.001
		Language at home	- 32.75	3.87	- 40.34	- 25.16	< 0.001
		Rural settlement	- 13.83	6.75	- 27.15	- 0.50	< 0.001
		Teacher shortage	- 5.27	3.95	- 13.08	2.54	0.184
		Available Schooling	- 4.69	3.87	- 12.33	2.94	0.227
		Proportion of qualified teachers	- 1.94	13.41	- 28.42	24.54	0.885
		School type	15.91	12.85	- 9.47	41.29	0.218
	Georgia	Intercept	475.03	16.15	443.18	506.89	< 0.001
		Immigrant status	4.96	3.13	- 1.18	11.09	0.113
		Gender	- 58.71	0.84	- 60.34	- 57.07	< 0.001
		ESCS	20.62	0.50	19.64	21.59	< 0.001
		Language at home	- 20.00	3.14	- 26.14	- 13.85	< 0.001
		Rural settlement	- 20.14	8.05	- 36.02	- 4.25	< 0.001
		Teacher shortage	- 0.48	4.31	- 8.99	8.04	0.912
		Available Schooling	- 1.75	4.40	- 10.43	6.93	0.692
		Proportion of qualified teachers	- 19.82	11.72	- 42.97	3.33	0.093
		School type	32.93	7.73	17.66	48.19	< 0.001
	Kazakhstan	Intercept	502.39	29.47	444.28	560.50	< 0.001
		Immigrant status	- 2.00	0.30	- 2.59	- 1.42	< 0.001
		Gender	- 39.35	0.25	- 39.84	- 38.86	< 0.001
		ESCS	19.40	0.18	19.05	19.75	< 0.001
		Language at home	- 3.55	0.45	- 4.43	- 2.66	< 0.001
		Rural settlement	- 26.34	7.94	- 41.98	- 10.69	< 0.001
		Teacher shortage	- 0.82	3.25	- 7.22	5.58	0.801
		Available Schooling	- 2.05	4.22	- 10.38	6.27	0.628
		Proportion of qualified teachers	- 28.30	30.26	- 87.97	31.37	0.351
		School type	4.41	9.44	- 14.21	23.03	0.641
Latvia	Intercept	557.57	15.87	526.28	588.86	< 0.001	
	Immigrant status	- 4.03	1.95	- 7.85	- 0.21	< 0.001	
	Gender	- 44.51	0.85	- 46.18	- 42.84	< 0.001	
	ESCS	20.18	0.56	19.09	21.28	< 0.001	
	Language at home	- 5.50	1.77	- 8.97	- 2.02	< 0.001	
	Rural settlement	- 22.03	5.43	- 32.75	- 11.31	< 0.001	
	Teacher shortage	0.21	3.54	- 6.78	7.19	0.953	

Table A2.1

Year	PS_Only	Parameter	Estimate	SE	95% Confidence Interval		p
					LL	UL	
Lithuania		Available Schooling	- 2.14	3.90	- 9.83	5.56	0.584
		Proportion of qualified teachers	- 0.34	7.33	- 14.81	14.13	0.963
		School type	16.28	13.31	- 9.98	42.54	0.223
		Intercept	542.40	42.98	457.57	627.23	< 0.001
		Immigrant status	- 6.83	2.41	- 11.55	- 2.10	< 0.001
		Gender	- 52.10	0.67	- 53.40	- 50.79	< 0.001
		ESCS	19.13	0.40	18.35	19.91	< 0.001
		Language at home	- 17.59	2.10	- 21.70	- 13.47	< 0.001
		Rural settlement	- 21.72	6.35	- 34.25	- 9.19	< 0.001
		Teacher shortage	4.11	4.56	- 4.89	13.11	0.368
Moldova		Available Schooling	- 1.72	3.78	- 9.18	5.74	0.649
		Proportion of qualified teachers	41.57	17.24	7.54	75.60	< 0.001
		School type	1.72	38.21	- 73.69	77.12	0.964
		Intercept	461.93	24.74	413.12	510.75	< 0.001
		Immigrant status	8.68	2.28	4.22	13.14	< 0.001
		Gender	- 42.94	0.64	- 44.20	- 41.68	< 0.001
		ESCS	15.80	0.39	15.04	16.55	< 0.001
		Language at home	- 10.41	1.54	- 13.43	- 7.40	< 0.001
		Rural settlement	- 38.49	6.93	- 52.16	- 24.82	< 0.001
		Teacher shortage	0.71	3.50	- 6.20	7.62	0.839
Russia		Available Schooling	- 2.94	3.58	- 10.01	4.13	0.412
		Proportion of qualified teachers	37.87	24.80	- 11.08	86.81	0.129
		School type	0b	0.00	—	—	
		Intercept	516.53	27.54	462.23	570.84	< 0.001
		Immigrant status	- 6.18	0.13	- 6.43	- 5.92	< 0.001
		Gender	- 40.42	0.12	- 40.66	- 40.18	< 0.001
		ESCS	21.99	0.09	21.82	22.17	< 0.001
		Language at home	- 13.66	0.30	- 14.24	- 13.07	< 0.001
		Rural settlement	- 3.19	6.67	- 16.34	9.96	0.632
		Teacher shortage	- 3.50	2.68	- 8.79	1.79	0.194
2018 Estonia		Available Schooling	3.70	3.19	-2.59	9.98	0.247
		Proportion of qualified teachers	37.88	21.90	-5.31	81.07	0.085
		School type	- 4.95	19.78	- 43.96	34.05	0.803
		Intercept	627.45	28.71	570.88	684.01	< 0.001
		Immigrant status	- 10.51	2.30	- 15.03	- 6.00	< 0.001
		Gender	- 30.73	1.48	- 33.63	- 27.83	< 0.001
		ESCS	17.94	1.02	15.94	19.94	< 0.001
		Language at home	- 46.83	3.40	- 53.48	- 40.17	< 0.001
		Rural settlement	- 7.51	6.35	- 20.02	4.99	0.238
		Teacher shortage	- 3.15	3.24	- 9.54	3.24	0.333
	Available Schooling	5.38	4.04	- 2.60	13.35	0.185	

Table A2.1

Year	PS_Only	Parameter	Estimate	SE	95% Confidence Interval		<i>p</i>
					LL	UL	
Georgia		Proportion of qualified teachers	2.82	9.28	-15.47	21.11	0.761
		School type	-1.43	9.00	-19.18	16.31	0.874
		Intercept	519.08	12.87	493.76	544.40	< 0.001
		Immigrant status	-18.43	2.09	-22.53	-14.33	< 0.001
		Gender	-35.57	0.71	-36.96	-34.18	< 0.001
		ESCS	16.73	0.44	15.87	17.58	< 0.001
		Language at home	-0.46	0.09	-0.63	-0.29	< 0.001
		Rural settlement	-12.87	5.34	-23.39	-2.36	< 0.001
		Teacher shortage	-0.40	0.20	-0.80	-0.01	< 0.001
		Available Schooling	-0.68	3.25	-7.08	5.72	0.835
Kazakhstan		Proportion of qualified teachers	6.02	6.12	-6.03	18.07	0.326
		School type	-20.45	3.97	-28.26	-12.63	< 0.001
		Intercept	381.97	13.29	355.86	408.08	< 0.001
		Immigrant status	-1.97	0.32	-2.60	-1.34	< 0.001
		Gender	-24.01	0.26	-24.52	-23.50	< 0.001
		ESCS	6.35	0.17	6.02	6.67	< 0.001
		Language at home	-0.21	0.04	-0.29	-0.13	< 0.001
		Rural settlement	-34.24	3.78	-41.66	-26.82	< 0.001
		Teacher shortage	1.12	1.71	-2.23	4.47	0.512
		Available Schooling	8.21	2.37	3.56	12.86	< 0.001
Latvia		Proportion of qualified teachers	18.99	5.71	7.78	30.21	< 0.001
		School type	12.22	4.16	4.05	20.40	< 0.001
		Intercept	460.61	30.99	399.63	521.59	< 0.001
		Immigrant status	5.42	2.47	0.58	10.25	< 0.001
		Gender	-30.96	1.26	-33.43	-28.49	< 0.001
		ESCS	13.88	0.85	12.21	15.55	< 0.001
		Language at home	-0.32	0.17	-0.65	0.01	0.059
		Rural settlement	-20.06	5.64	-31.15	-8.97	< 0.001
		Teacher shortage	-0.01	0.42	-0.84	0.81	0.98
		Available Schooling	-8.18	4.37	-16.78	0.43	0.062
Lithuania		Proportion of qualified teachers	2.94	8.00	-12.80	18.67	0.714
		School type	21.50	10.01	1.81	41.20	< 0.001
		Intercept	630.55	39.32	553.22	707.88	< 0.001
		Immigrant status	-6.99	3.00	-12.88	-1.10	< 0.001
		Gender	-26.64	0.92	-28.44	-24.84	< 0.001
		ESCS	15.15	0.62	13.94	16.36	< 0.001
		Language at home	-0.68	0.19	-1.06	-0.30	< 0.001
		Rural settlement	-42.67	6.52	-55.48	-29.85	< 0.001
		Teacher shortage	0.52	0.53	-0.53	1.56	0.33
		Available Schooling	5.05	3.83	-2.48	12.58	0.188
	Proportion of qualified teachers	7.69	24.41	-40.32	55.69	0.753	

Table A2.1

Year	PS_Only	Parameter	Estimate	SE	95% Confidence Interval		<i>p</i>
					LL	UL	
Moldova		School type	- 43.73	10.70	- 64.79	- 22.68	< 0.001
		Intercept	569.51	39.01	492.71	646.31	< 0.001
		Immigrant status	- 16.98	2.80	- 22.47	- 11.48	< 0.001
		Gender	- 35.96	0.87	- 37.67	- 34.25	< 0.001
		ESCS	24.53	0.55	23.47	25.60	< 0.001
		Language at home	- 0.30	0.02	- 0.34	- 0.26	< 0.001
		Rural settlement	- 34.37	5.37	- 44.95	- 23.79	< 0.001
		Teacher shortage	- 0.10	0.25	- 0.58	0.39	0.702
		Available Schooling	- 5.75	3.00	- 11.65	0.16	0.056
		Proportion of qualified teachers	5.86	6.04	- 6.04	17.76	0.333
Russia		School type	- 11.67	12.98	- 37.23	13.89	0.369
		Intercept	523.36	9.60	504.45	542.28	< 0.001
		Immigrant status	- 6.23	0.20	- 6.63	- 5.84	< 0.001
		Gender	- 21.77	0.14	- 22.04	- 21.50	< 0.001
		ESCS	14.67	0.10	14.46	14.87	< 0.001
		Language at home	- 0.89	0.02	- 0.93	- 0.86	< 0.001
		Rural settlement	- 22.27	8.28	- 38.58	- 5.96	< 0.001
		Teacher shortage	- 6.99	2.82	- 12.53	- 1.45	< 0.001
		Available Schooling	- 4.36	4.20	- 12.64	3.91	0.3
		Proportion of qualified teachers	4.68	6.58	- 8.28	17.64	0.477

Appendix 3

Significance of Territorial Differences in Reading Test Scores

Table A3.1

Results of Independent-Samples T-Tests

Year	Country	T	Df	<i>p</i>	Av. diff.	95% Ci	
						High	Low
2009	Estonia	13.39	12,976.00	< 0.001	21.23	1.59	18.12
	Georgia	43.99	42,516.00	< 0.001	41.42	0.94	39.57
	Kazakhstan	94.41	250,655.00	< 0.001	34.64	0.37	33.92
	Latvia	31.94	23,360.00	< 0.001	33.63	1.05	31.57
	Lithuania	39.00	40,294.00	< 0.001	37.76	0.97	35.86
	Moldova	76.33	43,193.00	< 0.001	59.50	0.78	57.97
	Russia	164.28	1,290,045.00	< 0.001	30.81	0.19	30.45
2018	Estonia	3.71	11,413.00	< .001	7.38	1.99	3.48
	Georgia	48.37	38,276.00	< 0.001	42.48	0.88	40.76
	Kazakhstan	106.50	212,227.00	< 0.001	36.51	0.34	35.84
	Latvia	21.79	15,205.00	< 0.001	37.81	1.74	34.41
	Lithuania	44.44	24,451.00	< 0.001	61.65	1.39	58.93
	Moldova	63.72	28,250.00	< 0.001	63.62	1.00	61.66
	Russia	200.73	1,191,175.00	< 0.001	46.55	0.23	46.09

Note: The dependent variable is the reading test scores, and the grouping variable is territorial affiliation (city = 0; village = 1).

References

- Alembaeva A. A., Turymbaeva L. A., Kadyrova M. B. (2017) *Aktualnye voprosy podushevogo phinansirovaniya sistemy obrazovaniya v Respublike Kazakhstan* [Actual Issues of Per Capita Financing of the Education System in the Republic of Kazakhstan]. Available at: <http://repository.apa.kz/xmlui/handle/123456789/916> (accessed 20 August 2023).
- Alonso Carmona C., García-Arnau A., Vázquez-Cupeiro M. S. (2023) What is Educational Inequality? Divergences and Continuities in the Major Educational Reforms in Spain. *Education Policy Analysis Archives*, vol. 31. doi:10.14507/epaa.31.8021
- Alonso J. D., Sánchez A. (eds) (2011) *Reforming Education Finance in Transition Countries: Six Case Studies in Per Capita Financing Systems*, Washington, DC: World Bank.
- Amini C., Nivorozhkin E. (2015) The Urban-Rural Divide in Educational Outcomes: Evidence from Russia. *International Journal of Educational Development*, vol. 44, pp. 118–133. doi: 10.1016/j.ijedudev.2015.07.006
- Ayaiz Rather S. (2024) Educational Disparities in Rural Areas: Analyzing Challenges and Developing Strategic Improvements. *International Journal for Multidisciplinary Research*, vol. 6, no 6. doi: 0.36948/ijfmr.2024.v06i06.32532
- Balfour R. J., Mitchell C., Moletsane R. (2008) Troubling Contexts: Toward a Generative Theory of Rurality as Educational Research. *Journal of Rural and Community Development*, vol. 3, no 3, pp. 95–107.
- Bird K., Hulme D., Moore K., Shepherd A. (2002) Chronic Poverty and Remote Rural Areas. *CPRC Working Papers*, no 13, Chronic Poverty Research Centre, University of Birmingham and University of Manchester. doi: 10.2139/ssrn.1754490
- Bochorishvili E., Peranidze N. (2020) *Georgia's Education Sector, Tbilisi, Georgia: Galt & Taggart Industry Overview*.
- Bucaite-Vilke J. (2022) *Social Investment and Territorial Inequalities: Mapping Policies and Services in the Baltic States*, Berlin: Peter Lang International Academic Publishers.
- Bystrova N. P., Bukibayeva G. S. (1988) On the Inequality of Rural Services Provision in the USSR. *Soviet Geography*, vol. 29, no 8, pp. 762–769. doi: 10.1080/00385417.1988.10640746
- Carlsen A. (2020) *Ensuring Lifelong Learning for All in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan: Country Evidence and Policy Recommendations*, Paris: UNESCO Publishing.
- Caselli F. (2005) Accounting for Cross-Country Income Differences. *Handbook of Economic Growth* (eds. Ph. Aghion, S. Durlauf), Amsterdam, Netherlands: Elsevier, pp. 679–741.
- Chandler M. (2002) Grant Transfers and Financial Supervision in Lithuania. *Delivering Public Services in CEE Countries: Trends and Developments* (eds. J. Finlay, M. Debicki), Proceedings from the Tenth Annual Conference held in Cracow, Poland, April 25–27, Bratislava: NISPAcee, pp. 353–375.

- Chankseliani M. (2017) Charting the Development of Knowledge on Soviet and Ex-Soviet Education through the Pages of Comparative and International Education Journals. *Comparative Education*, vol. 53, no 2, pp. 265–283. doi: [10.1080/03050068.2017.1293407](https://doi.org/10.1080/03050068.2017.1293407)
- Chunling L. (2015) Trends in Educational Inequality in Different Eras (1940–2010): A Re-Examination of Opportunity Inequalities in Urban-Rural Education. *Chinese Education & Society*, vol. 48, no 3, pp. 163–182. doi: [10.1080/10611932.2015.1085772](https://doi.org/10.1080/10611932.2015.1085772)
- Creswell J. W. (1999) Mixed-Method Research: Introduction and Application. *Handbook of Educational Policy: A Volume in Educational Psychology* (ed. G. J. Cizek), Amsterdam, Netherlands: Elsevier, pp. 455–472. doi: [10.1016/b978-012174698-8/50045-x](https://doi.org/10.1016/b978-012174698-8/50045-x)
- Dhaliwal T. K., Bruno P. (2021) The Rural/Nonrural Divide? K–12 District Spending and Implications of Equity-Based School Funding. *AERA Open*, vol. 7, art. 2332858420982549.
- Du Plessis P., Mestry R. (2019) Teachers for Rural Schools — A Challenge for South Africa. *South African Journal of Education*, vol. 39 (Supplement 1), pp. S1–S9. doi: [10.15700/saje.v39ns1a1774](https://doi.org/10.15700/saje.v39ns1a1774)
- Duncan G. J., Murnane R. J. (2011) *Whither Opportunity? Rising Inequality, Schools, and Children's Life Chances*, New York: Russell Sage Foundation.
- Eacott S., Freeborn A. (2020) Regional and Rural School Consolidation: A Scoping Study of Research Literature. *International Journal of Educational Management*, vol. 34, no 3, pp. 477–491. doi: [10.1108/IJEM-08-2019-0318](https://doi.org/10.1108/IJEM-08-2019-0318)
- Echazarra A., Radinger T. (2019) Learning in Rural Schools: Insights from PISA, TALIS and the Literature. *OECD Education Working Papers*, no 196. doi: [10.1787/8b1a5cb9-en](https://doi.org/10.1787/8b1a5cb9-en)
- Elliott J., Tudge J. (2013) The Impact of the West on Post-Soviet Russian Education: Change and Resistance to Change. *Western Psychological and Educational Theory in Diverse Contexts* (eds. J. Elliot, E. Grigorenko), London: Routledge, pp. 93–112.
- Entorf H., Minoiu N. (2004) What a Difference Immigration Law Makes: PISA Results, Migration Background, Socioeconomic Status and Social Mobility in Europe and Traditional Countries of Immigration. *Darmstadt Discussion Papers in Economics*, no 128.
- Fazekas M. (2012) School Funding Formulas. *OECD Working Papers*, no 74, Paris: OECD.
- Fernandez-Cano A. (2016) A Methodological Critique of the PISA Evaluations. *Relieve*, vol. 22, no 1, pp. 1–16. doi: [10.7203/relieve.22.1.8806](https://doi.org/10.7203/relieve.22.1.8806)
- Franck E., Nicaise I. (2017) *The Effectiveness of Equity Funding in Education in Western Countries: Literature Review*, report no 2/2017, European Commission.
- Fuchs R. J., Demko G. J. (1979) Geographic Inequality under Socialism. *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 69, no 2, pp. 304–318.
- Gerry C., Mickiewicz T. (2007) Inequality, Democracy and Taxation: Lessons from the Post-Communist Transition. *University College London SSEES Working Papers*, no 60. doi: [10.1080/09668130701760356](https://doi.org/10.1080/09668130701760356)

- Giedraitiene E., Kiliuviene D., Brauckmann S. (2007) Lithuania. *The Education Systems of Europe* (eds. W. Hörner, H. Döbert, B. von Kopp, W. Mitter), Dordrecht: Springer, pp. 451–469.
- Greenough R., Nelson S. R. (2015) Recognizing the Variety of Rural Schools. *Peabody Journal of Education*, vol. 90, no 2, pp. 322–332. doi: [10.1080/0161956X.2015.1022393](https://doi.org/10.1080/0161956X.2015.1022393)
- Grivins M. (2012) Implementation of Per Capita Education Funding in the Baltic States. *Baltic Journal of European Studies*, vol. 2, no 12, pp. 87–108. doi: [10.11590/bjes.2012.2.05](https://doi.org/10.11590/bjes.2012.2.05)
- Gross C., Hadjar A., Zapfe L. (2022) Institutional Characteristics of Educational Systems and Inequalities: Introduction II. *International Journal of Comparative Sociology*, vol. 63, no 1–2, pp. 3–9. doi: [10.1177/00207152211061598](https://doi.org/10.1177/00207152211061598)
- Harris C. E. (2015) Schools that Don't Close: Possible Places and Spaces for Progressive Teaching, Learning, and Research. *Alberta Journal of Educational Research*, vol. 60, no 4, pp. 656–673. doi: [10.11575/ajer.v60i4.55979](https://doi.org/10.11575/ajer.v60i4.55979)
- Hazans M. (2010) Teacher Pay, Class Size and Local Governments: Evidence from the Latvian Reform. *IZA Discussion Papers*, no 5291. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/51995/1/663224713.pdf> (accessed 20 August 2023).
- Henderson R., Mandalawi S. M. (2024) The Importance of Local Context in a Global World: Three Case Studies from Rural and Remote International Locations. *Australian and International Journal of Rural Education*, vol. 34, no 1, pp. 25–43. doi: [10.47381/ajre.v34i1.468](https://doi.org/10.47381/ajre.v34i1.468)
- Herczynski J. (2003) The Financing of Georgian Education. *Problems of Economic Transition*, vol. 45, no 10, pp. 5–57. doi: [10.1080/10611991.2003.11049800](https://doi.org/10.1080/10611991.2003.11049800)
- Heyneman S. (1998) The Transition from Party/State to Open Democracy: The Role of Education. *International Journal of Educational Development*, vol. 18, no 1, pp. 21–40. doi: [10.1016/S0738-0593\(97\)00039-4](https://doi.org/10.1016/S0738-0593(97)00039-4)
- Hernández-Torrano D. (2018) Urban-Rural Excellence Gaps: Features, Factors, and Implications. *Roeper Review*, vol. 40, no 1, pp. 36–45. doi: [10.1080/02783193.2018.1393610](https://doi.org/10.1080/02783193.2018.1393610)
- Imai K. S., Malaeb B. (2016) *Asia's Rural-Urban Disparity in the Context of Growing Inequality*, Kobe, Japan: Research Institute for Economics and Business Administration, Kobe University.
- Irvin M. J., Byun S. Y., Meece J. L., Farmer T. W., Hutchins B. C. (2012) Educational Barriers of Rural Youth: Relation of Individual and Contextual Difference Variables. *Journal of Career Assessment*, vol. 20, no 1, pp. 71–87.
- Jackson C. K., Johnson R., Persico C. (2014) The Effect of School Finance Reforms on the Distribution of Spending, Academic Achievement, and Adult Outcomes. *NBER Working Paper*, no 20118.
- Janashia S. (2015) The Voucher System in Georgia. *Globalization, Ideology and Politics of Education Reforms* (ed. J. Zajda), Berlin; London: Springer, pp. 107–118.

- Jin H., Jirasavetakul L. B. F., Shang B. (2019) *Improving the Efficiency and Equity of Public Education Spending: The Case of Moldova*, Washington, DC: International Monetary Fund.
- Johnson J., Howley C. B. (2015) Contemporary Federal Education Policy and Rural Schools: A Critical Policy Analysis. *Peabody Journal of Education*, vol. 90, no 2, pp. 224–241. doi: [10.1080/0161956X.2015.1022112](https://doi.org/10.1080/0161956X.2015.1022112)
- Khavenson T., Carnoy M. (2016) The Unintended and Intended Academic Consequences of Educational Reforms: The Cases of Ex-Soviet Estonia, Latvia and Russia. *Oxford Review of Education*, vol. 42, no 2, pp. 178–199. doi: [10.1080/03054985.2016.1157063](https://doi.org/10.1080/03054985.2016.1157063)
- Kitsing M., Kukemelk H. (2020) Estonia: School Governance in Estonia: Turnaround from Order-Oriented to Inclusive and Evidence-Based Governance. *Educational Authorities and the Schools: Organisation and Impact in 20 States* (eds. H. Ärlestig, O. Johansson), vol. 13, Cham: Springer, pp. 131–150.
- Kline J., White S., Lock G. (2013) The Rural Practicum: Preparing a Quality Teacher Workforce for Rural and Regional Australia. *Journal of Research in Rural Education*, vol. 28, no 3, pp. 1–13.
- Klyachko T. L. (2014) Normativnoe podushevoe phinansirovanie: zamysly, resheniya i efekty [Normative Per Capita Financing: Intentions, Solutions and Effects]. *Zhurnal rukovoditelya upravleniya obrazovaniem*, no 3, pp. 9–14 (in Russian).
- Koroleva I., Mierina I., Karklina I. (2017) Small Rural Schools on the Edge of Survival: Comparative Assessment of Stakeholders' Perspectives in Latvia and Norway. *Journal of Advances in Humanities and Social Sciences*, vol. 3, no 4, pp. 214–225.
- Kosaretsky S., Froumin I. (eds) (2022) *Rossiyskaya shkola: nachalo XXI veka* [Russian Schools: The Early 21st Century], Moscow: HSE Publishing House. doi: [10.17323/978-5-7598-2445-9](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2445-9) (in Russian).
- Krasnopjorovs O. (2019) Why is Education Performance So Different Across Latvian Schools? *Economics of Transition and Institutional Change*, vol. 27, no 4, pp. 971–987. doi: [10.1111/ecot.12227](https://doi.org/10.1111/ecot.12227)
- Kryst E. L., Kotok S., Bodovski K. (2015) Rural/Urban Disparities in Science Achievement in Post-Socialist Countries: The Evolving Influence of Socioeconomic Status. *Global Education Review*, vol. 2, no 4, pp. 60–77.
- Kutsyuruba B. (2017) Using Document Analysis Methodology to Explore Educational Reforms and Policy Changes in Ex-Soviet Ukraine. *Reimagining Utopias: Theory and Method for Educational Research in Post-Socialist Contexts* (eds. I. Silova, N. Sobe, A. Korzh, S. Kovalchuk), Rotterdam: SensePublishers, pp.199–214.
- Kuzmenko T., Liakh V., Dmytrenko A. (2018) Improvement of Functional Planning Organisation of Rural Settlements in Suburban Zones. *International Journal of Engineering and Technology*, vol. 7, no 3, pp. 626–630. doi: [10.14419/ijet.v7i3.2.14603](https://doi.org/10.14419/ijet.v7i3.2.14603)
- Levacic R. (2014) Using Quantitative Data in World Bank Per-Student Funding Reform Projects: Data, Designs and Dilemmas in Transition Countries. *Comparative Education*, vol. 50, no 3, pp. 340–356. doi: [10.1080/03050068.2014.921373](https://doi.org/10.1080/03050068.2014.921373)

- Li R. R., Kitchen H., George B., Richardson M., Fordham E. (2019) *OECD Reviews of Evaluation and Assessment in Education: Georgia*, Paris: OECD Publishing. doi: [10.1787/94dc370e-en](https://doi.org/10.1787/94dc370e-en)
- Lichter D., Schafft K. (2016) People and Places Left Behind: Rural Poverty in the New Century. *The Oxford Handbook of the Social Science of Poverty* (eds. D. Brady, L. M. Burton), Oxford: Oxford University Press, pp. 317–340. doi: [0.1093/oxfordhb/9780199914050.013.15](https://doi.org/0.1093/oxfordhb/9780199914050.013.15)
- Maglakelidze S. (2011) *Education Reform and School Funding: An Analysis of the Georgian Experience*. Unpublished. Available at: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED515551.pdf> (accessed 20 October 2023).
- Mhamed A. A. S., Winter L., Kasa R., Qanay Q., Zhontayeva Zh., Aringazina L. (2023) New Ways of Financing Schools: Per-Capita Funding. *Mapping Educational Change in Kazakhstan* (eds. C. McLaughlin, L. Winter, N. Yakavets), Cambridge University Press, pp. 137–150. doi: [10.1017/9781009070515.012](https://doi.org/10.1017/9781009070515.012)
- Milanovic B. (2013) Global Income Inequality in Numbers: In History and Now. *Global Policy*, vol. 4, no 2, pp. 198–208. doi: [10.1111/1758-5899.12032](https://doi.org/10.1111/1758-5899.12032)
- Monk D. H. (2007) Recruiting and Retaining High-Quality Teachers in Rural Areas. *The Future of Children*, vol. 17, no 1, pp. 155–174. doi: [10.1353/foc.2007.0009](https://doi.org/10.1353/foc.2007.0009)
- Moulton J. (2001) *Improving Education in Rural Areas: Guidance for Rural Development Specialists*, Washington, DC: World Bank.
- Müller W., Shavit Y. (1998) The Institutional Embeddedness of the Stratification Process: A Comparative Study of Qualifications and Occupations in Thirteen Countries. *From School to Work* (eds. Y. Shavit, W. Müller), Oxford: Clarendon Press, pp. 1–48.
- Nefedova T. G., Slepukhina I. L., Brade I. (2016) Migration Attractiveness of Cities in the Ex-Soviet Space: A Case Study of Russia, Ukraine, and Belarus. *Regional Research of Russia*, vol. 6, pp. 131–143. doi: [10.1134/S2079970516020088](https://doi.org/10.1134/S2079970516020088)
- North D. C. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Nyoni M., Nyoni T., Bonga W. G. (2017) Factors Affecting Students' Academic Achievement in Rural Secondary Schools of Zimbabwe: A Case Study of Marimasimbe Secondary School. *Journal of Economics and Finance (DRJ-JEF)*, vol. 2, no 3, pp. 1–15.
- OECD (2016a) *PISA 2015 Results (Volume I): Excellence and Equity in Education*, Paris: OECD Publishing. doi: [10.1787/9789264266490-en](https://doi.org/10.1787/9789264266490-en)
- OECD (2016b) *PISA 2015 Results (Volume II): Policies and Practices for Successful Schools*, Paris: OECD Publishing. doi: [10.1787/9789264267510-en](https://doi.org/10.1787/9789264267510-en)
- OECD (2017) *The Funding of School Education: Connecting Resources and Learning*, Paris: OECD Publishing. doi: [10.1787/9789264276147-en](https://doi.org/10.1787/9789264276147-en)
- OECD (2021a) *Delivering Quality Education and Health Care to All: Preparing Regions for Demographic Change*, Paris: OECD Publishing. doi: [10.1787/83025c02-en](https://doi.org/10.1787/83025c02-en)

- OECD (2021b) Towards Equity in School Funding Policies. *OECD Education Policy Perspectives*, no 41. doi: [10.1787/6a3d127a-en](https://doi.org/10.1787/6a3d127a-en)
- Olefir A., Stöhr T., Coupe T., Gremalschi A. (2015) Student Performance and Attendance in Moldova from a Socioeconomic Perspective. *SSRN*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3074818> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3074818> (accessed 20 October 2023).
- Orivel F. (1998) *Cost and Finance of Education in Georgia*, Washington, DC: World Bank.
- Papay J. P., Murnane R. J., Willett J. B. (2015) Income-Based Inequality in Educational Outcomes: Learning from State Longitudinal Data Systems. *Educational Evaluation and Policy Analysis*, vol. 37, no 1, pp. 29–52. doi: [10.3102/0162373715576364](https://doi.org/10.3102/0162373715576364).
- Partridge M. D., Olfert M. R. (2009) Dissension in the Countryside: Bridging the Rural-Urban Divide with a New Rural Policy. *Globalization and the Rural-Urban Divide* (eds. M. Gopinath, H. Kim), Seoul: Seoul National University Press.
- Popa A., Oprunenco A., Lupusor A., Prohntichi V. (2011) *Relationship between Human Capital Development and Equity in the Republic of Moldova*, Torino: European Training Foundation.
- Roscigno V. J., Crowle M. L. (2001) Rurality, Institutional Disadvantage, and Achievement/Attainment. *Rural Sociology*, vol. 66, no 2, pp. 268–292. doi: [10.1111/J.1549-0831.2001.TB00067.X](https://doi.org/10.1111/J.1549-0831.2001.TB00067.X)
- Rosenberg L., Christianson M. D., Hague Angus M. (2015) Improvement Efforts in Rural Schools: Experiences of Nine Schools Receiving Improvement Grants. *Peabody Journal of Education*, vol. 90, no 2, pp. 194–210. doi: [10.1080/0161956X.2015.1022109](https://doi.org/10.1080/0161956X.2015.1022109)
- Sakellariou C. (2017) Private or Public School Advantage? Evidence from 40 Countries Using PISA 2012-Mathematics. *Applied Economics*, vol. 49, no 29, pp. 582–598. doi: [10.12681/elrie.820](https://doi.org/10.12681/elrie.820)
- Sjøberg S. (2015) PISA and Global Educational Governance: A Critique of the Project, Its Uses and Implications. *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*, vol. 11, no 1, pp. 111–127. doi: [10.12973/eurasia.2015.1310a](https://doi.org/10.12973/eurasia.2015.1310a)
- Silova I. (2002) The Manipulated Consensus: Globalization, Local Agency, and Cultural Legacies in Ex-Soviet Education Reform. *European Educational Research Journal*, vol. 1, no 2, pp. 308–330. doi: [10.2304/eej.2002.1.2.7](https://doi.org/10.2304/eej.2002.1.2.7)
- Silova I. (2009) Varieties of Educational Transformation: The Post-Socialist States of Central/Southeastern Europe and the former Soviet Union. *International Handbook of Comparative Education* (eds. R. Cowen, A. M. Kazamias), Dordrecht: Springer, pp. 295–320.
- Silova I., Johnson M. S., Heyneman S. P. (2007) Education and the Crisis of Social Cohesion in Azerbaijan and Central Asia. *Comparative Education Review*, vol. 51, no 2, pp. 159–180. doi: [10.1086/512022](https://doi.org/10.1086/512022)
- Simai M. (2006) *Poverty and inequality in Eastern Europe and the CIS transition economies*, New York: United Nations, DESA.
- Smith G. (2024) *The Post-Soviet States: Mapping the Politics of Transition*, London: Taylor & Francis.

- Sodnomova S. K. (2018) Otsenka vnedreniya normativno-podushevogo phinansirovaniya na primere uchrezhdenii obrazovaniya [Evaluation of the Implementation of Normative Per Capita Financing on the Example of Educational Institutions]. *World of Economics and Management = Mir ekonomiki i upravleniya*, vol. 18, no 4, pp. 101–111 (in Russian).
- Šūpule I., Søholt S. (2019) Rural Municipalities and Change in Local School Structure: Comparing Room for Manoeuvre among Rural Municipalities in Latvia and Norway. *Scandinavian Journal of Educational Research*, vol. 63, no 7, pp. 1070–1085. doi: [10.1080/00313831.2018.1476916](https://doi.org/10.1080/00313831.2018.1476916)
- Tabatadze S., Gorgadze N. (2017) School Voucher Funding System of Post-Soviet Georgia: From Lack of Funding to Lack of Deliverables. *Journal of School Choice*, vol. 12, no 2, pp. 271–302. doi: [10.1080/15582159.2017.1408000](https://doi.org/10.1080/15582159.2017.1408000)
- Thorez J. (2014) The Post-Soviet Space between North and South: Discontinuities, Disparities and Migrations. *Development in Central Asia and the Caucasus* (eds. S. Hohmann, C. Mouradian, S. Serrano, J. Thorez), London: I. B. Tauris, pp. 215–241.
- Tinkham J. (2014) We're Small Enough to Close but Big Enough to Divide: The Complexities of the Nova Scotia School Review Process. *Alberta Journal of Educational Research*, vol. 60, no 4, pp. 726–740.
- Titma M., Saar E. (1995) Regional Differences in Soviet Secondary Education. *European Sociological Review*, vol. 11, no 1, pp. 37–58. doi: [10.1093/oxfordjournals.esr.a036348](https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.esr.a036348)
- Titma M., Tuma N. B., Roosma K. (2003) Education as a Factor in Intergenerational Mobility in Soviet Society. *European Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 281–297. doi: [10.1093/esr/19.3.281](https://doi.org/10.1093/esr/19.3.281)
- Tūna A. (2015) Development of the School as Multidimensional Community Resource in Latvia: Opportunities and Challenges. *SOCIETY. INTEGRATION. EDUCATION*. Proceedings of the International Scientific Conference, May 23–24, 2014, vol. 1, Rēzekne: Rezekne Academy of Technologies, pp. 496–504.
- UNICEF (2007) *Education for Some More than Others? A Regional Study on Education in Central and Eastern Europe and the CIS*, Geneva: UNICEF Regional Office for CEE/CIS.
- Van de Werfhorst H. G., Mijs J. J. (2010) Achievement Inequality and the Institutional Structure of Educational Systems: A Comparative Perspective. *Annual Review of Sociology*, vol. 36, pp. 407–428. doi: [10.1146/annurev.soc.012809.102538](https://doi.org/10.1146/annurev.soc.012809.102538)
- Vethlehmsky A. (2009) Dengi sleduyut za uchenikom? [Does Money Follow the Student?]. *Narodnoe obrazovanie*, no 10, pp. 151–157 (in Russian).
- Wegren S. (2014) Rural Inequality in Ex-Soviet Russia. *Problems of Post-Communism*, vol. 61, pp. 52–64. doi: [10.2753/PPC1075-8216610104](https://doi.org/10.2753/PPC1075-8216610104)
- Welch A., Helme S., Lamb S. (2007) Rurality and Inequality in Education: The Australian Experience. *International Studies in Educational Inequality, Theory and Policy* (eds. R. Teese, S. Lamb, M. Duru-Bellat, S. Helme), Dordrecht: Springer, pp. 602–624.
- World Bank (2023) *LAC Equity Lab: A Platform for Poverty and Inequality Analysis*. Available at: <https://www.worldbank.org/en/topic/poverty/lac-equity-lab1> (accessed 20 August 2023).

- World Bank Group (2018) *Moldova Preschool and General Education: Transitioning to a Decentralized Service Delivery Model*, Washington, DC: World Bank.
- Xu R., Yue W., Wei F., Yang G., Yi C., Pan K. (2022) Inequality of Public Facilities Between Urban and Rural Areas and Its Driving Factors in Ten Cities of China. *Scientific Reports*, vol. 12: art. 13244. doi: [10.1038/s41598-022-17569-2](https://doi.org/10.1038/s41598-022-17569-2)
- Yakavets N. (2014) Educational Reform in Kazakhstan: The First Decade of Independence. *Educational Reform and Internationalization: The Case of School Reform in Kazakhstan* (ed. D. Bridges), Cambridge, MA: Cambridge University Press, pp. 1–27.
- Yastrebov G. (2022) Revisiting the Historical Trend of Educational Stratification in Soviet and Post-Soviet Russia. *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 77, art. 100662. doi: [10.1016/j.rssm.2021.100662](https://doi.org/10.1016/j.rssm.2021.100662)
- Young A. (2013) Inequality, the Urban-Rural Gap, and Migration. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 128, no 4, pp. 1727–1785. doi: [10.1093/qje/qjt025](https://doi.org/10.1093/qje/qjt025)
- Zajda J. I. (2014) *Education in the USSR: International Studies in Education and Social Change*, Oxford; New York; Paris; Toronto; Sydney; Frankfurt: Pergamon Press.
- Zhao Y. (2020) Two Decades of Havoc: A Synthesis of Criticism against PISA. *Journal of Educational Change*, vol. 21, no 2, pp. 245–266. doi: [10.1007/s10833-019-09367-x](https://doi.org/10.1007/s10833-019-09367-x)

Received: December 6, 2025

Citation: Iskakova B., Kosaretsky S., Zair-Bek S., Anchikov K. (2026) Education Policy and Urban-Rural Disparities in Schooling in Post-Soviet Countries. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 27, no 3, pp. 99–128. doi: [10.17323/1726-3247-2026-3-99-128](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2026-3-99-128) (in English)

DEBUT STUDIES

Jennet Babayeva

**“Publish or Perish” under Financial Strain:
The Role of Funding Status in Shaping Russian
Doctoral Students’ Perceptions and Experiences
of Publication Requirements**

BABAYEVA, Jennet —
Doctoral Student,
Institute of Education,
HSE University. Address:
20 Myasnitskaya str.,
101000, Moscow,
Russian Federation.

Email: dbabaeva@hse.ru

Abstract

This qualitative study examines how funding status mediates doctoral students’ perceptions and experiences of mandatory publication requirements in Russia, by comparing funded and self-funded doctoral students at a selective research-intensive university. Through 19 in-depth interviews, the research explores this understudied area. Although publication requirements were initially introduced to develop research skills, these institutional demands now function primarily to enhance university visibility, creating pressures that are strongly mediated by doctoral students’ financial circumstances. The study initially aimed to explore how funding shapes doctoral experiences more broadly. However, as the interviews progressed, participants consistently redirected the discussion toward publication experiences, revealing publication as the primary site where funding disparities are most acutely experienced. This emergent theme subsequently shaped the study’s analytical focus. The findings reveal a clear divide in experiences shaped by funding status. Funded doctoral students, despite receiving material support, describe intense psychological pressure and tensions between substantive dissertation work and institutional compliance demands. By contrast, self-funded doctoral students face persistent struggles for time and resources, as the necessity of external employment severely limits their ability to engage in both publication activities and dissertation writing. Drawing on Bourdieu’s theory of practice, the analysis conceptualises funding as a form of economic capital that shapes doctoral students’ positions within the academic field. Institutional support systems should therefore attend not only to funding levels but also to the broader material conditions of doctoral students’ lives, recognising that self-funded doctoral students require qualitatively distinct forms of support rather than simply greater quantities of existing support mechanisms.

Keywords: doctoral education in Russia; academic publishing; publication requirements; financial support; funding status; inequality; Bourdieu; capital conversion.

Introduction

According to the 2023 Science and Technology Indicators in the Russian Federation prepared by the Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge at HSE University (ISSEK HSE) [Gohberg et al. 2025], 14,146 individuals graduated from doctoral programmes in Russia, of whom only 11.2% (1,584 graduates) defended their dissertations, while the remaining 88.8% completed their programmes without defending a dissertation. This figure represents little improvement compared with 2021, when only 10.5% (1,500 out of 14,326 doctoral graduates) defended their dissertations, while the remaining 89.5% graduated without defending their dissertation [Vlasova et al. 2023]. This low dissertation completion rate raises concerns about the effectiveness of doctoral education in Russia and the potential implications for the country's research output and academic workforce. Based on ISSEK HSE statistics, doctoral enrollment in Russia totalled 90,156 students in 2021 and 121,555 in 2023 [Vlasova et al. 2023; Gohberg et al. 2025]. The substantial gap between enrollment and completion in Russian doctoral programmes, as several studies suggest [Bekova, Dzhafarova 2019; Bekova 2021; Terentev, Bekova, Maloshonok 2021] may reflect multiple factors ranging from inadequate research and supervisory support to financial constraints, which force doctoral students to prioritise paid employment over doctoral commitments.

Despite increasing doctoral attrition rates, state regulation of doctoral education in Russia has become increasingly stringent with stricter requirements concerning both dissertation quality and publication output [Bednyi, Mironos, Rybakov 2019; Terentev, Bednyi 2020; Bekova 2021; Egorov 2022; Alfimtsev, Bagdasaryan, Sakulin 2024]. In 2022, doctoral education in Russia was reformed through a shift from an academically oriented model to a research-focused model¹ defined by the Federal State Requirements (in Russian: ФГТ-21), accompanied by nine amendments to the Regulations on Awarding Academic Degrees² [Alfimtsev, Bagdasaryan, Sakulin 2024; Egorov 2022]. Following this reform, doctoral students became required to (a) pass compulsory candidature exams, (b) publish a specified number of peer-reviewed journal articles (a minimum of three articles on the topic of their dissertation research), and (c) complete mandatory teaching and research assistantships. However, the requirement to publish multiple scholarly articles in reputable journals while simultaneously conducting dissertation research, undertaking teaching and research assistantships, and writing dissertations creates substantial pressure [Terentev, Bekova, Maloshonok 2021; Alfimtsev, Bagdasaryan, Sakulin 2024].

Financial pressures constitute an additional challenge for doctoral students. Studies by Bekova [2021] and by Terentev, Bekova, Maloshonok [2021] indicate that nearly half of doctoral students' paid employment is unrelated to their dissertation research, which often negatively affects research productivity and fulfilment of programme requirements. Survey data from Terentev, Bekova, Maloshonok [2021] further reveal substantial difficulties associated with mandatory academic publishing, with more than half of respondents (54%) reporting difficulties publishing research directly related to their dissertation topics. However, these studies do not examine how publication experiences vary according to doctoral students' funding status, particularly in contexts where some doctoral students receive additional funding while others do not. Such disparities in access to financial support may produce markedly different publication experiences.

The research presented in this article emerged from a broader inquiry into how funding status shapes doctoral students' experiences within doctoral programmes. The study initially aimed to explore the perceived advantages and challenges experienced by funded and self-funded doctoral students, and to examine how unequal

¹ Federal State Requirements for the Structure of Programs for Training Research and Teaching Staff in Postgraduate Studies, approved by Order No. 951 of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. 2021. October 20. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111230037?index=8> (accessed 14 May 2025) (in Russian).

² Regulations on Awarding Academic Degrees, approved by Decree No. 842 of the Government of the Russian Federation. 2013. 24 September. Available at: <http://government.ru/docs/all/88745/> (accessed 14 May 2025) (in Russian).

access to financial support influenced progress toward degree completion. Semi-structured interviews, given their flexibility in pursuing unexpected yet relevant topics [Kallio et al. 2016], proved particularly well suited to this exploratory purpose.

As the data collection progressed, however, a clear pattern began to emerge. Although participants discussed multiple aspects of doctoral life, including coursework, supervision, teaching responsibilities, personal circumstances, the longest, most emotionally charged, and analytically rich discussions consistently centered on publication requirements. Both funded and self-funded doctoral students described publication pressure as the most demanding aspect of their programmes. However, the ways in which they experienced this pressure, the strategies they developed to navigate it, and the resources available to them differed significantly according to funding status. It became apparent that publication was not merely one topic among many but rather the principal arena in which the consequences of funding disparities were enacted.

This insight prompted a refinement of the study's analytical focus. Rather than examining all dimensions of doctoral experience, the analysis concentrates specifically on how funding status shapes doctoral students' perceptions and experiences of institutional publication requirements. This narrower focus enables deeper engagement with the themes prioritised by participants themselves, while preserving the comparative perspective between funded and self-funded doctoral students that remains central to the study. Accordingly, the following research question and objectives reflect this refined focus. This study addresses the following research question: "How do funded and self-funded doctoral students in Russia differ in their perceptions and experiences of institutional publication requirements and their role in facilitating or impeding timely doctoral completion?"

Three objectives guide this study. The first is to review existing literature on the ways publication requirements may facilitate or hinder timely degree completion, while identifying the gap in research on the Russian doctoral context. The second is to examine doctoral students' self-reported perceptions and experiences of how institutional publication demands are shaped by their funding status, and how these experiences influence progress toward dissertation completion. The third objective is to synthesise the findings in order to deepen understanding of how financial status shapes doctoral students' engagement with publication requirements. The following literature review addresses the first objective by examining the global publish-or-perish culture before turning to the Russian context and the role of financial capital.

Literature Review

The persistent gap in doctoral completion rates in Russia [Bekova, Dzhafarova 2019; Bekova 2021; Terentev, Bekova, Maloshonok 2021], despite standardised institutional publication requirements, raises a fundamental question: why some doctoral students successfully navigate these demands while others struggle to do so? This study draws on Pierre Bourdieu's Theory of Practice [1977], a sociological framework explaining how structural inequalities shape individual trajectories within competitive social fields.

Bourdieu's concepts of field, capital, and habitus provide a useful analytical lens for understanding why doctoral students facing the same institutional publication requirements may experience these demands differently and achieve different outcomes, and why funding status becomes a critical axis of inequality. Within this theoretical framework, the Russian doctoral education system constitutes the relevant field characterised by specific entry rules (e.g., admission to doctoral programmes), evaluation norms (such as mandatory periodic attestation and publication requirements), and authorities that define academic legitimacy and success (including supervisors, dissertation committees, and the Higher Attestation Commission). Within this field, publication functions as a formal institutional requirement imposed on all doctoral students.

Bourdieu [1977] identifies several forms of capital (resources) that confer power and shape individuals' positions within a field: including economic, cultural, social, and symbolic capital. Importantly, these forms of capital mutually convertible. For example, economic capital, such as doctoral students' funding may be transformed into cultural capital by creating time for research and writing and into social capital through conference participation and network-building. Similarly, cultural capital in the form of publications may later be converted into symbolic capital, including academic credentials and positions [Padmalochanan 2025]. However, such conversion processes are neither automatic nor equally accessible. The ability to convert one form of capital into another depends on an individual's position within the field and access to resources enabling such conversion. This study therefore explores whether funding status, as a form of economic capital, functions as the foundational resource shaping doctoral students' ability to acquire the cultural and social capital necessary for producing publications, and ultimately to convert these publications into the symbolic capital associated with the PhD degree itself (see Fig. 1).

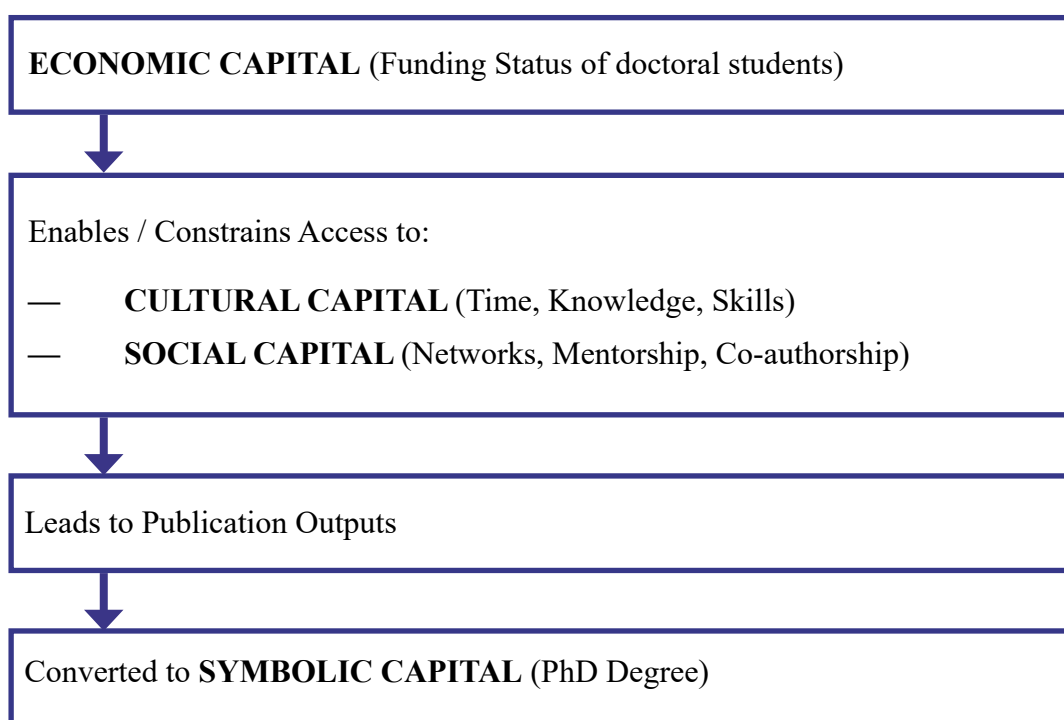

Fig. 1. Conceptual Model of Capital Conversion within the Doctoral Field

Drawing on Bourdieu's framework [1977], the literature review proceeds in three stages. First, it examines the global "publish or perish" culture and its implications for doctoral students. Second, it situates these pressures within the specific institutional context of Russian doctoral education. Finally, it considers financial uncertainty as a key factor shaping doctoral students' publication experiences.

The "Publish or Perish" Culture in Academia and Its Implications for Doctoral Students

The concept of "publish or perish" refers to the pervasive pressure placed on researchers and academics to continuously produce scholarly publications in order to advance their careers and secure positions within the academic hierarchy [Lawrence 2002; McGrail, Rickard, Jones 2006; Larivière, Costas 2016; Bello, Azubuike, Akande 2023; Mertkan et al. 2025]. According to Marson and Ferris [2023], this culture has shaped academia for nearly a century, becoming deeply embedded in higher education and influencing research priorities, institutional reputation, and academic careers, including doctoral education. The term originated in the early twentieth century, with some sources attributing its first use to H. J. Coolidge in 1932 [Rawat, Meena 2014],

since then, and it has functioned as a metric for evaluating scholarly merit through both the quantity and quality of publications.

For doctoral students, engagement with the “publish or perish” culture carries both opportunities and challenges. On the one hand, early publication activity may provide substantial advantages. Publishing in peer-reviewed journals before graduation allows doctoral students to develop research and academic writing skills, establish a scholarly identity, and to contribute to disciplinary debates within their fields [De Rond, Miller 2005; Kamler 2008; Wang et al. 2025]. Publication activity also enhances competitiveness for postdoctoral positions, academic appointments, and research funding [Larivière 2012; Pickering, Byrne 2013; Horta, Santos 2016; Mertkan et al. 2025]. In addition, publication creates opportunities for collaboration with established scholars, thereby expanding professional networks and fostering interdisciplinary innovation [Robins, Kanowski 2008; Larivière, Costas 2016].

For these reasons, many universities actively encourage—and in some cases require—doctoral students to publish before graduation. Student publications directly contribute to institutional research output, thereby enhancing university visibility and prestige within the global academic field [Lawrence 2002; Larivière 2012; Larivière, Costas 2016]. A strong publication profile may also attract leading faculty members, competitive research funding, and high-achieving students seeking academically rigorous environments [Horta, Li 2023; Mason, Frick 2022].

However, the scholarly literature increasingly recognises that the capacity to meet publication demands is unevenly distributed among doctoral students. Although publication pressure is widespread across academia, doctoral students’ ability to produce publications is shaped by structural factors extending beyond individual motivation or talent. Doctoral students balancing research with paid employment, particularly employment unrelated to dissertation research, encounter substantial barriers to publication productivity [Bekova 2021; Terentev, Bekova, Maloshonok 2021]. Time scarcity [Cano, Alamino 2025; Kumar et al. 2025], cognitive exhaustion associated with multiple competing demands [Bekova 2021], and limited capacity to absorb lengthy and uncertain publication timelines without institutional support all constrain doctoral students’ ability to publish [Kamler 2008; Mertkan et al. 2025]. These findings suggest that publish-or-perish requirements, although framed as neutral academic standards, operate in practice within an uneven institutional landscape in which doctoral students’ financial circumstances fundamentally shape publishing opportunities and outcomes. This observation highlights the need for research that moves beyond documenting institutional publication pressures toward systematically examining how economic capital shapes doctoral students’ engagement with publication requirements.

The present study addresses this issue by examining how funding status shapes Russian doctoral students’ engagement with publication requirements. Before turning to this analysis, however, it is necessary to consider the institutional context in which these pressures operate. The following section examines the distinctive features of doctoral education and publication requirements in Russia, where state oversight, recent reforms, and widespread financial precarity create a distinctive institutional field for doctoral publishing.

Contextual Characteristics of Doctoral Education and Publication Requirements in Russia

In Russia, the authority to award doctoral degrees is vested in the state’s Higher Attestation Commission (HAC)³, regardless of whether doctoral programmes are delivered by universities or research institutes [Kobzar, Roshchin 2020; Terentev, Bekova, Maloshonok 2021]. Doctoral education is therefore centrally regulated

³ The Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation was established for the purpose of ensuring state scientific certification. Available at: https://vak.minobrnauki.gov.ru/about#tab=_tab:polojenie~ (accessed 14 May 2026) (in Russian).

and subsidised by the Russian state, with universities operating within a nationally standardised framework. To qualify for dissertation defence, doctoral students must satisfy three core requirements: pass compulsory candidature exams, complete teaching and research assistantships, and publish a specified number of peer-reviewed journal articles to their dissertation topic [Bednyi et al. 2019; Maloshonok, Terentev 2019; Alfimtsev, Bagdasaryan, Sakulin 2024]. The publication requirement generally involves a minimum of three articles, published in journals approved by the HAC, a list that includes both Russian and international journals, although not all internationally recognised high-ranking journals are included [Terentev, Bednyi 2020].

Institutional competition for prestige and international visibility has further intensified the importance of publication requirements. Following the launch of the state-funded Project 5–100 initiative in 2013, Russian universities have come under increasing pressure to expand research output and improve their standing in global university rankings [Rudenko 2020; Kuzminov, Yudkevich 2022]. Within this competitive environment, doctoral student publications have become an important institutional resource used to demonstrate research productivity and enhance institutional reputation. These publications function as indicators of scientific capacity and funding competitiveness, thereby operating as a form of institutional capital within the global academic field [Spence 2002; Horta, Lacy 2011; Dusdal, Powell 2021].

However, doctoral students' ability to meet these intensified publication demands is heavily constrained by their financial circumstances. Approximately 90% of doctoral students in Russia combine full-time employment with doctoral study [Bekova, Dzhafarova 2019; Bekova 2021; Terentev, Bekova, Maloshonok 2021]. This employment is driven primarily by financial necessity rather than personal choice: the state-funded doctoral stipend remains extremely low, amounting to approximately 4,200 roubles (around USD 52) per month for most doctoral students, with slightly higher stipends available in STEM disciplines [Babayeva, Maloshonok 2025]. This stipend falls substantially below the cost of living, forcing doctoral students to seek additional income sources. Importantly, nearly half of doctoral students' paid employment is unrelated to dissertation research, thereby diverting time and cognitive energy away from academic work and undermining research productivity [Bekova 2021; Terentev, Bekova, Maloshonok 2021].

The implications for publication activity are substantial. Terentev, Bekova, Maloshonok [2021] found that more than half of doctoral students (54%) reported serious difficulties publishing research directly related to their dissertation topics. Although this finding points to a broader systemic problem, it obscures important internal variation within doctoral cohorts, only a relatively small proportion of doctoral students receives additional competitive financial support, including scholarships, grants, and paid research assistantships whereas the majority receive no additional support. This unequal access to additional financial resources may fundamentally shape doctoral students' publishing experiences, yet this issue remains insufficiently explored in existing empirical research. Doctoral students receiving additional funding are better positioned to dedicate time to research and publication activities, whereas students without such support must balance paid employment and academic progress under conditions of limited resources. The following subsection examines this relationship in greater depth, by synthesising literature on how financial capital shapes doctoral students' engagement with publication requirements.

Financial Capital as a Mediating Factor within the Academic Field

This subsection examines scholarly literature on doctoral student funding, exploring how economic capital or its absence, shapes doctoral students' ability to engage with publication demands and progress toward degree completion. Drawing on both international [Ampaw, Jaeger 2012; Nerad 2012; 2020; Sverdlik et al. 2018; Van Rooij et al. 2021] and Russian scholarship [Bekova, Dzhafarova 2019; Bekova 2021; Terentev, Bekova, Maloshonok 2021; Babayeva, Maloshonok 2025; Smirnov 2025], the section argues that funding status constitutes not merely a background characteristic but a central determinant of doctoral students' academic trajectories.

Doctoral student funding takes multiple forms across national contexts, including state scholarships, institutional grants, research assistantships, teaching assistantships, and external fellowships [Nerad 2012; 2020]. Access to these forms of funding is rarely distributed equally. Research consistently shows that doctoral students in STEM disciplines receive substantially greater financial support than students in the humanities and social sciences, while doctoral students at elite institutions often have access to resources unavailable elsewhere [Valero 2001; Golde 2005; Ehrenberg et al. 2007; Larivière 2012; Horta, Santos 2016]. In Russia, these inequalities are intensified by the extremely low base doctoral stipend which forces most doctoral students to seek external employment, while only a relatively small minority receive competitive funding that significantly alters their academic conditions [Bekova, Dzhafarova 2019; Bekova 2021; Babayeva, Maloshonok 2025].

One of the primary mechanism through which funding status shapes publication outcomes is time availability. Doctoral students lacking adequate financial support must devote substantial time to paid employment, thereby reducing the time available for research, writing, and engagement with publication processes. Bekova [2021] found that nearly half employed Russian doctoral students are in positions unrelated to their dissertation research. Although this employment provides financial income it contributes little to research development or academic skill acquisition. This form of «time scarcity» produces predictable consequences: including lower publication productivity, slower progress, and increased stress and burnout [Cano, Alamino 2025; Kumar et al. 2025].

International research supports these findings. Doctoral students whose paid work aligns with their dissertation research particularly through teaching or research assistantships tend to publish more actively and complete their degrees more quickly [McGrail, Rickard, Jones 2006; Larivière 2012; Horta, Santos 2016] because they receive not only financial support but also integration into scholarly communities, dedicated research time, and mentorship opportunities [Ampaw, Jaeger 2012; Grote et al. 2021; Van Rooij et al. 2021]. By contrast, self-funded doctoral students often receive financial income alone, forcing them to conduct research at the margins of already exhausting work schedules [Bekova 2021].

Beyond time scarcity, financial instability also imposes significant cognitive and emotional burdens, thereby undermining doctoral students' capacity to publish. Constant financial anxiety consumes cognitive resources necessary for sustained intellectual work, making doctoral students particularly vulnerable to the uncertainties of academic publishing, including lengthy review timelines, major revisions, and manuscript rejection [Marson, Ferris 2023]. By contrast, securely funded doctoral students are often better positioned to absorb these uncertainties, viewing them as manageable features of academic work rather than existential threats [Padmalochanan 2025].

Research Gap

Although existing literature demonstrates the importance of funding for doctoral outcomes, important gaps remain both conceptually and methodologically. Quantitative studies consistently demonstrate that funding improves doctoral outcomes. Recent Russian research demonstrates that grant recipients are significantly more likely to defend dissertations successfully and publish actively [Smirnov 2025], while international studies similarly show that funded doctoral students outperform self-funded peers across multiple indicators [Horta, Cattaneo, Meoli 2018]. However, despite their value, these studies leave several important questions unresolved.

They demonstrate that funding improves doctoral outcomes, but not the mechanisms through which this occurs. Little remains known about how funding shapes the lived experiences of doctoral students within the same institutional cohorts, including how funded and self-funded doctoral students experience institutional publication requirements, what strategies they develop in response to publication pressures, and how self-

funded doctoral students manage publication expectations while simultaneously working to sustain themselves financially. Questions of perception, strategy, and meaning therefore remain insufficiently explored.

Moreover, existing studies frequently treat funding as one explanatory variable among many [Horta, Cattaneo, Meoli 2018; Bekova 2021; Van Rooij et al. 2021; Marson, Ferris 2023], rather than as a central mechanism shaping how doctoral students experience institutional requirements. In addition no qualitative study has systematically compared the publication experiences of funded and self-funded doctoral students within a shared institutional context. Furthermore, the Russian doctoral system has undergone substantial transformation since 2022 [Alfimtsev, Bagdasaryan, Sakulin 2024]. These reforms have altered publication requirements, revised approved journal lists and reshaped the institutional field in which doctoral students operate. Research conducted prior to these reforms cannot adequately capture the dynamics of the current system.

The present study addresses these gaps through in-depth qualitative interviews, by examining how funding status shapes Russian doctoral students' perceptions and experiences of publication requirements and how these experiences influence progress toward timely degree completion. Rather than simply confirming that funding matters the study seeks to understand the mechanisms through which economic capital becomes lived experience within the Russian doctoral field.

Methodology

Design

This study employed an exploratory qualitative design to examine how funding status shapes doctoral students' experiences of mandatory publication requirements in Russia. This approach was selected because the phenomenon remains insufficiently researched, particularly following the post-2022 reforms, making exploratory methods especially appropriate for generating rich, participant-driven data [Stebbins 2001]. Qualitative methods are particularly well suited to capturing subjective meanings and interpretations [Creswell et al. 2007; Williams, Moser 2019], allowing the study to move beyond documenting outcomes toward understanding how financial in(security) shapes doctoral students' engagement with publication requirements and ultimately influences progress toward timely degree completion.

Research Site Characteristics

This study was conducted at a research-intensive university (RIU) in Moscow, one of Russia's most selective and internationally recognised higher education institutions. The university is ranked among the world's top 300 universities according to the QS World University Rankings 2024 and offers doctoral programmes across the social sciences, humanities, arts, and STEM disciplines. Doctoral education at the RIU follows a three-to-four-year training model equivalent to the PhD.

To qualify for dissertation defence doctoral students at the RIU must satisfy three core requirements. First, they must pass compulsory candidate examinations. Second, they must publish at least three articles in peer-reviewed academic journals. Third, they must complete teaching and research internships alongside coursework supporting dissertation development.

Every doctoral student at the RIU is assigned at least one supervisor, a full-time professor or researcher affiliated with the university, whose expertise aligns with the student's dissertation topic. Doctoral students enrolled on a state-funded basis receive a monthly stipend. For most doctoral students, the stipend amounts to approximately 4,200 roubles (around USD 52) per month, although students in STEM disciplines receive stipends exceeding 10,000 roubles (approximately USD 123). In addition to this basic support, the RIU offers

several competitive funding opportunities. The most desirable forms of support among doctoral students are scholarships and grants that do not require assistantship obligations. These include an academic scholarship of 40,000 roubles per month and a monthly grant of 70,000 roubles for students progressing directly from the university's master's programmes into doctoral study. Recipients of these awards are required to complete and defend their dissertations within the standard doctoral programme timeframe; otherwise, they are required to repay all funds received.

Participants

Nineteen doctoral students participated in this study. Participants were selected through criterion-based purposive sampling [Miles, Huberman 1994; Campbell et al. 2020], a strategy involving the intentional selection of participants capable of providing rich and relevant insights into the phenomenon under investigation. Eligibility criteria were intentionally broad: participants had to be full-time doctoral students currently enrolled at the RIU irrespective of gender, age, marital status, or ethnicity.

Participants were recruited through programme-specific Telegram cohort groups. With permission from group administrators, I posted a short recruitment message outlining the study purpose, eligibility criteria, and contact details. No participation incentives were provided. Interested students contacted me directly to arrange interviews. Purposeful sampling was subsequently used to ensure variation across funding status, disciplinary background, and year of study.

The final sample comprised seven female (indicated as IRF) and twelve male (indicated as IRM) doctoral students aged between 24 and 35 years. All participants were citizens of the Russian Federation. In terms of funding status, ten participants received additional financial support from the RIU, including enhanced stipends, grants, and paid assistantships in teaching, research, or administration. The remaining nine participants received no financial support beyond the standard state stipend. Detailed demographic characteristics and funding profiles are presented in Appendix 1.

Instrument and Data Collection

Data were collected through semi-structured interviews, a method particularly well-suited to exploring participants' perceptions and experiences in depth while retaining flexibility to pursue unexpected yet relevant themes [Kallio et al. 2016]. The interview guide was initially developed around the study's central research question: namely, how funded and self-funded doctoral students perceive the advantages and challenges associated with their circumstances and how unequal access to additional financial support shapes progress toward timely degree completion.

The guide was organised into four thematic blocks. The first block included introductory questions intended to establish rapport and invite participants to describe their pathways into doctoral study. The second block explored participants' motivations for entering doctoral education and their initial expectations of the programme. The third block, focused on publication experiences including participants' engagement with publication processes, successes, difficulties, coping strategies, and the role of supervision and institutional support. The fourth block addressed funding and broader personal circumstances, including living arrangements, external employment, family support, and the material conditions shaping everyday life. This structure enabled the collection of comparable information across interviews while remaining responsive to participants' individual narratives.

As data collection progressed, it became increasingly evident that participants consistently redirected discussion toward publication experiences. Regardless of funding status, doctoral students spoke most extensively and emotionally about publication requirements, the uncertainties of peer-review, and the ways financial cir-

cumstances shaped their ability to produce publications. This emergent emphasis prompted iterative refinement of the interview guide, with increasing attention devoted to probing the relationship between funding and publication requirements, and the specific ways material conditions enabled or constrained engagement with this central institutional demand.

Interviews were conducted in November 2024 following ethical approval from the university's Institutional Ethics Board. Each interview lasted between 60 and 80 minutes and was conducted either in person or online depending on participants' preferences and availability. All interviews were audio-recorded with participants' Written informed consent, which was obtained through signed consent forms before each interview. This procedure ensured that participants were fully informed about the study's aims, their rights, and the intended use of their data.

Data Analysis

Interview data were analysed using inductive thematic analysis [Braun, Clarke 2006; Kyngäs 2020]. This method involves identifying, analysing, and reporting patterns across qualitative data while allowing themes to emerge from the data rather than being imposed through pre-existing theoretical categories [Vears, Gilham 2022]. The analysis proceeded in several stages.

First, my principal supervisor and I independently read and re-read the interview transcripts in order to become thoroughly familiar with the material, and to enhance analytical rigour through inter-coder comparison and reflexive discussion. These codes were subsequently compared and discussed to refine the coding framework and ensure consistency between researchers [Nowell et al. 2017]. Coding was conducted using *Taguette*, an open-source software package for qualitative data management.

Following the initial coding stage, codes were grouped into broader conceptual categories based on recurring patterns and relationships across interviews Appendix 2 (Table A2.1). These categories were then reviewed and consolidated into themes that captured the most significant dimensions of participants' experiences. Through this iterative analytical process, six preliminary categories were refined into four overarching themes, directly addressing the study's central research question: "How do funded and self-funded doctoral students in Russia differ in their perceptions and experiences of institutional publication requirements and their role in shaping timely doctoral completion?". The coding framework and process of thematic development are presented in Appendix 2 (see Table A2.2).

Findings

The findings are organised around four themes emerging from the analysis. Each theme is presented with particular attention to differences between funded and self-funded doctoral students, drawing on contextual information regarding participants' living conditions, employment, and support networks.

Theme 1. The Institutional Framework of Publishing

This theme captures the publication-related issues discussed most frequently across interviews. All participants, regardless of funding status, described publication requirements as a major source of pressure. However, both the nature of this pressure and the resources available to manage it differed substantially between the two groups.

Among funded doctoral students, pressure stemmed primarily from balancing semi-annual attestation requirements with the sustained concentration necessary for dissertation writing. IRM 13 (IRM or IRF stands for

Individual Reference for male or female doctoral student, see Appendix 1, Table A1.1), a funded doctoral student living in rented accommodation and receiving a monthly grant of 70,000 roubles described feeling “enslaved by two demanding masters at once”:

Naturally, writing these articles requires an enormous amount of effort, to the point that it overshadows the dissertation itself <...> At every attestation point that is exactly what is demanded of you: published articles <...> You find yourself beholden to two demanding masters at the same time (IRM 13, funded).

For self-funded doctoral students, however, the pressure was more fundamental. IRF 11, who lived in university accommodation and worked 30 hours per week as a library assistant in a research archive unrelated to her dissertation field in history, described the challenge differently:

The biggest challenge is trying to combine paid work with writing my dissertation. And not just the dissertation, but articles as well. Almost everyone in my cohort has one or two paid jobs, plus a grant if they are lucky, plus something else, simply to survive. Trying to fit dissertation research into this schedule, let alone article writing, is incredibly difficult (IRF 11, self-funded).

The institutional journal approval system intensified these difficulties for both groups, although in different ways. Funded doctoral students, often embedded within supervisory networks and university research centers or laboratories, could rely on supervisors’ guidance regarding journals most likely to accept their work. Self-funded doctoral students, by contrast, were often left to navigate the publication system independently, which increased uncertainty and frustration. IRF 19, who held teaching positions at two universities to support herself financially described this frustration:

What is especially absurd is that the Moscow State University Bulletin, Psychology Series is included in the RCSI⁴ [Russian Centre of Scientific Information] “whitelist”, yet it is not recognised by the RIU <...> Our entire department has been fighting to get it included. We already have very few approved journals available to us (IRF 19, self-funded).

Theme 2. The Significance of Funding

The sharpest distinction between funded and self-funded doctoral students concerned the material conditions underpinning their academic work. These conditions extended beyond university funding to encompass living arrangements, family support, and external employment.

Funded doctoral students typically lived in university dormitories or shared apartments with other funded doctoral students. Several participants also described receiving additional financial support from family members, although this emerged only gradually during extended interview discussions. IRM 9, a funded doctoral student who additionally worked full-time outside academia reflected on what financial support made possible:

I realised that money is needed not only for reading and studying, but also for thinking and reflection, and that this is already half the success. Sometimes I experience moments of fear, especially when I am exhausted and it feels as though the work is poor, I am inadequate, and I will never accomplish anything. That is the fear (IRM 9, funded).

⁴ Russian Centre of Scientific Information (in rus.: Российский центр научной информации, РЦНИ) founded in 2022 that includes a list of Russian and international scientific publications used to assess scientists’ publication activity and monitor the scientific process in Russia. Available at: <https://www.rcsi.science/> (accessed 14 May 2026) (in Russian).

This fear of failing to justify the investment made in them was echoed by other funded doctoral students. IRM 15, a grant recipient employed at the RIU research centre, described the psychological burden associated with this support:

You constantly feel that you must perform. The scholarship is not simply money; it is an expectation. Every time I sit down to write, I think about whether what I am producing is worthy of the support I have received (IRM 15, funded).

Self-funded doctoral students are confronted with very different material realities. IRF 12, who lived in university accommodation while working 40 hours per week as an assistant accountant at a major financial institution while pursuing her doctorate, described her daily rhythm:

I wake up at six in the morning and go straight to work. By 9 p. m., I am exhausted, but that is the only time left for my research. Sometimes I fall asleep at my desk. Writing an article under these conditions feels almost impossible (IRF 12, self-funded).

Funding also took the form of paid university employment rather than solely scholarships or grants. IRM 10, a funded doctoral student in archaeology, received financial support primarily through multiple part-time university positions, including paid research projects and semester-based teaching assignments. Despite living in relatively inexpensive dormitory accommodation, he additionally supported himself through seasonal excavation work, which was connected to his dissertation research but physically exhausting:

During the summer, I excavate. It pays, and it contributes to my research, so in that sense I am fortunate. But when I return in September, I am physically exhausted. It takes weeks to get back into academic writing mode, and by then the attestation deadlines are already approaching (IRM 10, funded).

These contrasting material conditions shaped not only the amount of time available for academic work, including publication writing and dissertation work, but also doctoral students' cognitive and emotional capacity for the sustained intellectual engagement required by academic writing.

Theme 3. Navigating the Publication Landscape

Participants' accounts of the publication process revealed further divergence between funded and self-funded doctoral students. Funded doctoral students, although frustrated by publication delays and opaque review procedures, generally possessed strategies for navigating these uncertainties described an early manuscript rejection that initially felt deeply disorienting:

My first article submission was rejected several times for what seemed like strange reasons. One journal said they do not publish theoretical articles, but when I looked through previous issues, I found many theoretical papers there. It was unsettling. But my supervisor helped me interpret the feedback, and together we identified another journal (IRM 1, funded).

This access to supervisory guidance and institutional knowledge emerged as a common advantage among funded doctoral students. IRF 17, who worked as a research assistant while living in university accommodation, described how research-centre networks facilitated publication:

When I submitted my first article, I had colleagues who had already published in that journal. They told me what the editors were looking for, how long the review process usually took, and what kinds of revisions to expect. That insider knowledge made the process much less frightening (IRF 17, funded).

Self-funded doctoral students, by contrast, were often left to navigate the publication landscape independently. IRF 11 described how this uncertainty directly threatened scientific productivity and attestation performance indicators:

At every attestation meeting, the main issue was whether we had managed to write the article, submit it on time, and then survive months in complete silence. My cohort faced the same problem. Sometimes a journal remains silent for an entire year before sending a rejection letter. Without anyone to advise you, all you can do is wait and worry (IRF 11, self-funded).

These accounts reveal a publication landscape characterised by unpredictable delays, opaque rejection practices, and a lack of constructive feedback, all of which generated frustration and uncertainty among doctoral students.

Theme 4. Personal Trajectories and Capacities

The concept of capital conversion, central to Bourdieu's theoretical framework, was vividly reflected in participants' accounts. Funded doctoral students were able to transform material security into cultural and social capital in ways unavailable to self-funded students.

IRM 9, whose funding, employment, and family support provided a relatively stable material foundation, described taking a deliberate and cautious approach to publication:

The work had already been done and eventually resulted in an article. The article was published several months later than I had planned. It probably should have appeared a year earlier. But things did not come together, and I lacked confidence in the result. Now, however, I do not regret the delay at all, because the article turned out to be far stronger than it would have been a year earlier (IRM 9, funded).

This ability to wait, to prioritise quality over speed represented a form of privilege unavailable to self-funded doctoral students. IRF 11 described the opposite dynamic:

I submitted my first article knowing it was not ready. But I needed something to present at attestation. The reviewers rejected it, and their comments were actually useful. But I did not have enough time to revise it properly before the next deadline, so I submitted it elsewhere, and that version also had problems. I am still trying to produce one solid publication from work that should have been stronger from the beginning (IRF 11, self-funded).

IRM 14, a funded doctoral student whose support came through a research assistantship supervised by his advisor, reflected on how this employment created opportunities for social capital that directly facilitated publication:

Publication practices in my field operate differently. In some journals, publication opportunities are shaped by existing project collaborations because your paper includes the names of your supervisor and other project members. When I submitted my work, the review process was still rigorous, but I felt confident that my paper would at least receive serious consideration. That matters when you are an early-career researcher (IRM 14, funded).

IRF 19, lacking access to such networks, described a contrasting sense of isolation:

I do not know any editors. My supervisor is supportive, but very busy. When I submit an article, I am simply another name in the queue. I have no way of knowing whether my paper will even be read, let alone taken seriously (IRF 19, self-funded).

These contrasting accounts illustrate the central mechanism identified in this study: economic capital, in the form of additional funding support, enables the acquisition of cultural capital (time for high-quality work) and social capital (networks and mentorship), which together facilitate publication production, the symbolic capital necessary for degree completion. Self-funded doctoral students, lacking this foundational form of capital, encountered barriers throughout every stage of the conversion process.

Concluding Discussion

This study sought to explore how doctoral students in Russia perceive institutional publication requirements as either facilitators or barriers to timely degree completion, and how these perceptions differ between funded and self-funded doctoral students. Viewed through Bourdieu's [1977] theoretical lens, the findings reveal not simply variation in experience but fundamentally different positions within the academic field, positions shaped by differential access to economic capital, which either enables or constrains the acquisition of other forms of capital.

Funding Status and Positions within the Academic Field

For funded doctoral students, economic capital provides a foundation for accumulating cultural and social capital. They possess time, not merely chronological time, but cognitive space for sustained reading, careful writing, and reflective revision. They are embedded in networks that provide mentorship, insider knowledge, and opportunities for collaboration. They are able to absorb the uncertainties of publication with greater emotional stability, viewing delays and rejections as normal features of academic work rather than existential threats. Their challenge lies in managing the psychological weight of expectations attached to their funding, the fear of failing to justify the investment made in them.

For self-funded doctoral students, by contrast, the absence of economic capital generates barriers throughout the doctoral process. Their time is absorbed by income-generating employment, which rarely contributes to their scholarly development. They navigate publication processes in relative isolation, without access to the insider knowledge and mentorship routinely available to funded peers. They cannot afford to prioritise quality over speed; they must produce something, anything, to meet attestation deadlines. The publication process, with its inherent unpredictability, becomes not a normal part of academic life but a source of chronic stress that compounds the precarity of their material circumstances.

These findings extend the literature on doctoral publishing by moving beyond documenting publication pressures toward examining the mechanisms through which funding shapes experience [McGrail, Rickard, Jones 2006; Larivière 2012; Horta, Santos 2016; Horta, Cattaneo, Meoli 2018; Smirnov 2025]. The findings support quantitative research demonstrating that funding improves doctoral outcomes [Horta, Cattaneo, Meoli 2018; Smirnov 2025] while also revealing the processes underlying those outcomes: the conversion of economic capital into cultural and social capital, and the differential capacity of funded and self-funded doctoral students to manage this conversion.

The Material Context of Academic Work

The findings demonstrate that funding status is not merely a question of receiving a scholarship or grant, rather, it is embedded within a broader web of material conditions, including living arrangements, family support,

and the character of external employment. Funded doctoral students were more likely to live in stable housing, receive additional family support, and to hold employment that aligned with their dissertation research. By contrast, self-funded doctoral students experienced housing precarity, long commutes that consumed both time and energy, and employment that depleted rather than supported their academic capacities.

These material conditions shaped not only how much time doctoral students had for academic work, but also doctoral students' cognitive and emotional capacity for sustained concentration. The concept of 'time poverty' [Cano, Alamino 2025; Kumar et al. 2025] captures only part of the story. Equally important is the quality of time available, whether that time comes at the end of an exhausting workday, whether it is fragmented by competing demands, or overshadowed by anxieties about rent or bills. Self-funded doctoral students in this study experienced time that was not only scarce but also qualitatively different: time shaped by fatigue, anxiety, and constant material insecurity.

Differential Conversion of Capital

The most theoretically significant finding emerging from this analysis concerns the differential conversion of capital. Bourdieu's [1977] framework conceptualises capitals as convertible, while recognising that such conversion is neither automatic nor equally accessible to all actors within the field. This study demonstrates that funded and self-funded doctoral students occupy fundamentally different positions in the conversion process.

Funded doctoral students begin with economic capital, which can be converted into cultural capital, including time for high-quality academic work and social capital in the form of networks and mentorship. These forms of capital, in turn, facilitate publication production, the symbolic capital required for degree completion. The conversion is not frictionless; it carries psychological costs and depends upon doctoral students' ability to mobilise available resources. Nevertheless, the pathway itself remains available to funded doctoral students in ways unavailable to their self-funded peers.

Self-funded doctoral students, lacking foundational economic capital, encounter barriers even to entering this conversion process. Their time is dominated by the demands of material survival. Their opportunities to accumulate social capital are constrained by the demands of employment. When publications are produced, they often emerge under conditions that compromise quality, including rushed submissions, inadequate revision, and risky strategies, such as simultaneous submissions. For these students, the conversion process is not merely difficult but structurally constrained.

This insight carries important implications for understanding the publish-or-perish imperative. What appears from an institutional perspective as a neutral requirement that all doctoral students must publish, operates in practice as a mechanism that rewards those already positioned favourably within the field while penalising those disadvantaged by their material circumstances. The requirement itself is not the problem; the problem is the unequal distribution of the resources needed to meet it.

Implications for Institutional Practice

These findings point to several implications for how universities might better support doctoral students. First, the material conditions of doctoral students' lives matter. Institutions that conceptualise funding simply in terms of scholarships or stipends overlook the broader material context, including housing, family support, and the character of external employment, all of which shape doctoral students' capacity to engage with academic work. Understanding these conditions requires ongoing and holistic dialogue with doctoral students, rather than reliance solely on administrative data.

Second, the psychological burden associated with funding deserves greater institutional attention. Funded doctoral students described anxiety about meeting expectations, fear of failing to justify the investment made in them. Support structures that acknowledge this burden, including mentoring, peer support, and explicit discussion of what funding requires and what it does not, could help funded doctoral students mobilise their resources more effectively.

Third, self-funded doctoral students require qualitatively different forms of institutional support. They require assistance in navigating publication processes without access to insider knowledge. They also require flexibility in attestation deadlines that recognises both the unpredictability of publication timelines and demands of external employment. Most importantly, institutions must recognise that the experiences of self-funded doctoral students are not simply more difficult but qualitatively distinct, and that policies designed around the “typical” doctoral student may systematically disadvantage those who fall outside this model.

Limitations and Future Research

This study has several limitations. First of all, the study was conducted at a single research-intensive university in Moscow, which limits the transferability of the findings to other institutional contexts. Although the sample was diverse in terms of funding status and disciplinary background, it may not capture the full range of doctoral student experiences across Russia. In addition, reliance on self-reported perceptions and experiences introduces the possibility of recall bias and social desirability bias.

Second, the distinction between funded and self-funded doctoral students in this sample was not entirely straightforward. Recipients of additional financial support, including competitive stipends, grants, and research or teaching assistantships, were often doctoral students already integrated into the institution prior to doctoral study, and therefore more likely to possess established supervisory relationships, prior publication experience, and access to informal academic networks. These associated advantages may independently shape the differences observed in the study. Within the Bourdieusian framework adopted here, funding status functions not only as economic capital itself, but also as an indicator of accumulated cultural and social capital. Accordingly, the analysis treats funding status as one element within a broader configuration of resources rather than as an isolated causal variable.

Future research should extend this inquiry in several directions. Comparative studies across institutional types, including regional universities, specialised institutes, non-research-intensive settings, would provide greater insight into how institutional context shapes the processes identified here. Longitudinal research following doctoral students over time could reveal how capital conversion unfolds throughout the doctoral trajectory, and how early disadvantages are either accumulated or mitigated over time. Most importantly, future research pays closer attention to the material contexts of doctoral students’ lives: housing, family circumstances, the nature and demands of external employment. These factors, often treated merely as background variables, emerged in this study as central to understanding how funding status shapes doctoral experience.

Conclusion

Viewed through a Bourdieusian lens, this study demonstrates that Russian doctoral students’ perceptions and experiences of publication demands are shaped not only by institutional requirements but also by their positions within an academic field structured through unequal distributions of capital. Funding status is not merely one variable among many; rather, it constitutes the foundational resource shaping doctoral students’ ability to acquire the cultural and social capital necessary for successful publication. For funded doctoral students, the central challenge lies in managing the psychological weight attached to institutional support. For self-funded doctoral students, the challenge is more fundamental: finding time, energy, and cognitive space for academic

work while meeting the demands of material survival. Recognising this central dichotomy, universities may begin to restructure the academic field in ways that better support all doctoral students, ensuring that the imperative to publish strengthens rather than undermines the cultivation of future scholars.

Acknowledgements

The author sincerely thanks Dr Natalia Maloshonok and Dr Irina Shcheglova for their valuable guidance and support. The author also expresses deep gratitude to the editorial team and reviewers for their intellectual generosity and constructive support in improving this manuscript.

Ethics Approval and Consent to Participate

Ethics approval was obtained from the Institutional Review Board of the research-intensive university in November 2024. The data supporting the findings of this study are available from the author upon reasonable request. However, due to ethical approval restrictions, the dataset cannot be made publicly available.

Disclosure Statement

The author declares no conflicts of interest.

Funding

No funding was received for the preparation of this manuscript.

Appendix 1

Table A1.1

Interviewees' Demographics*

No.	ID	Age Range	Admission Year	Doctoral School	Funding Status (AF ^{***})	Type of AF
1	IRM 1	26–30	2022	Psychology	Yes ^{***}	Teaching Assistantship
2	IRF 2	26–30	2022	Biology ^{**}	Yes ^{***}	Teaching Assistantship
3	IRM 3	26–30	2022	Mathematics ^{**}	Yes ^{***}	Academic Stipend
4	IRF 4	26–30	2022	Education	No	Non applicable
5	IRM 5	26–30	2022	Computer Sciences ^{**}	No	Non applicable
6	IRM 6	26–30	2022	Education	No	Non applicable
7	IRM 7	26–30	2021	Sociology	No	Non applicable
8	IRM 8	26–30	2023	Mathematics ^{**}	Yes ^{***}	Academic grant
9	IRM 9	26–30	2023	Political Sciences	Yes ^{***}	Academic grant
10	IRM 10	26–30	2022	History	Yes ^{***}	Research Assistantship
11	IRF 11	26–30	2022	History	No	Non applicable
12	IRF 12	26–30	2021	Economics	No	Non applicable
13	IRM 13	26–30	2022	History	Yes ^{***}	Academic grant
14	IRM 14	26–30	2022	Physics ^{**}	Yes ^{***}	Research assistantship
15	IRM 15	26–30	2022	Education	Yes ^{***}	Academic grant
16	IRF 16	26–30	2023	Economics	No	Non applicable
17	IRF 17	26–30	2022	International Relations	Yes ^{***}	Academic stipend
18	IRM 18	26–30	2021	Sociology	No	Non applicable
19	IRF 19	26–30	2022	Psychology	No	Non applicable

Notes:

* Interviewees' Demographics' ID generated as 'Individual Reference' followed by gender [i. e., F for female, M for male] and their number in interviewing order. For example, IRM 1 represents interviewee with 'Individual Reference of Male gender and first to be interviewed'.

** Asterisks (**) in the Doctoral School column assigned to 4 years (usually in STEM fields) PhD programmes at RIU, with initially high basic state stipend (> 10,000 roubles).

*** Asterisks (***) in the Funding status (AF) column assigned to those PhD students who receive additional funding (AF) above to their basic state stipend. It can be either (a) 40,000 roubles monthly (Academic stipend), (b) 70,000 roubles monthly (Academic grant, only for those who continue from Master's programme into their PhD within the RIU), or (c) other forms of AF, such as employment in assistantship roles (research, teaching).

Appendix 2

Codes, Categories and Themes Development Procedures

Table A2.1

Coding Development and Occurrences

No.	Codes	Times Appeared
1	Additional financing for publication	5
2	Approved list of journals	8
3	Barriers from publishers	9
4	Employed outside of the RU	1
5	Enjoys writing articles	1
6	Funding recipients are supported with publications	5
7	Lack of proper feedback on rejection by publishers	2
8	No previous publications	3
9	Non-recipients' challenges with publications	5
10	Obligations with timely completion of PhD for additional funding recipients	2
11	Previous publications	11
12	Prioritises dissertation over income	1
13	Publication arrangements for attestation	12
14	Publication requirements distract from dissertation	2
15	Publication specifics in the field of study	4
16	Terms and conditions of additional funding	1
17	Writing challenges	6

Table A2.2

Clustering of Codes, Categories and Themes Development Procedures

Themes	Categories	Codes
Theme 1: The Institutional Framework of Publishing (strongest theme)	Category 1: Institutional Publication Mandates and Support	Publication arrangements for attestation (12) Approved list of journals (8) Funding recipients are supported with publications (5)
Theme 2: The Significance of Funding	Category 2: Funding Structures and Obligations	Additional financing for publication (5) Terms and conditions of additional funding (1) Obligations with timely completion of PhD for additional funding recipients (2)
	Category 3: The Impact of Funding Status	Non-recipients' challenges with publications (5) Employed outside of the RIU (1) Prioritises dissertation over income (1)
Theme 3: Navigating the Publishing Landscape	Category 4: Publisher-Related Hurdles	Barriers from publishers (9) Lack of proper feedback on rejection by publishers (2)
	Category 5: Field-Specific and Skill-Based Challenges	Publication specifics in the field of study (4) Writing challenges (6)
Theme 4: Personal Trajectories and Capacities	Category 6: Researcher Background and Conflicting Demands	Previous publications (11) No previous publications (3) Enjoys writing articles (1) Publication requirements distract from dissertation (2)

References

- Alfimtsev A. N., Bagdasaryan N. G., Sakulin S. A. (2024) *Kandidatskaya dissertatsiya po II: novyy vyzov tsifrovoy epokhi* [PhD Thesis on AI: A New Challenge of the Digital Era]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, vol. 33, no 4, pp. 33–48. doi: [10.31992/0869-3617-2024-33-4-33-48](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-4-33-48) (in Russian).
- Ampaw F. D., Jaeger A. J. (2012) Completing the Three Stages of Doctoral Education: An Event History Analysis. *Research in Higher Education*, vol. 53, no 6, pp. 640–660. doi: [10.1007/s11162-011-9250-3](https://doi.org/10.1007/s11162-011-9250-3)
- Babayeva J., Maloshonok N. G. (2025) Sistematischeskiy obzor phinansovoy podderzhki aspirantov: tipologiya praktik i perspektivy [Financial Support for Doctoral Students: Practices' Typologies and Perspectives]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, vol. 34, no 2, pp. 86–107, doi: [10.31992/0869-3617-2025-34-2-86-107](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-2-86-107) (in Russian).
- Bednyi B. I., Mironos A. A., Rybakov N. V. (2019) Kak rossiyskaya aspirantura vpolnyaet svoyu glavnyu missiyu: nauko-metricheskie otsenki (statya 2) [How Russian Doctoral Education Fulfills Its Main Mission: Scientometric Assessments (article 2)]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, vol. 28, no 10, pp. 9–24. doi: [10.31992/0869-3617-2019-28-10-9-24](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-10-9-24) (in Russian).
- Bekova S. (2021) Does Employment during Doctoral Training Reduce the PhD Completion Rate? *Studies in Higher Education*, vol. 46, no 6, pp. 1068–1080. doi: [10.1080/03075079.2019.1672648](https://doi.org/10.1080/03075079.2019.1672648)

- Bekova S. K., Dzafarova Z. I. (2019) Komu v aspiranture zhit khorosho: svyaz' trudovoy zanyatosti aspirantov s protsessom i rezultatami obucheniya [Who will Live Well in Graduate School: The Relationship of the Post-Graduate Students' Employment with the Learning Process]. *Educational Studies Moscow = Voprosy obrazovaniya*, no 1, pp. 87–108. doi: [10.17323/1814-9545-2019-1-87-108](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-1-87-108) (in Russian).
- Bello S. A., Azubuike F. C., Akande O. A. (2023) Reputation Disparity in Teaching and Research Productivity and Rewards in the Context of Consequences of Institutionalization of Publish or Perish Culture in Academia. *Higher Education Quarterly*, vol. 77, no 3, pp. 574–584. doi: [10.1111/hequ.12417](https://doi.org/10.1111/hequ.12417)
- Bourdieu P. (1977) *Outline of a Theory of Practice*, Cambridge, MA: Cambridge University Press. doi: [10.1017/CBO9780511812507](https://doi.org/10.1017/CBO9780511812507)
- Braun V., Clarke V. (2006) Using Thematic Analysis in Psychology. *Qualitative Research in Psychology*, vol. 3, no 2, pp. 77–101. doi: [10.1191/1478088706qp063oa](https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa)
- Campbell S., Greenwood M., Prior S., Shearer T., Walkem K., Young S., Bywaters D., Walker K. (2020) Purposeful Sampling: Complex or Simple? Research Case Examples. *Journal of Research in Nursing*, vol. 25, no 8, pp. 652–661. doi: [10.1177/1744987120927206](https://doi.org/10.1177/1744987120927206)
- Cano M. L., Alaminio J. M. G. (2025) The Scientific Publication as a Referent of Recognition. The Pressure to Publish. *Cirugía Española* (English Edition), vol. 103, no 4, pp. 217–219. doi: [10.1016/j.cireng.2024.11.015](https://doi.org/10.1016/j.cireng.2024.11.015)
- Creswell J. W., Hanson W. E., Clark Plano V. L., Morales A. (2007) Qualitative Research Designs: Selection and Implementation. *The Counseling Psychologist*, vol. 35, no 2, pp. 236–264. doi: [10.1177/0011000006287390](https://doi.org/10.1177/0011000006287390)
- De Rond M., Miller A. N. (2005) Publish or Perish: Bane or Boon of Academic Life? *Journal of Management Inquiry*, vol. 14, no 4, pp. 321–329. doi: [10.1177/1056492605276850](https://doi.org/10.1177/1056492605276850)
- DeSantis L., Ugarriza D. N. (2000) The Concept of Theme as Used in Qualitative Nursing Research. *Western Journal of Nursing Research*, vol. 22, no 3, pp. 351–372. doi: [10.1177/019394590002200308](https://doi.org/10.1177/019394590002200308)
- Dusdal J., Powell J. J. (2021) Benefits, Motivations, and Challenges of International Collaborative Research: A Sociology of Science Case Study. *Science and Public Policy*, vol. 48, no 2, pp. 235–245. doi: [10.1093/scipol/scab010](https://doi.org/10.1093/scipol/scab010)
- Egorov S. Y. (2022) Rabota Dissertatsionnykh Sovetov Novoy Sistemy Nauchnoy Attestatsii [Work of Dissertation Councils of New System of Scientific Attestation]. *University Management: Practice and Analysis = Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, vol. 26, no 1, pp. 82–91. doi: [10.15826/umpa.2022.01.006](https://doi.org/10.15826/umpa.2022.01.006) (in Russian).
- Ehrenberg R. G., Jakubson G. H., Groen J. A., So E., Price J. (2007) Inside the Black Box of Doctoral Education: What Program Characteristics Influence Doctoral Students' Attrition and Graduation Probabilities? *Educational Evaluation and Policy Analysis*, vol. 29, no 2, pp. 134–150. doi: [10.3102/0162373707301707](https://doi.org/10.3102/0162373707301707)
- Gohberg L. M., Ditkovskij K. A., Evnevich E. I., Kocemir M. N., Kuznecova I. A., Martynova S. V., Pashomov S. I., Polyakova V. V., Rataj T. V., Revyakin S. A., Repina A. A., Rosoveckaya L. A., Sagieva G. S., Strel'cova E. A., Tarasenko I. I., Fridlyanova S. Yu., Yudin I. B. (eds) (2025) *Indikatory nauki: 2025. Statisticheskiy sbornik* [Science and Technology Indicators in the Russian Federation: 2025. Data Book], Moscow: The Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge; National Research

University Higher School of Economics (ISSEK HSE). Available at: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1013106714.pdf> (accessed 26 May 2025) (in Russian).

- Golde C. M. (2005) The Role of the Department and Discipline in Doctoral Student Attrition: Lessons from Four Departments. *The Journal of Higher Education*, vol. 76, no 6, pp. 669–700. doi: [10.1353/jhe.2005.0039](https://doi.org/10.1353/jhe.2005.0039)
- Grote D., Patrick A., Lyles C., Knight D., Borrego M., Alsharif A. (2021) STEM Doctoral Students' Skill Development: Does Funding Mechanism Matter? *International Journal of STEM Education*, vol. 8, no 1, art. 50. doi: [10.1186/s40594-021-00308-w.pdf](https://doi.org/10.1186/s40594-021-00308-w.pdf)
- Horta H., Cattaneo M., Meoli M. (2018) PhD Funding as a Determinant of PhD and Career Research Performance. *Studies in Higher Education*, vol. 43, no 3, pp. 542–570. doi: [10.1080/03075079.2016.1185406](https://doi.org/10.1080/03075079.2016.1185406)
- Horta H., Lacy T. A. (2011) How does Size Matter for Science? Exploring the Effects of Research Unit Size on Academics' Scientific Productivity and Information Exchange Behaviours. *Science and Public Policy*, vol. 38, no 6, pp. 449–460. doi: [10.3152/030234211X12960315267813](https://doi.org/10.3152/030234211X12960315267813)
- Horta H., Santos J. M. (2016) The Impact of Publishing during PhD Studies on Career Research Publication, Visibility, and Collaborations. *Research in Higher Education*, vol. 57, no 1, pp. 28–50. doi: [10.1007/s11162-015-9380-0](https://doi.org/10.1007/s11162-015-9380-0)
- Horta H., Li H. (2023) Nothing but Publishing: The Overriding Goal of PhD Students in Mainland China, Hong Kong, and Macau. *Studies in Higher Education*, vol. 48, no 2, pp. 263–282. doi: [10.1080/03075079.2022.2131764](https://doi.org/10.1080/03075079.2022.2131764)
- Kallio H., Pietilä A. M., Johnson M., Kangasniemi M. (2016) Systematic Methodological Review: Developing a Framework for a Qualitative Semi-Structured Interview Guide. *Journal of Advanced Nursing*, vol. 72, no 12, pp. 2954–2965. doi: [10.1111/jan.13031](https://doi.org/10.1111/jan.13031)
- Kamler B. (2008) Rethinking Doctoral Publication Practices: Writing From and Beyond the Thesis. *Studies in Higher Education*, vol. 33, no 3, pp. 283–294. doi: [10.1080/03075070802049236](https://doi.org/10.1080/03075070802049236)
- Kobzar E., Roshchin S. (2020) Russian Doctoral Education: Between Teaching and Research. *Trends and Issues in Doctoral Education: A Global Perspective* (eds. M. Yudkevich, Ph. G. Altbach, H. de Wit), Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, pp. 127–151.
- Kumar S., Singh G., Kumar A., Giri S. K. (2025) Stress Among Research Scholars: Causes, Coping Strategies and Implications for Policy Reform. *Annals of Neurosciences*, vol. 33, no 1, pp. 123–130. doi: [10.1177/09727531251315236](https://doi.org/10.1177/09727531251315236)
- Kuzminov Y., Yudkevich M. (2022) *Higher Education in Russia*, Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Kyngäs H. (2020) Inductive Content Analysis. *The Application of Content Analysis in Nursing Science Research* (eds. H. Kyngäs, K. Mikkonen, M. Kääriäinen), Cham: Springer, pp. 13–21. doi: [10.1007/978-3-030-30199-6_2](https://doi.org/10.1007/978-3-030-30199-6_2)
- Larivière V. (2012) On the Shoulders of Students? The Contribution of PhD Students to the Advancement of Knowledge. *Scientometrics*, vol. 90, no 2, pp. 463–481. doi: [10.1007/s11192-011-0495-6.pdf](https://doi.org/10.1007/s11192-011-0495-6.pdf)

- Larivière V., Costas R. (2016) How Many is too Many? On the Relationship between Research Productivity and Impact. *PloS One*: vol. 11, no 9, art. e0162709. doi: [10.1371/journal.pone.0162709](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0162709)
- Lawrence P. A. (2002) Rank Injustice. *Nature*, vol. 415 (6874), pp. 835–836. doi: [10.1038/415835a](https://doi.org/10.1038/415835a)
- Maloshonok N., Terentev E. (2019) Na puti k novoy modeli aspirantury: opyt sovershenstvovaniya aspirantskikh programm v rossiyskikh vuzakh [Towards the New Model of Doctoral Education: The Experience of Enhancing Doctoral Programs in Russian Universities]. *Educational Studies Moscow = Voprosy obrazovaniya*, no 3, pp. 8–42. doi: [10.17323/1814-9545-2019-3-8-42](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-3-8-42) (in Russian).
- Marson J., Ferris K. (2023) How Supervisors Can Support Doctoral Students to Publish and Not Perish in Academia. *Encyclopedia*, vol. 3, no 4, pp. 1358–1372. doi: [10.3390/encyclopedia3040097](https://doi.org/10.3390/encyclopedia3040097)
- Mason S., Frick L. (2022) Ethical and Practical Considerations for Completing and Supervising a Prospective PhD by Publication. *Landscapes and Narratives of PhD by Publication* (eds. S. W. Chong, N. Johnson), Cham: Springer, pp. 31–45. doi: [10.1007/978-3-031-04895-1_3](https://doi.org/10.1007/978-3-031-04895-1_3)
- McGrail M. R., Rickard C. M., Jones R. (2006) Publish or Perish: A Systematic Review of Interventions to Increase Academic Publication Rates. *Higher Education Research & Development*, vol. 25, no 1, pp. 19–35. doi: [10.1080/07294360500453053](https://doi.org/10.1080/07294360500453053)
- Mertkan Ş., Takir A., Fawzi Shamsi A., Vanci Osam U. (2025) Predoctoral Publications and Academic Career: A Systematic Review and Future Directions. *Studies in Continuing Education*, vol. 47, no 1, pp. 193–209. doi: [10.1080/0158037X.2024.2317807](https://doi.org/10.1080/0158037X.2024.2317807)
- Miles M. B., Huberman A. M. (1984) Drawing Valid Meaning from Qualitative Data: Toward a Shared Craft. *Educational Researcher*, vol. 13, no 5, pp. 20–30. doi: [10.3102/0013189x013005020](https://doi.org/10.3102/0013189x013005020)
- Miles M. B., Huberman A. M. (1994) *Qualitative Data Analysis: An Expanded Sourcebook*, Thousand Oaks, CA: SAGE Publications.
- Nerad M. (2012) Conceptual Approaches to Doctoral Education: A Community of Practice. *Alternation*, vol. 19, no 2, pp. 57–72. Available at: <https://www.education.uw.edu/cirge/wp-content/uploads/2013/10/Nerad-2012-ALTERnation-article-conceptual-Models-2013-.pdf> (accessed 16 April 2025).
- Nerad M. (2020) Governmental Innovation Policies, Globalisation, and Change in Doctoral Education Worldwide: Are Doctoral Programmes Converging? Trends and Tensions. *Structural and Institutional Transformations in Doctoral Education. Issues in Higher Education* (eds. S. Cardoso, O. Tavares, C. Sin, T. Carvalho), Cham: Palgrave Macmillan, pp. 43–84. doi: [10.1007/978-3-030-38046-5_3](https://doi.org/10.1007/978-3-030-38046-5_3)
- Nowell L. S., Norris J. M., White D. E., Moules N. J. (2017) Thematic Analysis: Striving to Meet the Trustworthiness Criteria. *International Journal of Qualitative Methods*, vol. 16, no 1, pp. 1–13. doi: [10.1177/1609406917733847](https://doi.org/10.1177/1609406917733847)
- Padmalochanan P. (2025) Field of Academic Publishing: A Reflection Using Bourdieu's Theory. *Publishing Research Quarterly*, vol. 41, no 1, pp. 94–112. doi: [10.1007/s12109-024-10014-4](https://doi.org/10.1007/s12109-024-10014-4)
- Pickering C., Byrne J. (2013) The Benefits of Publishing Systematic Quantitative Literature Reviews for PhD Candidates and Other Early-Career Researchers. *Higher Education Research & Development*, vol. 33, no 3, pp. 534–548. doi: [10.1080/07294360.2013.841651](https://doi.org/10.1080/07294360.2013.841651)

- Rawat S., Meena S. (2014) Publish or Perish: Where are We Heading? *Journal of Research in Medical Sciences: The Official Journal of Isfahan University of Medical Sciences*, vol. 19, no 2, pp. 87–89. Available at: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC3999612/> (accessed 18 April 2025).
- Robins L., Kanowski P. (2008) PhD by Publication: A Student's Perspective. *Journal of Research Practice*, vol. 4, no 2, art. M3. Available at: <http://jrp.icaap.org/index.php/jrp/article/view/136/154> (accessed 18 March 2025).
- Rudenko D. Y. (2020) The Effect of Project 5-100 on the University's Publication Activity. *University Management: Practice and Analysis*, vol. 24, no 3, pp. 27–45. doi: [10.15826/umpa.2020.03.024](https://doi.org/10.15826/umpa.2020.03.024)
- Smirnov N. M. (2025) Effektivnost grantovoy podderzhki aspirantov v Rossii: kvaziekspperimentalnyy analiz programmy RFFI [The Effectiveness of Grant Support for Doctoral Students in Russia: A Quasi-Experimental Analysis of the RFBR Programme]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, vol. 34, no 3, pp. 77–99, doi: [10.31992/0869-3617-2025-34-3-77-99](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-3-77-99) (in Russian).
- Spence M. (2002) Signalling in Retrospect and the Informational Structure of Markets. *American Economic Review*, vol. 92, no 3, pp. 434–459. Available at: <https://www.jstor.org/stable/3083350> (accessed 15 March 2025).
- Stebbins R. A. (2001) *Exploratory Research in the Social Sciences*, Thousand Oaks, CA: SAGE Publications.
- Sverdlik A., Hall N. C., McAlpine L., Hubbard K. (2018) The PhD Experience: A Review of the Factors Influencing Doctoral Students' Completion, Achievement, and Well-Being. *International Journal of Doctoral Studies*, vol. 13, pp. 361–388. doi: [10.28945/4113](https://doi.org/10.28945/4113)
- Terentev E. A., Bednyi B. I. (2020) Problemy i perspektivy razvitiya rossiyskoy aspirantury: vzglyad regionalnykh universitetov [Problems and Prospects for the Development of Doctoral Education in Russia: The View of Regional Universities]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, vol. 29, no 10, pp. 9–28. doi: [10.31992/0869-3617-2020-29-10-9-28](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-10-9-28) (in Russian).
- Terentev E., Bekova S., Maloshonok N. (2021) Three Challenges to Russian System of Doctoral Education: Why Only One out of Ten Doctoral Students Defends Thesis? *International Journal of Chinese Education*, vol. 10, no 1, art. 22125868211007016. doi: [10.1177/22125868211007016](https://doi.org/10.1177/22125868211007016)
- Valero Y. F. de. (2001) Departmental Factors Affecting Time-to-Degree and Completion Rates of Doctoral Students at One Land-Grant Research Institution. *The Journal of Higher Education*, vol. 72, no 3, pp. 341–367. doi: [10.1080/00221546.2001.11777098](https://doi.org/10.1080/00221546.2001.11777098)
- Van Rooij E., Fokkens-Bruinsma M., Jansen E. (2021) Factors that Influence Phd Candidates' Success: The Importance of PhD Project Characteristics. *Studies in Continuing Education*, vol. 43, no 1, pp. 48–67. doi: [10.1080/0158037X.2019.1652158](https://doi.org/10.1080/0158037X.2019.1652158)
- Vears D. F., Gillam L. (2022) Inductive Content Analysis: A Guide for Beginning Qualitative Researchers. *Focus on Health Professional Education: A Multi-Professional Journal*, vol. 23, no 1, pp. 111–127. doi: [10.3316/informit.455663644555599](https://doi.org/10.3316/informit.455663644555599)
- Vlasova V. V., Gohberg L. M., Ditkovskij K. A., Kocemir M. N., Kuznecova I. A., Martynova S. V., Nestrenko A. V., Pahomov S. I., Polyakova V. V., Rataj T. V., Repina A. A., Rosoveckaya L. A., Sagieva G. S.,

Strelcova E. A., Tarasenko I. I., Fridlyanova S. Yu., Yudin I. B. (eds) (2023) *Indikatoriy nauki: 2023. Statisticheskij sbornik* [Science and Technology Indicators in the Russian Federation: 2023. Data Book], Moscow: The Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge. National Research University Higher School of Economics (ISSEK HSE). Available at: <https://issek.hse.ru/news/817836754.html> (accessed 26 May 2025) (in Russian).

Wang J., Liardét C., Lum J. (2025) Feeling Like an Academic Writer: An Exploration of Doctoral Students' Struggle for Recognition. *Studies in Continuing Education*, vol. 47, no 1, pp. 285–301. doi: [10.1080/0158037X.2024.2358006](https://doi.org/10.1080/0158037X.2024.2358006)

Williams M., Moser T. (2019) The Art of Coding and Thematic Exploration in Qualitative Research. *International Management Review*, vol. 15, no 1, pp. 45–55. Available at: <https://www.proquest.com/openview/1fd39ea96611dee5025714c30820dc83/1?pq-origsite=gscholar&cbl=28202> (accessed 2 February 2026).

Received: November 11, 2025

Citation: Babayeva J. (2026) “Publish or Perish” under Financial Strain: The Role of Funding Status in Shaping Russian Doctoral Students' Perceptions and Experiences of Publication Requirements. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 27, no 3, pp. 129–153. doi: [10.17323/1726-3247-2026-3-129-153](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2026-3-129-153) (in English).

**Экономическая
социология**
Т. 27. № 3.
Май 2026

Электронный журнал
[ojs.hse.ru/index.php/
ecsoc](https://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc)
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 27. No 3.
May 2026

Electronic journal
[ojs.hse.ru/index.php/
ecsoc](https://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc)
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str., room
530
101000 Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Доступ к журналу

- Доступ ко всем номерам журнала — постоянный, свободный и бесплатный.
- Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).
- Если хотите, чтобы Вас оповещали о выходе очередного номера, пожалуйста, заполните форму подписки: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>

Open Access Policy

- All issues of the Journal of Economic Sociology are always open and free access.
- Each entire issue is downloadable as a single PDF file.
- If you wish to receive notification when new issues are published, please fill out the following form: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>